

Б1107В

Б.Ф. СУЛТАНБЕКОВ

Мирсаид
**СУЛТАН-
ГАЛИЕВ:**

Судьба. Люди. Время.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000034794

на
ком
без

...казансь,

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ

3

ББК 66.61(2)271.6

С89

Султанбеков Б. Ф.

Первая жертва Генсека. Мирсаид Султан-Галиев.
Судьба. Люди. Время.— Казань: Татарское книжное издательство,
1991.— 208 с., с ил.

ISBN 5—298—00655—8

Сложная и противоречивая политическая биография одного из главных противников сталинского подхода к созданию национальной государственности до сих пор является предметом дискуссий.

В предлагаемой книге рассматриваются моменты биографии М. Султан-Галиева, связанные с Татарией в сложной обстановке, в которой происходило образование республики.

Адресуется широкому кругу читателей.

0902020000—185

М 132[3]Т—91

7—91

ББК 66

ISBN 5—298—00655—8

Б. Ф. Султанбеков

Вместо предисловия

В 1990 году решениями правоохранительных и партийных органов начат процесс полной реабилитации выдающегося деятеля национально-государственного строительства в нашей стране Мирсаида даргалиевича Султан-Галиева. Он был одним из самых видных оппонентов И. В. Сталина в этой области.

Возвращение ему доброго имени прошло через целый ряд этапов — от первых после 1956 года робких попыток усомниться в виновной вине его отдельных соратников и реабилитации некоторых из них и до завершающих постановлений 1990 года, которыми с Султан-Галиева снимается не только обвинение 1937 года в сотрудничестве с врагами Советской власти, но и признаются «сфальсифицированными органами ОГПУ» политические обвинения 20-х годов. Прошло время внимательно проанализировать его политическое и творческое наследие, которое рядом зарубежных исследователей определяется как крупный вклад в разработку проблем «третьего мира», во многом повлиявшим на формы и методы национально-освободительного движения в колониальных странах. Во Франции, Италии, Японии опубликованы монографические исследования, статьи, художественные произведения, посвященные различным сторонам деятельности Султан-Галиева.

Эта книга — первая попытка представить читателю в самом общем виде некоторые важные вехи политической жизни Мирсаида Султан-Галиева. Она включает биографические очерки о его соратниках и политических противниках, а также документы, воспоминания и другие материалы, помогающие воссоздать общественную атмосферу, в которой протекала жизнь и деятельность героя нашей книги. Некоторые из них носят загадочный характер и порождают ряд вопросов, выходящих на самые высшие эшелоны политической власти. Ответ на них — дело будущего. И вряд ли он будет полным. Прошло слишком много времени, многие судьбоносные решения принимались без тщательной фиксации, да и сами документы ликвидировались,

иногда не без умысла. Впрочем, сохранившиеся документы позволяют выдвигать достаточно убедительные версии первопричин тех или иных событий, связанных с судьбой М. Султан-Галиева.

При сборе и подготовке материалов для этой книги и публикации серии предшествующих ей статей автор встречал постоянную помощь и понимание сложности взятой на себя задачи со стороны руководителей и работников ведомств и архивов. Необходимо отметить, что это происходило задолго до официальной реабилитации Султан-Галиева. В первую очередь хочу назвать И. Н. Китаева, Ю. Н. Амиантова, Г. В. Горскую, Л. А. Кошелеву — сотрудников ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, А. П. Ненарокова — заведующего сектором Института марксизма-ленинизма, работников архива Татарского рескома КПСС Д. Р. Шарафутдинова, С. С. Елизарову, Н. С. Устименко, инструктора рескома В. Г. Липатникову, а также сотрудников КГБ ТССР Н. З. Давыдова и Р. Г. Гайнутдинова.

В 1989—1990 годах автору пришлось встречаться с приезжавшими в Казань зарубежными исследователями. Это Мари Броксап, дочь автора книг о Султан-Галиеве и национальных движениях в чашей стране А. П. Беннигсена, опубликовавшая в Лондоне ряд документальных сборников, в том числе произведения Султан-Галиева. Были встречи и с японскими учеными — профессорами университетов в Токио и Саппоро Масауки Ямаучи и Такео Курусава, первый из них является автором книги «Мечты Султан-Галиева», изданной в Токио. Они оказались интересными собеседниками, весьма далекими от внедренного в наше сознание устрашающего образа «советолога-фальсификатора», в создание которого немалую лепту вложили наши собственные «фальсификаторы». Беда зарубежных коллег, равно как и наша, в ограниченности круга доступных источников и чрезмерная политизированность имеющихся. Разные точки зрения на некоторые моменты истории, включая и связанные с судьбой Султан-Галиева, не мешали доброжелательному обмену мнениями.

О растущем интересе за рубежом к личности Султан-Галиева свидетельствует и приезд в Татарстан и Башкирию для сбора материалов о нем известной французской писательницы Кенете Мурад. Повысился позитивный интерес к нему и в нашей стране. Судя по опубликованным отрывкам, читатель не останется равнодушным к роману

известного татарского прозаика Рената Мухамадиева. Готовится к изданию сборник избранных трудов Султан-Галиева. Все это дает основание надеяться, что такой интерес к герою этой книги у нас и за рубежом вскоре материализуется в добротных и честных научных исследованиях, художественных произведениях.

2 В первую часть книги, кроме биографического очерка и очерка «Первая жертва Генсека», раскрывающего некоторые потаенные пружины, приводившие в движение обвинения против Султан-Галиева и других лидеров национальных республик, включены материалы и о некоторых его соратниках. Р. Сабилов, М. Будаили вместе с другими ходили в «правительство Мухтарова», названное так по имени Председателя СНК Татарии в 1921—1923 годах. После политической ликвидации Султан-Галиева было разгромлено и правительство, члены которого протестовали против его ареста. К концу 1923—середине 1924 годов все пятнадцать человек, подписавшие протест, были под различными предлогами сняты с постов, а наиболее видные из них К. Мухтаров, Р. Сабилов, А. Енбаев, Г. Мансуров выдворены из Татарии и «трудоустроены» на второстепенные чиновничьи должности в Москве¹. Очерк об Измаиле Фирдевсе не только дань уважения к многострадальному крымско-татарскому народу. Фирдевс, сыгравший большую роль в советизации Крыма, даже по признанию его противников, одна из наиболее ярких политических фигур в национальном движении. Друг Вахитова и Субхи, Султан-Галиева и Мухтарова, он был антиподом национальных нигилистов, не видевших, по образному выражению одного из них, «разницы между губернией и республикой», и активно участвовал в подготовке к созданию Татарской республики и некоторое время работал в ней. Сталин на определенном этапе считал Фирдевса идейным вдохновителем Султан-Галиева.

Материалы, связанные с политическими процессами Хади Атласова и видных представителей христианского и мусульманского духо-

¹ Документы, публикация которых дело будущего, подтверждают постоянный контроль Сталина за положением дел в Татарии и личное вмешательство в разгром «правительства Мухтарова». Он счел возможным даже написать рабочим казанских заводов, протестовавшим против этой акции.

венства, раскрывают процессы постепенного «ампутирования» духовного потенциала общества. Это входило, по нашему мнению, в долгосрочный план создания тоталитарного общества, задуманный и успешно осуществляемый в течение многих лет Сталиным. Обвинения в «султангалиевщине» и «духовной контрреволюции» соседствовали весьма тесно.

Включенный в книгу очерк о Мингарее Сагидуллине, одном из самых ярых и ярких противников Султан-Галиева, убежденном «левом», считавшем «султангалиевщину» татарской разновидностью социал-фашизма, показывает тернистый путь многих деятелей национальных республик, выступавших против людей, стремившихся к реальному суверенитету своих «автономий». И правые и левые находили впоследствии свой конец в застенках. Не стал исключением и Сагидуллин. Момент истины пришел к нему поздно. Он правильно определил «Коба — это термидор», но определил, уже находясь в тюрьме, ожидая своего смертного часа. Трагическая символика есть и в том, что в 1937 году один из палачей, инструктируя другого, пишет: «Забрать для допроса Султан-Галиева и Сагидуллина, и не церемониться... взять все у них до капли...»¹ Застенок объединил «антиподов».

Во второй и третьей частях книги дано изложение ряда документов и суждения о них автора. В начале каждой части предпосылается оценка включенных материалов и анализ их места в биографии Султан-Галиева и в целом политической жизни общества. Многие оценки автора расходятся с общепринятыми и ставшими каноническими. Очевидно, такой процесс неизбежен и при изучении многих других сюжетов, связанных с историей. Заслуга в этом в первую очередь здоровых сил партии и общества, создавших условия для более правдивого похода к изучению нашей многострадальной истории.

¹ В документах и письмах сохранены авторские особенности правописания. Поправки вносились только в явно ошибочные написания имен и дат.

Мирсаид Султан-Галиев: личность и судьба

Пожалуй, трудно найти в истории национально-государственного строительства в восточном регионе страны политического деятеля более сложного и противоречивого, чем Мирсаид Султан-Галиев. Его имя не сходило со страниц газет и журналов 20—30-х годов, он фигурировал в качестве заглавной фигуры в решениях беспрецедентного партийного совещания по национальному вопросу, которое состоялось в июне 1923 года. Это было единственное совещание после революции, решение которого вошло в сборник основополагающих партийных документов наравне с резолюциями съездов, конференций и пленумов. Султан-Галиеву посвящались разоблачительные сборники, где правда тесно переплеталась с ложью и домыслами. Его дело, по мнению Троцкого и Каменева, стало первой политической акцией, сопровождавшейся арестом члена правительства, санкционированным Политбюро ЦК РКП (б), правда, без участия В. И. Ленина. Именно в тот период, утверждал Каменев, Сталин, «обжегшийся» до этого на грузинском «деле», впервые почувствовал свою безнаказанность. С этого времени Султан-Галиев на долгие годы сделался политическим жупелом, имя и фамилия его потеряли личностные приметы, становясь политическим символом, своеобразным кодовым понятием для провозглашения ритуальных проклятий в адрес злонамеренных «национал-уклонистов». Короткая публикация по истории национальных проблем в нашей стране и за ее пределами обходилась без упоминания о Султан-Галиеве. В зарубежных исследованиях за ним утвердилась репутация предтечи многих революционных преобразований «третьего мира», чьи идеи во многом способствовали краху колониализма. До последнего времени мы,

Отец — учитель Хайдаргали Султан-Галиев.

как правило, придерживались оценок и методов доказательств, берущих свое начало от незабвенного «Краткого курса». Покойный Шараф Рашидов, известный «специалист» в области дружбы народов, не преминул включить в одно из своих многочисленных творений разоблачительный пассаж в адрес Султан-Галиева. Правда, в последнее время появились и другие деяния. Например, известный историк и публицист А. Антонов-Овсеенко в Султан-Галиеве видит только жертву сталинской провокации. А в его политическом противнике С. Саид-Галиеве только политического скомороха. Однако на самом деле все намного сложнее. А. Антонов-Овсеенко прав в главном — необоснованные репрессии начались задолго до 1937 года.

Первые шаги Мирсаида Хайдаргалиевича Султан-Галиева, родившегося 13 июля 1892 года в деревне Елембетьево Уфимской губернии в семье татарского учителя, типичны для демократической молодежи национальных окраин России. Увлечение революционными идеями началось в стенах татарской учительской школы в Казани, которую он окончил в 1911 году. Затем полугодная жизнь сельского учителя и библиотекаря, стремление разобраться в причинах социальной несправедливости, на этой почве конфликт с

властями, переезд в Уфу, а затем в Баку. К этому времени относятся увлечение русской классикой, попытки перевода на татарский язык произведений Толстого, Пушкина. Первые опыты собственного литературного творчества, статьи, рассказы, очерки, стихи публиковались в провинциальных и столичных изданиях¹.

Звездные часы Султан-Галиева связаны с Октябрем в Казани, с событиями гражданской войны в Поволжье и Приуралье. Собратник Мулланура Вахитова, он принимал активное участие в революционных событиях в Казани, был одним из организаторов Мусульманского социалистического комитета, который собрал в своих рядах лучших представителей демократических сил. В июле 1917 года Султан-Галиев вступил в партию большевиков и был в ее рядах до трагического вечера 4 мая 1923 года, когда в здании ЦКК на Ильинке ее секретарь Матвей Шкирятов огласил заключение партколлегии о том, что он «пытался связать всех окраинов националов для борьбы с центром» (сохранена стилистика подлинника.— Авт.) и поэтому должен быть исключен как антипартийный антисоветский элемент.

В годы гражданской войны Султан-Галиев в первых рядах татарских большевиков участвует в становлении Советской власти в Поволжье, подавлении националистических мятежей, организации обороны Казани от белочехов. Великолепные организаторские данные, гражданское мужество и отвага, умение убеждать людей в самых экстремальных ситуациях — эти качества сделали Султан-Галиева одной из наиболее крупных фигур в плеяде большевиков, работавших в национально-освободительном движении².

¹ Литературно-публицистическое наследие М. Султан-Галиева обширно. Кроме известных статей на актуальные политические темы, ждут еще своего исследователя его многочисленные стихи, проза, переводы. В 1924 г. он был назначен редактором-составителем сборника «Татарская литература», предполагаемого к изданию в Москве.

² Выполняя конфиденциальное поручение СНК и Политбюро, М. Султан-Галиев в Уфе начал успешные переговоры с З. Валидовым и его соратниками о переходе башкирских войск на сторону

Простое перечисление должностей и поручений, которые выполнял Султан-Галиев, характеризуют степень доверия к нему партии и Советского правительства. Он — член Казанского Совнаркома, комиссар просвещения и продкомиссар, председатель Мусульманской военной коллегии при Народном комиссариате по военным делам РСФСР, начальник Восточного отдела политуправления Красной Армии, член коллегии Наркомнаца и Председатель Федерального земельного комитета при ВЦИК... Более двадцати должностей, требующих огромного напряжения физических и духовных сил, каждодневной работы!

Особое место в биографии Султан-Галиева занимает период с мая по август 1919 года, когда по решению Оргбюро ЦК РКП(б) он стал членом Реввоенсовета 2-й армии Восточного фронта, которой командовал один из выдающихся полководцев гражданской войны В. И. Шорин. На восточном фронте ситуация была критической. Под натиском армий Колчака красные войска оставили Ижевск, Сарапул, под угрозой захвата, как и в августе 1918 года, была Казань. Острие удара пришлось на 2-ю Армию. И хотя она сумела прорвать окружение, но понесла при этом большие потери, в полках оставалось по 40—50 человек. Многие предрекали, что до падения Казани осталось не более недели.

В те тяжелые дни были опубликованы написанные Лениным «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением на Восточном фронте», выдвинут лозунг «Все силы на помощь Восточному фронту!». На этот участок мобилизовали около 15 тысяч коммунистов, а общая численность войск возросла с 84 до 143 тысяч человек. Султан-Галиеву, только что назначенному членом Реввоенсовета армии, при-

Советской власти. Переговоры, проходившие в драматической обстановке, были завершены в Москве Сталиным. Сталин и Троцкий согласились с сохранением башкирского корпуса как отдельной боевой единицы Красной Армии.

ходилось заботиться об укреплении боевого духа полков и дивизий, в которых значительную часть составляли татары, башкиры, чуваша, представители других народов Поволжья и Приуралья. В конце апреля по просьбе Султан-Галиева на заседании объединенного совещания мусульманских организаций народный комиссар по делам национальностей Сталин принял меры по направлению в распоряжение Реввоенсовета 2-й армии коммунистов — татар и башкир.

Особого внимания требовала 21-я дивизия, находившаяся в районе города Малмыж. В ее боевых порядках Султан-Галиев провел несколько дней. Удалось восстановить боеспособность полков, не дать закрепиться колчаковцам, в нескольких местах форсировавшим Вятку, отбросить их на другой берег. Побывавший в расположении дивизии председатель Реввоенсовета республики Троцкий дал высокую оценку действиям боевого соединения и работе ее политорганов. Не имея специальной военной подготовки, Султан-Галиев сумел за короткий срок овладеть основами стратегического мышления, принимал участие в разработке планов многих важнейших боевых операций. В частности, его подпись стоит под приказами командующего армией о наступлении красных полков на Агрыз, Сарапул, Ижевск. Это были победоносные операции. В боевом донесении Реввоенсовета армии Председателю СНК Ленину от 8 июня 1919 года говорилось: «Геройскими войсками 2-й армии после упорных кровопролитных боев враг раздавлен и жемчужина республики — Ижевский завод — 7 июня снова возвращен Советской России».

В конце июля 1919 года 2-я армия, выполнившая свою основную задачу, передала большую часть личного состава другим соединениям Восточного фронта, а Шорин и его штаб отправились на Южный фронт на борьбу с Деникиным.

Что же Султан-Галиев, как сложилась его дальнейшая судьба? Еще в начале 1919 года секретарь Казанского

губкома Жаков обращался к председателю ВЦИКа Свердлову с просьбой направить Султан-Галиева на должность председателя Казанского губисполкома, характеризуя его как самого видного и авторитетного партийного работника из татар, способного обеспечить проведение политики партии в крупном и сложном национальном регионе.

«...С занятием Уфы и предстоящей ликвидацией контрреволюционных национальных правительств необходимо возникает вопрос о «компенсации» национальным стремлениям мусульманской мелкобуржуазной, полупролетарской отчасти далеко не свободной от националистического налета пролетарской массы. Избрание на пост председателя мусульманина имело бы в этом отношении несомненно важное значение. Кроме того, не изжиты еще вполне трения на национальной почве даже в советской работе, внутри советского организма, могли бы великолепным образом сглаживаться и изживаться при такой комбинации, не принимая нежелательных форм.

Комбинацию эту мы находим тем более удачной, что т. Султан-Галиев, работая ранее в области продовольствия с тов. Малютиным, близко сошелся лично с ним, подчиняясь во всех случаях влиянию более высокого интеллекта, более обширного опыта и основательной подготовки последнего.

Это вполне позволяет нам рассчитывать на сохранение за тов. Малютиным фактического руководства работой Президиума, тем паче что т. Малютин никакого поста по-прежнему занимать не будет (сохраняя только аналогичное положение в прод. орг.).

В пользу этой комбинации говорят также еще два обстоятельства: 1) неоднократно высказываемое т. Султан-Галиевым личное желание работать в Казани; 2) неспособность Мусульманской секции РКП...

Ввиду изложенного мы просим ЦК о содействии в проведении намеченного нами шага освобождения т. Султан-

Галиев от советской и партийной работы в Москве и
вплустить его в рапоряжение Казанского комитета пар-

С тов. приветом секретарь Михаил Жаков.»

И вот по решению Оргбюро ЦК РКП(б) Султан-Галиев
в августе 1919 года командирован в Казань. Однако при-
ступить к работе он не успел. Центральному правитель-
ству был необходим человек, хорошо знающий ситуацию
в национальных регионах, умеющий проявлять большой
такт при решении весьма щепетильных вопросов, как
сказали бы сейчас, межнациональных проблем. Решением
ЦК по инициативе Сталина Султан-Галиев отзывается в
Москву для работы в Наркомнаце и руководящих парти-
йных органах, объединяющих коммунистов восточных
регионов. Отзыв Султан-Галиева был согласован с Лени-
ным, по приезду в Москву он обратился к нему с прось-
бой принять его по сложным проблемам, возникшим в
связи с нарастающим стремлением к самоопределению у
народов Востока, недооценкой важности этих вопросов
некоторыми руководителями молодого Советского госу-
дарства. Упрекнул в этом он и Ленина. ☺

Так начался московский период государственной дея-
тельности Султан-Галиева, который продолжался чуть бо-
лее трех лет. В эти годы ему пришлось пережить и ра-
дость успешной работы, и горечь промахов, незаслужен-
ных обид.

В начале 20-х годов Султан-Галиев по ряду принци-
пальных вопросов не соглашался со сталинской концеп-
цией роли национальных республик «Грехопадение» Сул-
тан-Галиева началось еще в 1921 году, когда он выд-
винул на коллегии Наркомнаца предложения, которые пред-
ставляли большую самостоятельность республикам. Во
время обсуждения конфликтного вопроса Султан-Галиев
бросил в адрес Сталина реплику: «перестаньте играть в
самостоятельность республик». Было признано политиче-
ски вредным и выступление на фракции X съезда Советов

РСФСР, предшествовавшего поспешно созванному I съезду Советов СССР, в котором он требовал повысить права автономных республик и приравнять их к статусу союзных образований. Очевидно, чашу терпения Сталина переполнило поведение Султан-Галиева во время XII съезда РКП(б), хотя еще до этого была попытка вывести непокорного сотрудника из коллегии Наркомнаца и выслать его в провинцию. Будучи делегатом XII съезда РКП(б), Султан-Галиев обсуждал с Н. Наримановым, Б. Мдивани, Т. Рыскуловым и другими делегатами от национальных республик общую линию поведения и круг вопросов для дискуссии на национальной секции. Совещания проходили в гостинице «Париж» в номере у Нариманова. Их содержание, конечно же, становилось известным Сталину, ибо Султан-Галиев давно находился в сфере повышенного внимания агентов ОГПУ.

Материалы драматических дебатов на заседании национальной секции утром 25 апреля 1923 года в стенограмме съезда отсутствуют. В ходе острых дебатов ряд выступавших (М. Фрунзе, Х. Раковский, Б. Мдивани и др.) критиковали политическую позицию докладчика по национальному вопросу. Наиболее острым было выступление Султан-Галиева, заявившего, что «постановка вопроса Сталиным не решает национального вопроса». Еще до съезда, не найдя поддержки у Сталина по некоторым острым вопросам земельного размежевания, Султан-Галиев обратился к Троцкому, которого хорошо знал по гражданской войне. Это было в разгар грузинского конфликта. В одном из своих писем к нему Султан-Галиев сослался на мнение Ленина, не совпадающее с практическими делами лидера Наркомнаца, и, давая оценку политической ситуации, отметил, что уже началась борьба за власть между Каменевым и Сталиным, с одной, и Троцким, с другой стороны. Всего этого было достаточно, чтобы окончательно решить судьбу Султан-Галиева.

В большинстве работ история проведения 9—12 июня

1923 года совещания в ЦК РКП(б) по национальному вопросу освещается в основном с позиции разоблачения «султангалиевщины». В совещании участвовали девять из одиннадцати членов и кандидатов в члены Политбюро. Причем Сталин, Троцкий, Зиновьев, Куйбышев и председательствующий Каменев выступали неоднократно, Особую активность проявляли Сталин и Троцкий, который более тридцати раз в форме кратких замечаний, выступлений, реплик и вопросов включался в ход обсуждения. В числе 28 членов и кандидатов в члены ЦК и 7 членов ЦКК, присутствовавших на совещании, были такие ведущие деятели партии и государства, как Орджоникидзе, Микоян, Фрунзе, Чубарь, Каганович, Киров, Бубнов, Радек. Практически это был Пленум ЦК РКП(б) по межнациональному вопросу — первый в ее истории.

К тому времени часть членов Политбюро уже прикидывала варианты раздела власти после Ленина. И можно представить себе тревожную атмосферу в высших эшелонах власти. В таком контексте надо воспринимать и ход совещания, и его выводы, а также некоторые весьма многозначительные детали его подготовки. И в новом свете предстает заявление Куйбышева, что «данное совещание несет не мир, а меч», и впервые высказанное в столь широкой аудитории признание Троцкого о причинах его активности. «Не скрою, есть еще один момент, который побудил меня заняться национальным вопросом, — это было личное письмо ко мне тов. Ленина, который меня к этому приглашал».

Султан-Галиев во время совещания находился в восточном отделе ОГПУ, и уже с 7 мая подвергался интенсивным допросам и психологическому давлению. К физическим методам воздействия к лицам такого высокого ранга в то время еще не прибегали. Первые допросы вели начальник Восточного отдела ОГПУ Я. Петерс и следователь Я. Агранов, с именами которых впоследствии будут связаны многие дела по обвинению в «национал-уклонизме».

Училище в Баку, где преподавали Мирсаид Султан-Галиев и его жена Рауза Чанышева (автограф М. Султан-Галиева).

По «делу» Султан-Галиева выступил Куйбышев. Сталин неоднократно упоминал об этом вопросе в докладе по национальной политике, в отдельных коротких выступлениях и полемических репликах. Обвинение основывалось на нескольких письмах Султан-Галиева к местным работникам о политике партии по реализации программных положений в национальном вопросе. В них высказывались критические замечания о действиях некоторых партийных деятелей, в частности, Орджоникидзе, Калинина и Сапронова. Самое обширное письмо с положительной оценкой решений февральского Пленума ЦК было доставлено Сталину в изложении осведомителя, причем весьма приблизительном. Кроме того, в записке Султан-Галиева к народному комиссару просвещения БАССР А. Адигамову со-

держалось предложение установить связь с известным нам уже башкирским деятелем Валидовым, который после конфликта политического характера покинул пост председателя Башревкома и, скрывшись в Средней Азии, участвовал в басмаческом движении. Но в начале 1923 года, судя по газетным сообщениям, Валидов предпринимал шаги по примирению с Советской властью. На совещании 1923 года было заявлено, что Средазбюро ЦК РКП(б) готово амнистировать Валидова при условии публичного признания им ошибок и запрещения ему в дальнейшем работать в восточных регионах страны. В объяснении, написанном на имя Сталина и Троцкого, арестованный Султан-Галиев опровергал самое серьезное обвинение — в поддержке басмачества — и указывал, что хотел воздействовать на Валидова, которого не считал потерянным для Советской власти и высоко ценил его как выдающегося историка и яркого политического деятеля¹.

Очевидно, некоторые члены Политбюро и Оргбюро начинали понимать неправомерность ареста². Еще до начала совещания, 19 мая, Политбюро предложило ЦКК обсудить вопрос о возможности изменения «меры пресечения Султан-Галиеву», то есть о его освобождении. На этом заседании Сталин отсутствовал. Президиум ЦКК, обсудив постановление Политбюро, высказался против и поручил Ярославскому составить текст объяснения, а Куйбышеву выступить на совещании с докладом. Видимо, и Ярославский, и Куйбышев уже усвоили, кому отныне принадлежало последнее слово в решении человеческих судеб.

¹ В. Менжинский в совершенно секретном сообщении проинформировал Сталина о том, что ряд донесений осведомителей представляются ему сомнительными. Особенно в той части, где говорится о связях Султан-Галиева с посольствами и басмачами. Сталин на 4-м совещании говорил об этом уже как об установленном факте.

² Ф. Э. Дзержинский, которому Политбюро поручило расследование дела Султан-Галиева, 21 мая сообщил об отказе возглавить его и передал дело В. Менжинскому. ЦПА, ф. 6, оп. 2, д. 3721, т. III, л. 150.

В конце июня Султан-Галиев после 45-дневного пребывания на Лубянке был освобожден. Его принял Сталин и даже обещал, что через год он получит право подать заявление о восстановлении в партии.

Наступил 1924 год. Не стало Ленина. Выросла личная власть Сталина. В декабре 1924 года Президиум ЦКК рассмотрел апелляцию Султан-Галиева, в которой он признавал свои ошибки, но категорически отрицал умысел и тем более антисоветские планы и действия. Он отмечал, что многое из того, что ему вменялось в вину, содержится в решениях XII съезда и последующих документах. Не скрывая радости, он писал, что несколько раз был у Сталина, который рекомендовал ему обратиться в ЦКК, обещав попросить «очень внимательно отнестись к заявлению этого заслуженного товарища». Есть документальные подтверждения, что Сталин действительно высказал мнение о Султан-Галиеве и его апелляции¹. Президиум партколлегии ЦКК, рассмотрев заявление Султан-Галиева, «отклонил его просьбу о восстановлении в правах члена РКП». Впоследствии из партии будут исключены многие из тех, кто клеймил Султан-Галиева. Усердие в выполнении сталинских указаний не гарантировало безопасности. Все чаще и чаще в тюремных камерах и лагерных бараках встречались разоблаченные и разоблачители. По иронии судьбы Султан-Галиев пережил и Петерса, и Агранова, уничтоженных в 1938 году.

После 1923 года Султан-Галиев жил на положении политического изгоя, работая на малозаметной должности консультанта «Охотсоюза». Во время личной беседы в 1925 году Сталин предложил Султан-Галиеву выступить с покаянием и осуждением оппозиции в «Правде». Такое

¹ В персональном деле Султан-Галиева имеется записка Ярослава для Шкирятова: «Резолюции на делах т. Сталина. Он уходя в отпуск просил решить так...» Зная беспрекословное подчинение руководителя ЦКК Генеральному секретарю, можно без особого риска предположить характер резолюции Сталина на деле Султан-Галиева.

«... предложение было сделано и позднее. По ряду причин выступление не состоялось. Попытка начать, а точнее, возобновить литературную деятельность (был задуман роман «Защита старости» и начата работа по составлению антологии советской татарской литературы), была пресечена. Позднее некоторым «близоруким» функционерам будет вменено в вину привлечение Султан-Галиева к переводческой работе, а жалкие денежные подачки по 5—10 рублей будут расценены как материальная «поддержка контрреволюционера». Впоследствии будут репрессированы дочери Султан-Галиева Расида и Гульнар, сын Мурат, в лагере погибнет Фатима Ерзина, ставшая его женой в 1918 году.

Однако, прежде чем погибнуть, Султан-Галиеву суждено было еще раз оказаться в центре разоблачительной кампании. Конец 20-х и начало 30-х годов — это период крупных политических процессов. По количеству привлеченных к суду, публично и послушно признавших свою вину, они превосходили даже «открытые» судилища 1936—1938 годов. Готовился грандиозный «открытый» процесс и над «национал-уклонистами», главными «действующими» лицами должны были стать представители интеллигенции и партийно-советские работники Татарии, Башкирии, Крыма¹. В 1928 году начало фабриковаться дело о «султангалиевщине», как агентуре международного империализма. Подготовку поручили Генриху Ягоде — практически первому лицу в ОГПУ, ибо большой Менжинский все более отходил на второй план. Не исключено, что Сталин помнил, что Дзержинский и Менжинский не проявили особого рвения в 1923 году. /Усердие Петерса, слывшего в ОГПУ са-

¹ В 1928 г. без особой огласки коллегия ОГПУ репрессировала 58 представителей крымско-татарской интеллигенции, обвинив их в сотрудничестве с буржуазно-националистической партией «Милли-фирка». Ранее состоялся открытый процесс над Председателем Крымского ЦИКа Вели Ибрагимовым, приговоренным к расстрелу.

мым крупным специалистом по национальным кадрам, было оценено. Он, как и в 1923 году, снова был одним из главных организаторов «дела» Султан-Галиева.

В декабре 1928 года Султан-Галиева арестовали в городе Глазове, где он находился в командировке. В отличие от 1923 года «органы» уже не стеснялись в выборе средств для получения признаний. Поскольку шел активный процесс организации акций против Троцкого, Зиновьева и Каменева, была сделана попытка приписать султангалиевцам участие в создании «национальной части» оппозиционной платформы. В ее разработке обвиняли Г. Мансурова и К. Мухтарова. Один из видных лидеров оппозиции Г. Сафаров в письме к Ярославскому взял авторство на себя. Но основными пунктами обвинения были попытка срыва коллективизации, подготовка вооруженных выступлений и террористических актов, сотрудничество с иностранными разведками — как тогда говорили, «полный букет» из статьи 58 УК РСФСР. Были арестованы многие видные партийные и советские работники, представители татарской интеллигенции. В газетах прошла бурная кампания по разоблачению «султангалиевщины», были изданы сборники статей, состоялись собрания трудовых коллективов и творческой интеллигенции. Все единодушно требовали самого сурового наказания врагов народа и социализма. Один из штрихов нравственного климата того времени: на митинге с предложением выдвинуть такое требование представитель обкома обратился... к отцу Султан-Галиева... Однако по каким-то причинам открытый процесс не состоялся. В 1930 году Коллегия ОГПУ рассмотрела дела 76 лиц, привлеченных в составе «центра» султангалиевцев. 21 человек, в основном активные участники гражданской войны, вступившие в партию в 1918—1920 годах, были приговорены к расстрелу. Но приговоры в исполнение не приводились, в январе 1931 года были заменены десятью годами лишения свободы. Сравнительно «мягкая» кара — 3—5 лет лагерей — была вынесена другим «султангалиев-

цям. Сам Султан-Галиев был приговорен к расстрелу 28 июля 1930 года. Но после полугодичного пребывания в камере смертников, 13 января 1931 года, он узнал о замене высшей меры на десять лет лагерей. Наказание Султан-Галиев отбывал на знаменитых Соловках, работая колючим лагпункта на одном из отдаленных островов. Родным сообщил, что очень доволен, тем более, что знает это дело еще с детства¹.

В 1934 году Султан-Галиева освободили досрочно и разрешили поселиться в Саратове. Однако в марте 1937 года последовал новый арест и этап в Казань. Начались допросы с применением самых жестоких методов «физического воздействия». Эту адскую кухню в НКВД Татарии в тот период возглавляли Алемасов, Михайлов и Шелудченко². Двух последних в свою очередь расстреляют в 1940 году во время ликвидации «ежовцев». Алемасов спасет перевод на должность первого секретаря Татарского обкома по рекомендации Г. Маленкова, приехавшего в Казань в августе 1937 года. За свои злодеяния он понесет «наказание» в 1962 году. Бюро Воронежского обкома КПСС решило персональному пенсионеру союзного значения Алемасову «поставить на вид» за отдельные недостатки в его работе в качестве наркома НКВД Татарии в 1937 году. Комментариев это решение не требует.

В декабре 1939 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Султан-Галиева к расстрелу. В последнем слове он просил не считать его шпионом и диверсантом, так как «дал такие показания после семидневного конвейера» в сентябре 1937 года. ✓

¹ Видный историк, депутат думы Хади Атласов занимался там же выделкой рогож и мочал.

² Сохранилось в делах личное указание Михайлова, данное Шелудченко: «Возьми дня на 3—4 лично в работу Султан-Галиева и Сагидуллина. С этой публикой церемониться не следует. Взять от них все до единой капли».

После XX съезда партии многие «султангалиевцы» были реабилитированы. Но как только речь заходила о самом лидере движения и его ближайших соратниках, следовал отказ: «был и останется врагом».

Пришло время объективного и доброжелательного изучения теоретического наследия М. Султан-Галиева. Доброе имя Султан-Галиева возвращено народу.

Недавно ушел из жизни Баки-ага Урманче — человек удивительного дарования и сложной судьбы — последний из 76 «султангалиевцев», осужденных в 1930 году, успевший прочитать в газетах о своей «реабилитации». Аксакал говорил: «Это нужно не мне, а тем, кто будет жить дальше. Должны же мы, наконец, понять, что на поле зла и неприимиримости к свободному инакомыслию хорошие всходы не взойдут». Очень правильные слова!

Первая жертва Генсека

4 мая 1923 года где-то после пяти часов в кабинете члена коллегии Наркомнаца Мирсаида Султан-Галиева раздался телефонный звонок. Фальцет в телефонной трубке был знаком: «Это Шкирятов, надо сейчас зайти ко мне и решить один вопрос. Жду!»

Путь пешком до здания ЦКК, Ильинка, 21 (теперь ул. Куйбышева) занял около получаса. За это время вспомнилось многое.

Уже в течение нескольких месяцев Мирсаид чувствовал, что тучи над его головой снова сгущаются. Это можно было понять и по изменившемуся отношению сослуживцев, и по резкому тону, которым снова начал пользоваться в разговоре с ним его ближайший начальник замнаркома Г. Бройдо. Тот самый Бройдо, еще недавно в по-

рыше откровенности говоривший ему: «Не сердись на мое письмо в Оргбюро, в котором было требование вывести тебя из состава коллегии. Он мне это приказал!» Собеседникам не было надобности называть фамилию. Он — это нарком, Сталин. Да и недавняя встреча с Вадимом Лукашевым оставила тяжелое впечатление.

Любопытная это фигура, Вадим! Человек, хорошо знающий Восток, владеющий языками его народов, старый член партии, один из первых чекистов, в ведении которого были непростые «мусульманские» дела. В 1918 году во время пребывания в Царицыне Сталин выдвинул Лукашева на должность заместителя заведующего отделом контрразведки Северо-Кавказского военного округа. В конце 1919 года Ф. Дзержинский даже внес предложение создать Восточный подотдел ВЧК и рекомендовал на должность его начальника Вадима Лукашева. Но на Политбюро ни идея создания отдела, ни его будущий начальник не получили поддержки. Против был Ленин. В решении записано: «Предложить т. Дзержинскому, не создавая особого подотдела и вообще руководимого из Москвы специального аппарата борьбы с контрреволюционным движением среди мусульман, ограничиться сосредоточением в Особом отделе всех сведений, собираемых ЧК в населенных мусульманами губерниях...»

Лукашев, посланный проверять жалобы на грубость и нетоварищеское отношение Серго Орджоникидзе к руководящим работникам Кавказа, в своей докладной записке привел ряд фактов, подтверждающих эти обвинения. При этом записка была прочитана Лениным. В ответ последовала телеграмма Сталина, в которой он, обвинив Вадима в клевете и сославшись на единодушное мнение кавказских товарищей, потребовал для него самых строгих мер наказания... Дело кончилось компромиссом. Лукашев не только не был наказан, но Лениным было отмечено, что в его информации есть немало правды. Однако мнение двух влиятельных членов ЦК — Сталина и Орджоникидзе —

тоже приняли во внимание, и Лукашев, несмотря на поддержку Дзержинского, стал фигурой неугодной. Что впрочем не мешало Сталину использовать его знания и опыт для проведения ряда акций на Востоке, требующих полной конфиденциальности.

Так вот встретившийся недавно в гостинице «Париж» Вадим Лукашев зазвал Мирсаида к себе в 1-й Дом Советов («Националь»). Был он в хорошем настроении. В номере завязалась долгая беседа, вспомнили II съезд Коммунистических организаций народов Востока (КОНВ), состоявшийся в 1919 году, на котором Вадим был даже выдвинут в члены бюро КОНВ. Несмотря на довольно едкую реплику Измаила Фирдевса, что его главная ценность в том, что он «бесплатное приложение» при голосовании, Лукашев набрал даже почти треть необходимых голосов. И тут уже изрядно подвыпивший собеседник сказал: «А ведь Измаил до сих пор, наверное, считает, что его осенью 1920 года арестовали в Казани вместе с некоторыми другими татарскими руководителями по обвинению в причастности к покушению на Председателя Совнаркома Татарии Саид-Галиева по моей вине»¹. Немного помолчал и неожиданно трезво и зло бросил: «Сталин мне сказал тогда — столкни лбами этих татар, а то уж чересчур много о себе они возомнили. Но ты, Мирсаид, не бойся. О Фирдевсе и Брундукове я дал информацию ГПУ как о неисправимых националистах, а о тебе — он помедлил, посмотрел на собеседника и заканчивая фразу, сказал, — а тебе дал положительную характеристику...» И совсем уж тихо произнес: «А ты все ж ходи, да оглядывайся»

¹ Приехавшая в Казань специальная комиссия ВЦИК во главе с заместителем Наркомнаца Каменским, расследовавшая это «покушение», нашла его сомнительным. Оргбюро ЦК РКП(б) согласилось с мнением комиссии. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 112, д. 100, л. 82. (Многие считали, что это «покушение» было организовано самим Саид-Галиевым для поддержания пошатнувшегося авторитета. Автор считает версию Лукашева более правдоподобной.)

Позже, анализируя разговор, Мирсаид понял, на что намекал Вадим. Хотя и без него кое-что было ясно. Слежка, и которой он уже начал привыкать и которую заметил около года тому назад, становилась все более назойливой. Уже потом, находясь под арестом, у него было достаточно времени вспомнить в деталях все, предшествовавшее «опале», попытаться разложить все по полочкам. Доходя до разговора с Вадимом, он мучительно прикидывал причины «откровенности» чекиста...

Возможно, дело было даже в чем-то очень личном. Лукашев знал, что разработка операции «2-й парламент» (так назывался комплекс мер по раскрытию и анализу связей между местными руководящими работниками Востока и выяснению их намерений, а дело Султан-Галиева было важной составной частью операции) осуществлялось по заданию Сталина Петерсом и Аграновым. Первому из них у Лукашева не было оснований симпатизировать еще с 1919 года... Но Султан-Галиев этих деталей не знал. И был по-своему прав, когда расценил в тот момент слова Вадима как провокацию. Тем более, в ряде случаев — и об этом открыто говорилось в партийных кругах — ВЧК вмешивалась в партийные дела на окраинах¹.

В приемной Шкирятова Султан-Галиев обратил внимание на сидящих у окна двух молодых людей в кожаных тужурках. Наверное, какие-то набедокурившие армейские политработники, вызванные для объяснения, — подумалось ему. Секретарь приветливо показал на дверь — ждут, мол. За столом кабинета, выходящего окнами на Новую площадь, сидел Матвей Шкирятов. Трое незнакомых расположились за длинным столом и поодаль от них, в кресле у окна, — Якоб Петерс, хорошо известный ему чекист. Он

¹ Обсуждая деятельность Татчека в 1922 г., обком ВКП(б) отметил, что органы ЧК «отвлекаются на слежку над членами партии и ответработниками», в ущерб задачам борьбы с контрреволюционерами. ПАТО, ф. 15, оп. 1, д. 592, л. 3.

М. Султан-Галиев и Фатыма Ерзина. Снимок начала 20-х годов.

...руководил Восточным отделом ОГПУ, который был
...таким создан. Говорили, что это связано со все воз-
...растающим значением восточных дел для партии и госу-
...дарственных органов. Кивком поздоровавшись с вошед-
...шим и показав на стул у торца длинного стола, Шкиря-
...ев, продолжая прерванный разговор, обратившись к Пе-
...терсу, бросил: «Пусть теперь Султан-Галиев сам скажет,
...что ему дороже, партия или басмач Валидов!»

«Значит, все-таки не поверил Сталин мне», — подума-
...нось Мирсаиду. В кармане френча у него лежала та са-
...мая записка — четвертушка бумаги, на которой красным
...карандашом знакомым почерком было написано: «Мне
...передали, что вы создаете подпольную организацию типа
...Валидовской. Берегитесь». Он получил ее от Сталина во
...время одного из заседаний Политбюро, на котором об-
...суждались самые болезненные для автономных республик
...вопросы о статьях земельного кодекса. Это было в кон-
...це марта. Суть разногласий между комиссией ЦИК РСФСР
...по разработке земельного кодекса и Федеральным зе-
...мельным комитетом, возглавляемым М. Султан-Галиевым,
...можно было бы свести к вопросу: «Кто хозяин земельно-
...го фонда автономной республики — Наркомзем РСФСР
...или органы государственной власти на местах?»

За многие годы колониального господства чиновников
...на землях Поволжья и Приуралья у местного населения
...накопилось немало обид. Земли расхищались, продава-
...лись за бесценок, а то и попросту захватывались. Не слу-
...чайно у наиболее совестливых русских писателей мы най-
...дем немало сюжетов, связанных с этими явлениями.
...Вспомним хотя бы знаменитый рассказ-притчу Л. Толстого
...«Много ли человеку земли надо», фактической основой
...которого стали именно башкирские события.

В политической деятельности Ленина в 1919—1923 го-
...дах значительное место занимали проблемы, связанные с
...возвращением земель коренному населению. Это было
...актуально и для Средней Азии, и для становившихся на

ноги республик и областей Поволжья и Приуралья. К сожалению, среди переселенцев из центра России, особенно в Средней Азии, в прошлом активно формировалась при поощрении властей психология превосходства над местным населением. Она затронула и часть рабочих, прежде всего железнодорожников. Эти болезненные проблемы неоднократно рассматривались по инициативе Ленина на заседаниях Политбюро в начале 20-х годов. В письме ЦК РКП(б) компартии Туркестана по этому поводу говорилось, что партия «даст беспощадный отпор попытке создать в Туркестане русский Ольстер, т. е. колониальную заторскую фронду национального меньшинства, рассчитывающего на поддержку центра».

С новой силой эти разногласия вспыхнули после ускоренного образования СССР. Особенно при определении прерогатив автономных республик в России. В действиях многочисленных наркоматов и других ведомств РСФСР нередко проявлялось пренебрежение правами республик. В Центральном партийном архиве сохранился любопытный документ. Обращаясь в Политбюро от имени Наркомнаца и Федземкома, заместитель наркома Г. Бройдо писал, что комиссия ВЦИК в своем проекте земельного кодекса РСФСР нарушает автономность республик. Предложения Башкирии, Татарии, Киргизии, Калмыцкой и Чувашской областей об образовании в распоряжении местных органов фонда земель для наделения землей коренного населения комиссией были отвергнуты, и поэтому этот конфликт, уже вызвавший социальную напряженность на местах, необходимо обсудить на заседании Политбюро с участием представителя Наркомнаца. Политбюро, рассмотрев в конце марта вопрос — от имени Наркомнаца на нем выступал Султан-Галиев, — поддержало республики и разрешило создание такого фонда. Но данное решение, означавшее, что руководство партии не видит «национализма» — а именно в этом обвинял Наркомзем РСФСР местные органы, ссылаясь на их требование самим на ме-

решать с помощью Наркомнаца болезненные земельные проблемы, — не сняло, конечно, все вопросы. Радость политической «победы» Федземкома была для Мирсаида к тому же омрачена запиской Сталина, полученной им на том заседании.

Но он еще не знал, что уже давно за ним установлено наружное наблюдение и в донесениях «топтунов» фиксируются почти все встречи с людьми за пределами службы. Не ведал и о том, что один из его ближайших друзей, студент Коммунистического университета трудящихся Востока Хасанов (фамилия изменена.— Авт.), которому Мирсаид покровительствовал и в котором видел человека, способного вести подпольную работу за рубежом, — он был родом из Северного Ирана, — является осведомителем ГПУ и передает в Восточный отдел все письма Султан-Галиева, направляемые им через него коммунистам-подпольщикам Турции и Ирана. Вот почему после сталинского предупреждения Султан-Галиев, веря в искренность и желание вождя предупредить его о «кознях» Восточного отдела, с ведущими работниками которого, Петерсом и Волленбергом, у него были давние конфликты (самый последний произошел на Башкирской партконференции в Марале), срочно отправил несколько писем своим адресатам — ответственным работникам Башкирии, Татарии и Крыма и одному из самых крупных лидеров среднеазиатских большевиков Турару Рыскулову. В них, сославшись на разговор со Сталиным, он предупреждал, что хотя в их переписке нет ничего противозаконного, но в дальнейшем он ее прекращает. Тем более, говорилось в сообщении Фирдевсу, письма, очевидно, доходят до Сталина в искаженном виде.

Все эти письма немедленно были доставлены Сталину, получившему теперь основание для вывода об активной попытке Султан-Галиева создать из лидеров национальных республик Востока группу единомышленников. Трудно однозначно оценивать мотивы, которыми руководствовался

Сталин, предупреждая Султан-Галиева о переписке. Не исключая искреннего желания Сталина предостеречь от неприятностей, автор больше склоняется к другой версии этого благородного жеста. Версии, связанной с коварством Сталина. К марту 1923 года у Сталина было уже более чем достаточно поводов для неприязни к строптивому члену коллегии Наркомнаца. Назовем некоторые. Резкое выступление на фракции X съезда Советов, в котором Султан-Галиев назвал политику Сталина по отношению к национальностям «разделением на пасынков и настоящих сыновей». Заметим, эти слова вызвали аплодисменты присутствовавших. Далее, две неудавшиеся попытки вывести Мирсаида из состава коллегии Наркомнаца, серьезно поколебавшие веру окружающих во всемогущество наркома И, наконец, доходившие до Сталина сведения о взаимных симпатиях Троцкого и Султан-Галиева, ведущих свое начало еще с «казанской трагедии» в августе 1918 года, которая стала затем и звездным часом наркомвоенмора, доказавшим под Казанью свою способность к организации крупномасштабных операций по контрнаступлению и перехвату инициативы у противника. Именно здесь осенью 1918 года решалась судьба революции. Султан-Галиев после безуспешной попытки собрать отступающих и организовать сопротивление в районе электростанции на Кабане одним из последних покинул город.

Был и еще ряд причин. Но и сказанного достаточно для понимания того, что Султан-Галиев поставил себя вне «команды» Сталина. Больше того, он стал представлять определенную опасность. Как член коллегии Наркомнаца и человек, выполнявший весьма сложные, а нередко и конфиденциальные поручения Политбюро и СНК, и в первую очередь Сталина, он знал очень многое из того, что не отражалось даже в секретных протоколах Политбюро. Поэтому его критические выпады в адрес Сталина имели в глазах противников Генсека особую ценность. Позднее, после драматических событий на национальной секции

XII съезда партии, во время откровенного разговора с Троцким о национальных конфликтах, собеседник скажет Султан-Галиеву, что он в глазах многих членов ЦК был всегда «человеком Сталина». Поэтому его, Троцкого, весьма удивила неприязнь Сталина к своему помощнику и даже демонстративное нежелание поздороваться с ним перед началом заседания национальной секции, бросившееся в глаза всем.

Однако вернемся к трагическому для Султан-Галиева вечеру 4 мая 1923 года, когда тот услышал у Шкирятова: «Ну а теперь рассказывай... все рассказывай, вот тут, — он показал на бумаги, лежащие на столе, — есть все, чтобы послать тебя в трибунал!» «Но проверим твою честность!» — добавил Шкирятов.

Возможно, только сейчас у Султан-Галиева возникло подозрение в «искренности» сталинского предупреждения. Не будь его, он не стал бы, наверное, спешно предупредить о прекращении переписки. А теперь, судя по торжествующему тону Шкирятова, у него на столе лежали письма. Как они попали к нему? Сомнений в том, что их передал Сталин, не было.

Султан-Галиев так и не узнает никогда всей правды. Среди осведомителей были люди, весьма близкие к нему! Хотя еще не пришло время для лозунга «Каждый коммунист — помощник НКВД», но практически система вербовки осведомителей среди работников, даже занимавших руководящие посты, уже набирала силу. Мотивы тех, кто шел на подобное сотрудничество, были самые различные¹.

Шкирятов и присутствовавшие, — одного из них Султан-Галиев узнал, это был Абрам Сольц, человек, который

¹ Только в конце 1938 г. приказом № 00827 НКВД СССР, подписанным Л. Берия и утвержденным Политбюро, будет запрещено использование ответственных работников в качестве штатных секретных осведомителей.

олицетворял в то время для многих коммунистов идею партийной этики и чистоты, — ждали ответа на заданный вопрос. Свое объяснение Мирсаид начал с того, что не видит криминала в обращении к ряду работников республик по практическим вопросам, связанным с осуществлением партийных решений, особенно по землепользованию, самой болезненной части политики на местах. Да, он писал коммунистам, но «поскольку те вопросы, которых я писал отдельным товарищам, не составляли секрета для партии в лице ЦК, я не думал, что я и «скрываю» от партии. Повторяю, я писал очень редко (раз, два в год) и лишь некоторым товарищам, в честности которых я не сомневался». (Взятое в кавычки — слова из стенограммы заседания ЦКК 4 мая.) Было еще несколько вопросов — об отношении к грузинской проблеме, к басмачеству и роли в его развитии Валидова.

Впрочем, вопросов было на удивление мало, и Султан-Галиев с облегчением подумал, что это — очередная попытка припугнуть его. И потому вначале даже не вслушивался как следует в то, что говорил Шкирятов. И только по мере того, как до него доходил смысл читаемой бумаги, — а он видел, что она отпечатана на машинке и, следовательно, заготовлена заранее, — Мирсаид стал постигать всю глубину развернувшейся пропасти, понял, для чего в приемной сидят те двое в кожаных тужурках...

В зачитанном решении партколлегии было сказано «Письма Султана Галиева, а также и личное объяснение его, свидетельствующее о том, что он пытался связать всех окраинов националов (так в тексте. — Авт.) для борьбы с центром, причем в одном из них Султан Галиев даже напоминает о необходимости связаться с Валидовым при своей борьбе иметь в виду поднимающиеся на национальной почве массы (басмачество и т. д.). Постановили: Султан Галиева из партии исключить, как антипартийный и антисоветский элемент. Снять со всех партийных и советских постов. Ввиду того, что часть материала не выяс-

дело — дело доследовать, а в отношении Султан Галиева — передать в ГПУ».

В делах ЦКК есть выписка об утверждении данного решения на Оргбюро ЦК РКП, датированное тем же числом. Это лишнее доказательство очевидного — от объяснения Султан-Галиева (Шкирятов в своем документе упорно именуется его Султаном Галиевым, принимая, наверное, начало фамилии за имя. Кстати, в документах того времени часто встречаются удивительные до анекдотичности искажения национальных имен и фамилий.— Авт.) на партколлегии ничего не зависело. Решения были подготовлены заранее. Еще одно обстоятельство — в тот же день утром Оргбюро утвердило секретарем Татарского обкома партии Димитрия Живова, которому было дано поручение искоренить «национал-уклонизм» в республике. Живов, вскоре проверивший Татарию инструктор ЦК с удовлетворением отметил, что «после накачки т. Сталина». Живов занял правильную линию. Заметим и следующее. Ни в одном из документов, послуживших «основанием» для решения партколлегии, нет не только призыва использовать басмачество, но даже упоминания о нем... Это к слову о том, когда начинались «нравы» приснопамятного 37-го года.

Петерс вышел вместе с Султан-Галиевым в приемную, указав на вставших молодых людей, сказал: «Они вас доставят». Все происходило на удивление буднично. У входа ждал автомобиль, на заднем сиденье уже кто-то разместился, один из сопровождавших сел рядом с шофером, и через несколько минут остановились у здания на Лубянке. Было еще светло, и арестованный с облегчением подумал, хорошо, что не пешком прошли эти два квартала, в центре полно знакомых...

Конечно, даже в своих самых худших предположениях он не допускал мысли об аресте, не готовился к нему. Самера-одиночка внутренней тюрьмы была пустой и, кроме голого топчана и табуретки, в ней ничего не было. После стука в дверь в «глазке» появилось лицо коридор-

ного надзирателя. Бумагу и карандаш он принес сразу и даже охотно.

Будучи крупным политическим деятелем Султан-Галиевряд ли имел конкретное представление о нравах и порядках Лубянки. Отсюда его наивная записка, первый документ, которым начинается многотомное дело. «Начальнику ВОГПУ (Восточного отдела) тов. Петерсу. Прошу отказать позвонить моей супруге, чтобы она прислала мне полотенце, пару белья, кожаную тужурку, мыло, зубной порошок, немного чаю, сахару и лекарство (теокол) одеяло». Очевидно, арестованному сразу же разъяснили куда он попал и на что может рассчитывать. Следующее заявление более реалистично: «Начальнику ВОГПУ т. Петерсу. Прошу Вас не отказать распорядиться о выдаче мне тюремной администрацией одеяла, полотенца, простыни и подушки, если таковые полагаются к выдаче. М. Султан-Галиев». В деле есть еще одна записка жене, которую передали ей 6 мая: «Фатима. Выдай товарищу доклад тов. Нариманова на имя Троцкого, Сталина и Радека. Они лежат у меня в портфеле и завернуты в газету. Мирсаид Следствию нужны были дополнительные материалы. Султан-Галиев, не чувствуя за собой вины, охотно шел навстречу. Товарищ из ОГПУ эти материалы не получил. Их, судя по ответу Фатимы, забрали работники Наркомнаца, которых она в лицо не знала. Возможно, случилась накладочка из-за недоговоренности между отделами ГПУ, и материалы забрали другие. Во всяком случае в следственном деле упреков Султан-Галиеву в сокрытии данных материалов нет. Они, наверное, попали затем по нужному адресу.

Утром 7 мая состоялся первый допрос арестованного. Его вели Я. Петерс и следователь Я. Агранов, имевший по мнению многих работников ГПУ, прямые контакты со Сталиным, минуя не только свое непосредственное начальство, но и заместителя председателя ОГПУ В. Менжинского. Он сделает потом блестящую карьеру в своем

домстве, станет даже заместителем наркома и будет арестован в 1938 году. В описываемый период Я. Агранов был одним из наиболее известных в высших эшелонах власти работников ГПУ. Это связано и с тем, что он в начале 20-х был секретарем СНК. В ГПУ ему поручались наиболее щекотливые дела, связанные с интеллигенцией. Он вел следствие по делу С. Л. Толстой, арестованной в 1921 году, разрабатывал важные детали операции по высылке из страны в 1922 году видных представителей гуманитарной интеллигенции.

Очевидно, стоит дать наиболее полное по возможности положение содержания допроса, происходившего в кабинете Петерса. По характеру вопросов и ответов на них можно четко представить, чем располагало следствие, характер обвинений и позицию Султан-Галиева. А самое главное — что интересовало Сталина?

Материалы дают весьма объемную картину положения национальных республик, болевых «точек» национальной политики. Не забудем и то, что только недавно был брошен, а точнее загнан внутрь «грузинский конфликт», а его мотивы прямо или косвенно тоже звучат в материалах допроса. Кроме того, в ответах Султан-Галиева фигурируют имена ряда политических деятелей высшего эшелона, действия и поведение которых до последнего времени в большинстве опубликованных работ квалифицировались одномерно, без упоминания некоторых важных деталей, в том числе психологических. В дальнейшем будут названы факты, которые до сих пор были неизвестны вообще. И своей неожиданностью они могут вызвать недоверие читателя. Автор склонен верить сведениям, содержащимся в показаниях и письмах Султан-Галиева, особенно в начале 20-х¹. В то время были живы и

¹ Показания же 1928—1929 гг. как самого Султан-Галиева, так и других обвиняемых требуют отдельного анализа. Судя по воспоминаниям уцелевших, физическое воздействие не применялось. Но

вели активную политическую деятельность те деятели (Ленин, Сталин, Троцкий, Нариманов, Радек, Бухарин, Мдизани, Рыскулов, Преображенский и др.), о которых у него идет речь. Поэтому маловероятно, чтобы он сознательно искажал факты и действия указанных лиц. Все это могло быть проверено, и проверялось в то время по первоисточникам. Вместе с тем система деформации истины, а точнее ее фальсификации, начинала уже действовать, особенно в случаях, связанных с деятельностью Сталина. Мы это увидим и дальше, когда подойдем к драматической истории четвертого национального совещания.

**ИЗ ПОКАЗАНИЙ
СУЛТАН-ГАЛИЕВА 7 МАЯ 1923 ГОДА**

Из имеющихся материалов видно, что Вы занимались организацией недовольного нашей политикой элемента, как партийного, так и беспартийного. Что выразилось посылкой во все окраины подробных сведений о том, что происходит на заседаниях ЦК, и в даче директив отдельным группам этого элемента делать нажим на ЦК для достижения своих планов. В чем сознаете себя виновным?

Ответ. Организацией против ЦК партийных и беспартийных я не занимался. Относительно секретных решений ЦК могу заявить, что мною дана была информация о том Пленуме ЦК, где рассматривался вопрос о второй палате. (Речь идет о февральском 1923 года Пленуме ЦК — Авт.). Кроме того, я написал тов. Фирдеву в Крым о рассмотрении грузинского вопроса в ЦК. Больше ни о каких секретных решениях или заседаниях я никому не писал. Письма о Пленуме ЦК, где рассматривался национальный вопрос, я написал, поскольку мне помнится: в Башкирию — т.т. Халикову, Кушаеву и Адигамову; в Татарию — т. Мухтарову; в Крым — т. Фирдеву и в Туркестан — т. Рыскулову. Все эти товарищи партийные, члены РКГ(б), и занимают ответственные посты.

В бытность Вашу в Башкирии на 3-м съезде Советов Вы организовали фракцию из партийных и беспартийных товарищей башкир против русских коммунистов.

ведь были и другие достаточно эффективные методы принуждения. Комиссия Политбюро сделала вывод о том, что дело Султан-Галиева «было фальсифицировано органами ОГПУ».

Ответ. Фракции башкир, а тем более партийных и беспартийных я на указанном съезде не организовывал. Отдельные башкирские товарищи (в том числе и некоторые из беспартийных) беседовали со мной, в целях освещения передо мной, как перед представителем Наркомнаца, положения Башкирии.

Вот так начинали отрабатываться модели будущих заговорщических организаций. Так сказать, проба пера. Беседы о положении дел на месте, которые Султан-Галиев был обязан вести как председатель Федземкома, квалифицировались как попытка создать фракцию.

Кто Вам передавал сведения о заседании ЦК РКП(б)?

Ответ. От Рахимбаева.

Рахимбаев Абдулло, 1896—1938. Член партии с 1919 года. В тот период первый секретарь Бухарской компартии, Председатель ТуркЦИКа. Первым из представителей мусульманских народов стал кандидатом в члены ЦК РКП(б) в 1922 году на XI съезде партии. В марте 1923 года Сталину стало известно о его деловых контактах с Султан-Галиевым. Очевидно, это сыграло свою роль в том, что на XII съезде Рахимбаев в состав ЦК не вошел. Впоследствии на XIII—XVI съездах партии кандидатами в ЦК избирались в разное время Г. Мусабеков, А. Рахимбаев, Т. Рыскулов, Н. Нариманов, А. Икрамов. Только в 1934 году на XVII съезде ВКП(б) членом ЦК впервые за время существования партии был избран представитель тюркских народов — А. Икрамов. В составе ЦКК представительство тюркских народов было более широким — начиная с XIII съезда избиралось 3—4 человека.

Из ответов Султан-Галиева можно сделать вывод о том, что это был обычный обмен информацией по вопросам осуществления национальной политики на местах, вполне вписывающийся в обязанности члена коллегии Наркомнаца и председателя Федерального земельного комитета. Он категорически отверг предположение о присылке крупной суммы денег из Башкирии от наркома освещения республики А. Адигамова. Ряд вопросов Петерса

связан с желанием следствия квалифицировать эту переписку как секретную, зашифрованную, а следовательно, таящую в себе заговорщические планы. Султан-Галиев признал, что в некоторых письмах он предупреждал: сообщаемые сведения являются конфиденциальными и не публиковались в печати. Объяснил это тем, что не хотел утечки сведений.

Особое внимание Петерса и Агранова привлекали взаимоотношения Султан-Галиева с Башкирией. Только недавно завершились там драматические события, связанные с окончательным определением территориальных границ республики и переездом правительственных органов в Уфу. Еще живы были негативные настроения среди части партийных и советских работников бывшей Уфимской губернии, обусловленные противоречивыми и сложными судьбами Башкирской автономии, политическим кризисом лета 1920 года, приведшим к уходу с политической арены первого состава ревкома республики во главе с З. Валидовым. С трудом преодолевались рецидивы недоверия к части башкирских работников, пришедших к признанию Советской власти и партийного руководства национально-государственным строительством через крутые повороты гражданской войны, бросавшей их порой по разные стороны баррикад. Не случайно в Башкирии, и в какой-то степени в Татарии, получали поддержку местные коммунисты, стоявшие на позиции национального нигилизма, называвшие себя «бухаринцами», — Г. Шамигулов, Ш. Ибрагимов, С. Саид-Галиев, Г. Баимбетов. В пылу борьбы с «жупелом» национал-уклонизма они порой бросали упреки и Сталину, обвиняя его, в частности, в либерализме по отношению к Валидову, И. Алкину и другим деятелям национального движения. Особенно усердствовал в этом Шамигулов.

Но вернемся к допросу. Тем более в ходе его возникли сюжеты, лично касающиеся самого Петерса. Что, очевидно, тоже наложило отпечаток на дальнейшие события.

Перед отъездом из Башкирии, после 3-го Всебашкирского съезда Советов (декабрь 1922 года.— Авт.) имели ли Вы разговор с Адигамовым о предстоящей работе по организации работы по связи с окраинами и что вы порешили?

Ответ. Никакого разговора по этому вопросу с т. Адигамовым в Башкирии у меня не было. Лишь после X съезда Советов в разговоре с ним я указывал, что в целях выявления перед ЦК нашего взгляда на национальный вопрос следовало бы выявить по этому вопросу мнение отдельных восточных товарищей, находящихся на местах, путем установления с ними (письменной) связи. Относительно средств, необходимых для этой связи, мы никогда не говорили.

Почему Вы информировали работников на местах неправильными сведениями, что на Вас и других работников в ЦК готовят гонение?

Ответ. А что я написал по поводу моего снятия в Башкирию из коллегии Наркомнаца и сопровождавших его обстоятельствах, я в подробности не помню, мне кажется, я указал лишь на то, что постановлением Оргбюро мне было вынесено решительное осуждение моего выступления в Большой коллегии Наркомнаца по вопросу о Союзном Совете, а также решено снять меня из Коллегии Наркомнаца, на что после моих разговоров с т. Сталиным и моего заявления в ЦК Оргбюро отменило свое решение.

Что же касается моего письма к т. Фирдеву, где я высказываю, что будто бы тов. Петерс собирается войти с докладом в ЦК об отзыве из Башкирии тов. Халикова и других некоторых работников, то я об этом писал не в категорической форме, а в форме допущения этой возможности (по слухам), об этом мне было передано одним из башкирских работников т. Терегуловым, который пришел ко мне и сообщил, что ему стало известно через его связи с ГПУ, что якобы тов. Петерс готовится отозвать из Башкирии Халикова, Кушаева и других башработников с националистическим уклоном. Тов. Терегулов просил у меня совета, как быть и, в частности, не возьмусь ли я переговорить по этому вопросу с тов. Сталиным.

Почему Вы сознательно сгущали краски по поводу взаимоотношений русских с мусульманскими товарищами на окраинах, в частности, в Башкирии? В письме к Фирдеву привели цитату, заключенную в кавычках, из моего доклада на Башконференции, которая не находится ни в стенографическом отчете, ни в отчете, помещенном в газете...

Ответ. Никакого желания «сгущать краски», а тем более сознательно, в отношении выступления тов. Петерса на последней Башконференции я не имел. Я прочел стенографический отчет конференции, где была помещена (№ 2) речь тов. Петерса по текущему моменту и где в конце своей речи, говоря о Башкирии, тов. Петерс бросает упреки по адресу башработников в непонимании или «дет-

Малая коллегия Наркомнаца: Клиндер, Г. Бройдо, М. Павлович,
М. Султан-Галиев. 1921 г.

ском» понимании ими национального вопроса. Цитата эта не является точной цитатой из его речи, а приблизительно характеризующей основной тон и смысл его речи, поскольку часть его речи о работе в Башкирии, по моему впечатлению, заключала это. Я лишь при допросе узнал, что, оказывается, эта часть и вообще вся речь тов. Петерса была передана в стенограмме неправильно и что об этом им было заявлено в органе Башобкома.

Речь идет о выступлении Петерса на VII Всебашкирской конференции в качестве представителя ЦК. Судя по ряду материалов, на ней были допущены необоснованные выпады против некоторых башкирских деятелей, в том числе и Петерсом. В тот период начинает все шире применяться весьма эффективный прием дезинформации, получивший статус «правки стенограммы». Выступающий, высказав все, что считал необходимым сообщить данной аудитории, затем убирал из записанного текста наиболее острые и

непригодные, по его мнению, для печати места. Очевидно, такая «правка» была сделана и Петерсом¹. Подобные манипуляции (здесь не имеются в виду действительные ошибки, неправильная запись отдельных слов, что неизбежно при стенографировании) имели место и на более высоком уровне. Так, на одном заседании партийной фракции по национальному вопросу в ходе полемики Сталин фактически обвинил отсутствовавшего по болезни Ленина в беспринципности и имперском подходе к решению национального вопроса, приведя несколько убедительных, по его мнению, примеров. В стенограмме эти фрагменты выступления Сталина вычеркнуты. Архивные данные свидетельствуют, что этот метод «селекции» выступлений был неединичен и присущ не только Сталину.

Через 45 дней Султан-Галиев был освобожден. Во время его пребывания под арестом состоялось бурное четвертое совещание по национальному вопросу, на котором он был представлен национал-уклонистом. Решения совещания стали серьезным предупреждением всем, кто неформально ставил вопрос о суверенитете национальных республик. Урок был усвоен. В дальнейшем лидеры республик чутко реагировали на любое предложение «центра», — читайте Сталина.

...В письме-исповеди «Кто я?», написанной Султан-Галиевым на Лубянке на имя Сталина и Троцкого, он клялся в верности делу революции и считал арест недоразумением... Сразу же после освобождения он позвонил в секретариат Сталина с просьбой о приеме. Он заявил также, что в мире начался новый подъем революции и он готов сражаться на баррикадах там, где укажет партия, и жизнью своей докажет свою преданность ей... Секретарь Генсека Л. Мехлис сказал, что доложит о звонке Сталину,

¹ Судя по выступлению на 4-м совещании Председателя СНК Башкирии Халикова, из стенограммы своего выступления, готовя его к печати, Петерс вычеркнул 90 процентов текста.

и попросил узнать о результате через несколько дней. В конце июля знакомый голос, с неожиданно теплой интонацией сообщил: «Тов. Сталин просил передать, что примет тебя в начале сентября... Готовься!» Султан-Галиев не сразу положил трубку, она была для него в тот момент как бы мостом для возвращения в строй... «Не зря все-таки я выступал на съездах», — подумал он. Вот и Сталин наконец понял это...

Из биографии В. И. Ленина: «Вторая половина июля — декабрь. Здоровье Ленина улучшается, восстанавливается сон и аппетит, появляется хорошее настроение... пишет левой рукой... Начинает восстанавливаться речь... Благодаря исключительной силе воли, мужеству и упорству, он в сравнительно короткие сроки достигает улучшения, на которое обычно требуются многие месяцы...»

Неблагодарное это дело по отдельным, казалось бы не связанным между собой поступкам и словам реконструировать логику принятия решения. Тем более, когда речь идет о такой сложной и крупной личности, как Сталин. Но все же... Резкое улучшение здоровья Ленина и даже казавшаяся невозможной еще недавно вероятность его возвращения к полноценной политической жизни, очевидно, корректировали планы соратников. А вот вернись Ленин к рулю политики, наверное, первым к ответу мог быть призван Сталин. Да и Дзержинский тоже. Припомнили бы и «грузинское дело» и многое другое. Автор полагает, что в этой ситуации Сталин не захотел отягощать свой штрафной список еще «татарским делом». И этим можно объяснить примирительную позицию по отношению к Султан-Галиеву. Он принял его в начале сентября. Разговор был долгим. Больше говорил Султан-Галиев: о росте революционных настроений на Востоке, о людях, ждущих там только команды... На что Сталин резонно заметил: «Начнется все, наверное, все же в Германии». В отличие от Султан-Галиева он-то хорошо знал, сколько усилий было вложено в подготовку восстания там. Но разговор был теплый, вспомнили гражданскую, поездку Султан-Галиев

в Башкирию¹, где он блестяще выполнил оба поручения наркома: уговорить Валидова начать переговоры, оторвав его от Колчака, и привлечь в партию влиятельную группу татаро-башкирских левых эсеров во главе с Галимджаном Ибрагимовым... Сталин, задумавшись, после небольшой паузы сказал: «Беда с вами, татарами, из-за вас и меня в националисты производят. Мало того, что в 18-м Грасис в газетах ругал меня за поддержку покойного Вахитова и татаро-башкирской республики, теперь в июне на национальном совещании, пока Вы под присмотром Петерса сочиняли свое огромное письмо и предавались революционным воспоминаниям, Шамигулов и другие «твердокаменные» обвинили тов. Сталина в близорукости и покровительстве З. Валидову, Ильясу Алкину и Султан-Галиеву... «Да и не только меня, — продолжил собеседник, — вашего друга Троцкого Саид-Галиев чуть ли не в ОГПУ обещал отправить... Перепугал его». И он испытующе посмотрел на Султан-Галиева. Трудно было понять, говорит это Сталин всерьез или шутит. «Все тут перемешано», — подумал Султан-Галиев. Ему рассказывали, что Сталина действительно упрекали на совещании за мягкость по отношению к националам; с чем он впрочем охотно соглашался. Да и шутившая реплика Троцкого — «Я только боялся, что Саид-Галиев хочет подвести меня под ГПУ (смех)» — тоже прозвучала... Насторожило только «вашего друга Троцкого!» Мирсаид вспомнил, как переменялся в лице Троцкий после слов «не думайте, и до вас они доберутся», сказанных

¹ Читателю, очевидно, будет интересно прочитать одну из телеграмм Сталина, подтверждающую важную роль, отведенную Султан-Галиеву во время этой «секретной миссии», — по возвращении башкирских войск и Валидова в «лоно» Советской власти: «Делегация Башкирии прибыла в Москву. Башкиры безусловно получают советскую автономию, не определены еще детали, территориальные границы, о чем ведутся переговоры. ЦК обязывает партийных работников внимательно отнестись к нуждам башкирских трудовых масс и помочь им в строительстве Советов в Башкирии. Дальнейшие указания будут. По поручению ЦК Сталин». — ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 1610, л. 1.

во время встречи с ним после съезда, и ответная реплика «это ему не удастся» подтвердила давно уже ходившие слухи о взаимной неприязни двух вождей. Впрочем, подумал он, разговор был наедине, хотя сам визит к Троцкому, очевидно, не понравился Сталину. Но отвергать утверждение о «друге Троцком» не стал! Зная хорошо Генсека, он понимал, что только привлечет особое внимание к этой становившейся все более опасной теме. В конце беседы было сказано: «Через год обратитесь в ЦКК, думаю, что восстановят... Я свое мнение скажу». Султан-Галиев ушел окрыленный. В ЦК ему сказали, поработайте пока в кооперации, после восстановления дадим работу в Коминтерне или Комуниверситете народов Востока, где до сих пор вспоминают ваши лекции, на которые приходили слушатели со всех курсов... Предстоял год ожидания. Но ведь Сталин сказал «примут»! Будущее казалось светлым.

Около 5 лет оставалось ему до второго ареста, 14 — до третьего. Из 17 лет, что ему будет еще отпущено судьбой, 10 проведет за решеткой. Вплоть до вечера 28 января 1940 года, когда ему скажут: «выходи без вещей». Он уже знал, для чего!

Долг памяти

Биография и политическая судьба Измаила Фирдевса были тесно связаны не только с главными событиями революции и гражданской войны в Крыму, но и с общественно-политической жизнью Татарии, видные деятели которой Мулланур Вахитов и Мирсаид Султан-Галиев были его друзьями и единомышленниками по практическому осуществлению национальной политики. Именно Измаилу Фирдевсу на 4-м национальном совещании было брошено

сталинское обвинение в покровительстве Султан-Галиеву за отказ последовать примеру Ш. Ибрагимова и С. Саид-Галиева, безоговорочно осудивших его как врага Советской власти. Этим он, очевидно, подписал себе окончательный политический приговор, исполнение которого, правда, затянулось почти на шесть лет.

Начало жизненного пути И. Фирдевса было характерно для многих представителей национальной интеллигенции России, чье духовное становление происходило в атмосфере первой русской революции. Окончив в 1906 году Симферопольскую учительскую семинарию с наградой первой степени, он становится народным учителем в Алуште. Продолжая заниматься самообразованием и мечтая о будущей научной деятельности в области литературы и истории Крыма, Измаил достигает немалых успехов. Природа наделила его недюжинными способностями: не ограничиваясь изучением русской литературы, Фирдевс овладевает в достаточной степени для разговора и чтения французским, немецким и турецким языками, свободно читает на итальянском и латыни. Обширные познания в области мировой культуры, постоянно им пополняемые, будут впоследствии выделять его в революционной среде, хотя в ней не было недостатка в ярких личностях.

Крым — в течение ряда столетий объект особо изолированной и активной колонизаторской политики царизма — являлся полем деятельности различных политических течений, от державно-имперских до буржуазно-националистических. Вплоть до февральской революции И. Фирдевс принимал участие в работе различных кружков революционно-просветительского направления, за что в 1913 году был выслан из Алушты и лишен права учительствовать. Уже в то время у молодого учителя складываются твердые политические убеждения, включающие неприятие сепаратистской, сугубо националистической идеологии слоев, видевших будущее крымско-татарского народа вне пределов России. Бурные политические события февраля 1917 года,

имевшие в Крыму свои особенности, застают И. Фирдевса в Симферополе, где ему после увольнения с учительской работы удалось найти место служащего в Крестьянском поземельном банке. Практически единственный большевик и татарской интеллигенции Крыма, он активно выступает против узконационалистических, антирусских настроений, проявлявшихся в то время у многих деятелей национального движения. Впрочем, им способствовали и шовинистические взгляды немалой части служилой интеллигенции, тесно связанной с учреждениями «двора его величества» — флотом, многочисленными акционерными компаниями.

В результате сложного и противоречивого революционного процесса в январе 1918 года в Крыму, наконец, была установлена Советская власть. Активным участником вооруженного восстания был и большевик Измаил Фирдевс, подписавший вместе с председателем Симферопольского РКВК, членом партии с 1905 года Жаном Миллером ультиматум буржуазно-националистическому парламенту Крыма — «Курултаю».

Победоносное вооруженное восстание завершилось созданием Таврической советской социалистической республики, формированием ее государственных органов. Измаил Фирдевс занимал ряд ответственных постов: нарком иностранных дел, заместителя председателя ЧК, избирался членом Крымского областкома и секретарем ЦИКа Таврической республики. Однако судьба первого советского государства в Крыму была трагична. В апреле 1918 года немецкие войска, вторгшиеся в нарушение Брестского мирного договора, при поддержке мятежных татарских националистов ликвидировали Советскую республику Тавриды. В ходе развернувшегося террора погибли многие члены правительства.

Измаилу Фирдевсу, за голову которого националисты назначили награду, удалось вместе с другими большевиками перейти линию фронта. Так началась новая полоса его политической биографии, связанная с работой в Центральном

ном Мусульманском комиссариате, возглавляемом пламенным революционером Муллануром Вахитовым. Являясь секретарем комиссариата и руководителем отдела просвещения, Фирдевс по указанию ЦК РКП(б) вместе с Мирзаидом Султан-Галиевым организовывал воинские части и подразделения из мусульман, в которые входили татары, башкиры, казахи, узбеки и представители других тюркских народностей. Особая страница его жизни — дружба и совместная работа по созданию Турецкой компартии с выдающимся революционером Мустафой Субхи.

Последующие несколько лет И. Фирдевс выполнял ряд самых ответственных партийно-организационных, военных и дипломатических поручений партии и правительства.

Он работает в Астрахани, затем в марте 1919 года направляется в Казань, где становится одним из организаторов и комиссаром 2-х мусульманских пехотных командных курсов РККА. Работая в Казани, Фирдевс принимает самое активное участие в общественно-политической жизни края. Начавшееся наступление Колчака снова превращает Казанскую губернию во фронтовую полосу. Реввоенсовет республики дает И. Фирдевсу новое ответственное поручение. В апреле 1919, после поражения белогвардейцев и англо-французских оккупантов, в Крыму снова восстанавливается Советская власть. Главой Временного рабоче-крестьянского правительства образовавшейся Крымской Советской Социалистической Республики становится Д. И. Ульянов, наркомом по военным делам — П. Е. Дыбенко. По решению Оргбюро ЦК РКП(б) И. Фирдевс направляется в Крым, где вводится в состав Временного правительства, одновременно ему поручается создание военно-учебных заведений республики. Однако и новая республика в Крыму просуществовала недолго. В июле 1919 года полуостров был вновь захвачен денкикинцами вплоть до его окончательного освобождения в ноябре 1920 года.

М. Султан-Галиев и И. Фирдевс. Снимок 1925 г.

С июля 1919 года по сентябрь 1920 года И. Фирдевс находится на партийной и государственной работе в Казани. Он входит в состав губкома РКП(б) и коллегии губчека. Являясь политическим комиссаром мусульманских командных курсов, готовит пополнение для татарских бригад, успешно действующих на Восточном фронте и в Туркестане. Татарские большевики Казани избирают его делегатом II съезда коммунистических организаций народов Востока, на котором выступил В. И. Ленин. На съезде И. Фирдевс избирается членом Центрального Бюро КОНВ. После образования Татарской Автономной Советской Социалистической Республики И. Фирдевс становится заместителем наркома просвещения, однако вскоре вновь отзывается в Москву, где ему поручается организация высшего учебного заведения востоковедческого профиля на базе бывшего Лазаревского института.

С ноября 1920 до начала 1926 года И. Фирдевс снова работает в Крыму, занимая ряд ответственных должностей — заведующего отделом народного образования, секретаря мусульманского бюро при обкоме РКП(б), наркома юстиции и прокурора республики.

Это были сложные годы, когда многие вопросы национально-государственного строительства решались на фоне усиливавшегося командно-административного давления. Нам еще предстоит многое узнать заново, но ясно одно: в жизни республики все более проявлялись деформации ленинской национальной политики. В этом контексте надо оценивать и состоявшееся в июне 1923 года 4-е национальное совещание, материалы которого только сейчас становятся доступными для исследования. Позиция И. Фирдевса, стремившегося проанализировать взгляды Султан-Галиева с учетом реального положения дел в национальном вопросе и отвергавшего возможность его антисоветских действий, была осуждена Сталиным.

После совещания был взят курс на политическую дискредитацию деятелей, чья позиция противостояла сталин-

ской. Легче это было сделать с теми, кто работал в автономных образованиях и не был так широко известен партии, как, например, Н. Скрыпник или Х. Раковский (хотя позднее наступила и их очередь). В течение 1924—1925 годов под различными предлогами с руководящих постов в республиках убирают деятелей, вызывавших недовольство Сталина. В их числе был и И. Фирдевс, получивший назначение на третьестепенный пост в одно из московских ведомств. В 1927 году он направляется в Тбилиси, а затем в Ростов на должность инспектора отдела народного образования.

В 1929 году начинается ряд политических процессов над различными политическими и профессиональными группами. Очевидно, готовился и судебный процесс над «национал-уклонистами», лидером которых был назван М. Султан-Галиев. Вместе с деятелями Татарии в него планировалось включить и представителей других республик. От Крыма, кроме И. Фирдевса, в качестве видного национал-уклониста был назван бывший председатель Совнаркома республики О. Дерен-Айерлы, активный участник гражданской войны и партизанского подполья. Впоследствии герой крымского подполья, известный общественный деятель и ученый, дважды Герой Советского Союза И. Папанин писал, что Осман Дерен-Айерлы неоднократно спасал ему жизнь в годы борьбы с деникинщиной.

Общее руководство разоблачением «султангалиевцев» и подготовкой процесса было возложено на Генриха Ягду. Активное участие в этом принимал также Я. Петерс, имевший богатый опыт еще с начала 20-х годов. Решением Партколлегии ЦКК ВКП(б) от 23 августа 1929 года И. Фирдевс вместе с другими членами группы был исключен из партии «за участие в антипартийной группировке Султан-Галиева». После этого все они были арестованы. Однако открытый процесс по образцу Промпартии или Шахтинского дела не состоялся. Причины этого документальной проверке не поддаются, однако можно предполагать, что тут дей-

ствовали субъективные факторы. В 1930 году большинство «лидеров» группировки решением Коллегии ОГПУ было приговорено к высшей мере наказания, однако приговоры в исполнение не приводились и были заменены различными сроками заключения на Соловках.

В период разгара репрессий в 1937—1938 годах многих из ранее осужденных привлекали к ответственности повторно. В большинстве случаев они приговаривались к смертной казни. Среди них был и Исмаил Керимович Фирдевс. Раскрывая вклад жертв необоснованных репрессий в создание Советского государства, следует назвать и этого видного участника национально-государственного строительства в годы гражданской войны. Тем самым мы отдаем долг памяти, сформулированный в национальной платформе КПСС как необходимость возвращения доброго имени людям, политически ошельмованным за так называемый национал-уклонизм.

Второй президент республики

В ленинской «Биохронике» — уникальном издании, возвращающем нашей исторической памяти тысячи имен людей, о которых мы говорим «лично известен», в перечне дел, которыми занимался В. И. Ленин 23 ноября 1921 года, есть запись: «В. И. Ленин знакомится с письмом члена бюро Тат. обкома РКП(б) Р. Сабирова на имя В. М. Молотова о положении в ТАССР. Резолюция: «Обсудить на заседании Политбюро 24 ноября 1921 г.» Очевидно, проблемы, которые ставил перед ЦК РКП(б) председатель ТатЦИКа Р. Сабиров, были действительно важны и неотложны.

Это только один из эпизодов, говорящих о разносторонней государственной деятельности главы Татарской Автономной Социалистической республики в 1921—1924 го-

дах Рауфа Ахметовича Сабирова. Его путь в революцию был характерен для многих представителей татарской интеллигенции, вступивших в партию в годы гражданской войны. Уроженец деревни Айдарово Мамадышского уезда Рауф Сабиров с ранних лет испытал трудности крестьянской жизни. Отец, азанче (пономарь), принадлежал к самой низшей ступени духовной иерархии и занимался крестьянским трудом. Рауф, отданный для учебы в сельское медресе в деревне Сатышево, был вынужден летом заниматься чернорабочим на один из заводов в Нижнем Новгороде. Знакомство с рабочей средой привело его к конфликту со своими духовными наставниками, и он был исключен из медресе.

Это был тяжелый удар по жизненным планам Ахмета-азанче, надеявшегося, что хотя бы сын выбьется в преуспевающие муллы. Непокорный сын был лишен родительского благословения и выдворен из семьи. И снова тяжелый заводской труд в Нижнем, а затем переезд в Екатеринбург, где Рауф проходит свои «университеты» на соляных копях близ Бахмута.

В 1915 году Р. Сабиров был призван в армию и после кратковременного обучения в запасном полку отправлен на фронт — в самое пекло западнее Минска, где не прекращались тяжелые бои с наступающими немцами. Февраль 1917 года с его революционным полководьем втянул молодого солдата в активную политическую жизнь. Рауф вместе со своими однополчанами, среди которых было много татар и башкир, стихийно поддерживает большевистские лозунги: долой войну, землю крестьянам. В начале 1918 года солдатский комитет 170-й пехотной дивизии направляет его своим делегатом в Казань, где в январе начал работу 2-й Всероссийский мусульманский военный съезд. На нем произошло столкновение меньшинства стоявшего на революционных позициях, с лидерами буржуазно-националистического большинства. Стремясь направить население на делегатов-большевиков и сочувствующи-

дних им, одна из буржуазных газет писала в то время: «Татарский большевик — это тот, кто потерял свою голову на германском фронте и нечаянно прихватил русскую голову, которую и поставили в лазарете на его шею». Рауф Сабилов был среди тех беспартийных делегатов, которые вместе с большевиками покинули съезд.

После возвращения в Мамадыш Рауф становится учителем татарской школы, и вскоре его политическое прозрение завершается вступлением в партию большевиков в декабре 1918 года. Талант организатора, умение убеждать массы, принимать единственно верные решения в сложной и противоречивой обстановке прифронтowego уезда, каким был Мамадыш, создают Р. Сабирову большую популярность среди трудящихся. Он становится председателем исполкома Совета, избирается в руководящие органы республики. Летом 1921 года после драматических событий, приведших к смене руководства Татарии, Рауф Сабиров избирается председателем ТатЦИКа и членом бюро обкома РКП(б).

Татария находилась в сложнейшем положении. Голод, охвативший Поволжье, стал трагедией для населения республики. Вымирали целые селения, пустыли уезды и волости... К этому добавлялись серьезные разногласия среди руководителей о методах подъема хозяйства Татарии и ликвидации последствий голода. В свое время, следуя живым схемам «Краткого курса», эти разногласия в Татарии сводились к борьбе так называемых «левых» и «правых», причем те деятели, которых впоследствии причисляли к «правым», огульно клеймились как «буржуазные национал-уклонисты». Время сняло эти ярлыки. Сейчас мы видим, что это была борьба за отход от догм военного коммунизма, за принятие компетентных решений в области экономики. Именно к этому периоду деятельности Р. Сабирова относится его обращение в ЦК, которое В. И. Лениным было оценено как заслуживающее рассмотрения на Политбюро. Опыт ликвидации последствий

голода был обобщен в написанной Р. Сабировым и опубликованной в 1923 году книге «Деревни Татарской Республики после голода». Она находится в личной библиотеке В. И. Ленина в Кремле. Правда, в книжке, посвященной казанским изданиям в Ленинской библиотеке, автор не называется. Вроде бы безымянная книжка. Хотя строкой ниже воспроизводится дарственная надпись Н. К. Крупской: «От автора». Так мы охраняли когда-то читателя от крамольных имен.

После состоявшегося в июне 1923 года 4-го совещания ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей, которое фактически было Пленумом ЦК по национальному вопросу, утверждается сталинский подход к решению этих проблем. На совещании главное внимание вначале было уделено «делу Султан-Галиева». В обвинениях, предъявленных ему, причудливо смешались как действительные ошибки, так и явно приписанные с целью политической компрометации Султан-Галиева как противника сталинского плана «автономизации». В ходе совещания развернулась полемика по основным направлениям выполнения решений XII съезда. Выявились две тенденции — ленинская, учитывающая всю сложность и деликатность национального вопроса, и сталинская, которую можно характеризовать как складывающийся командно-административный подход к нему. Этим можно объяснить противоречивость и неоднозначность материалов совещания и особенно стенограммы выступлений, которая сразу же была причислена к сверхсекретным документам. Выступая на совещании, Р. Сабиров заявил, что нет никаких оснований обвинять руководство республики в шовинизме и национализме, как делали некоторые выступающие. Делали в угоду Сталину, скажем мы сегодня, зная уже скрывавшихся в течение многих лет фактах закулисных интриг против целого ряда лидеров национальных республик.

В 1922—1924 годах в Татарии было много сделано для осуществления принципов новой экономической политики, роста национальной культуры, повышения статуса татарского языка, выдвижения национальных кадров. Многие из этого будет впоследствии расценено как уступка буржуазной идеологии, национал-уклонизм. Этот процесс был характерен для всей страны и усиливался по мере усиления режима личной власти Сталина.

В конце 1923 и в начале 1924 года в республике происходит новый тур кадровых замен. Под различными предложениями переводится в другие регионы и в центр ряд видных руководителей, в их числе секретарь обкома РКП(б) Д. Живов, председатель Совнаркома К. Мухтаров, председатель ТатЦИКа Р. Сабилов, заместитель председателя СНК Г. Мансуров, заместитель наркома земледелия А. Енбаев...

В 1925 году Р. Сабилов назначается заместителем заведующего национальным отделом ВЦИК СССР. Этот отдел, взявший на себя некоторые функции упраздненного Наркомнаца, играет важную роль в решении ряда вопросов национального размежевания, установлении границ между республиками, обобщении опыта национально-государственного строительства в стране.

Политическая атмосфера страны в конце 20-х годов все более накаляется. Идут активные поиски «врагов», на которых можно свалить неудачи, связанные с опрометчивыми решениями в области экономики и политики. Наряду с разгромом общесоюзной оппозиции, судилищами над представителями старой научной и технической интеллигенции, начинается процесс «национал-уклонистов», важную роль в котором должны были сыграть «султангалиевцы» как национальное крыло троцкистско-тиньевьевской оппозиции. Разворачивается газетная кампания против бывших руководящих работников Татарии, занимавших ответственные посты в Москве. После ареста М. Султан-Галиева начинается партийное расследование

деятельности этих лиц. Хотя в ходе расследования не были получены достоверные факты, все они исключаются в августе 1929 года из партии за антисоветскую деятельность, а затем решением Коллегии ОГПУ им определяются различные меры наказания, включая и высшую. Учитывая, что в ходе расследования Р. Сабилов первым признал все предъявленные обвинения и «помог ЦКК выяснить деятельность этой «антипартийной организации», ему была предоставлена возможность подать заявление о вступлении в партию через год «по ходатайству рабочей ячейки». Трудно сейчас судить о том, что заставило Р. Сабирова признать себя «врагом народа», но мы уже достаточно хорошо знаем существовавшую в то время «методику» доказательств.

После исключения из партии Р. Сабилов с 1932 года работает на автомобильном заводе-гиганте «ЗИС» в Москве. Он с достоинством воспринял удары судьбы и добился немалых успехов на новой стезе, став одним из лучших фрезеровщиков цеха механосборки, работая наладчиком сложных станков, бригадиром. Вскоре его выбирают в профком завода, партком «ЗИС» ходатайствует о восстановлении Р. Сабирова в партии с сохранением стажа с 1918 года. Очевидно, талант и трудолюбие бывшего руководящего работника Татарии помогли бы ему стать заметным и в технической области. Он собирался получить высшее техническое образование и говорил об этом близким и друзьям. Но этим планам не суждено было сбыться.

На страну накатывались новые и новые волны репрессий. И, конечно же, Рауф Сабилов с его бурной политической биографией, «лично известный» Сталину и Ежову работавшему до 1921 года в Татарском обкоме РКП(б), был чересчур заметной и «удобной» фигурой для фабрикации политического дела. Последовал новый арест и обвинения чуть ли не по всем разделам зловещей 58-й статьи УК РСФСР, которые в приговоре Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 30 декабря 1937 года формулиро-

вались как признание Р. Сабирова виновным в том, что он «являлся активным участником антисоветской татарской, националистической, шпионской, террористической организации, по заданию которой организовывал шпионско-террористические группы и занимался шпионской деятельностью». Приговор к высшей мере наказания был приведен в исполнение в тот же день.

Наступило время XX съезда КПСС и хрущевской «оттепели», и дело Р. Сабирова было пересмотрено одним из первых. Решением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 14 мая 1957 года приговор этого органа от 30 декабря 1937 года в отношении Р. А. Сабирова был отменен за отсутствием состава преступления, а в 1989 году он восстановлен и в рядах КПСС.

Его путь к правде

Когда солдаты XI армии, находившейся на Юго-Западном фронте, узнали о свержении самодержавия, началось бурное революционное половодье: митинги, создание различных комитетов, комиссий, советов. В числе таких общественных органов были и мусульманские организации, в основном состоявшие из татар и башкир.

Кроме главного вопроса — как покончить с империалистической бойней и вернуться домой — перед ними встала задача: а как жить дальше? К этому времени многие имели представление о политических партиях, которые обещают все разделить по справедливости, раздать землю, дать свободу. Появились и люди, которые говорили о необходимости восстановить былое могущество мусульманства на территории России.

Было от чего закружиться голове неискушенного в хитросплетениях политики солдата. И потому при выборах

своих представителей они отдавали предпочтение не заезжим «златоустам», а брату-фронтовику. Ему понятнее беды окопников, а тут еще снова офицеры начали призывать к наступлению на немцев, выполнить союзнический долг...

Вот так и приобщился весной 1917 года к политической деятельности бывший солдат Махмуд Будайли. Его избрали председателем солдатского комитета 105-й дивизии. А незадолго до этого командир полка объявил, что мусульманам теперь даровано право иметь своего военного муллу, дабы помог вспомнить привычные обряды намаза перед атакой или в последнюю дорогу напутствовал бы, если уж не повезет солдату. А где его найдешь, муллу-то, на фронте? Вот и выкрикнул кто-то: «Давайте Махмуда поставим — грамотный, наборщиком был, газеты читает». На том и порешили.

Недолгой оказалась его «духовная» карьера без отрыва от винтовки и передовых позиций. Правда, вперемежку с чтением Корана успевал он еще читать товарищам газеты, из которых становилось ясно: страна накануне бурных событий.

Вскоре они докатились до фронта. Воевать никто не хотел. Если уж не успели посеять, то хоть бы на уборку в родные места поспеть, — так бесхитростно выдвигали солдаты свою «программу-минимум». Все больше прислушивались к большевикам, ведь только они твердо обещали покончить с войной. Махмуд становится редактором армейской газеты «Иптэш», его выбирают председателем совета воинов-мусульман 11-й армии.

После развала старой армии в январе 1918 года он возвращается в Мамадыш умудренный опытом, знающим цену слову. Естественно, в водовороте политических событий, докатившихся и до провинциальной глубинки, симпатии его были на стороне большевиков. Махмуд участвует в создании советских органов в Мамадышском уезде, вступает в партию.

М. Султан-Галиев. Снимок сделан после второго ареста.

Выступления в печати, на собраниях общественных организаций делают Будаили весьма популярной фигурой. Он избирается на II съезд коммунистов Востока и VII Всероссийский съезд Советов, где впервые слушает В. И. Ленина. Трудно, конечно, говорить о том, что Махмуд и его товарищи по партии сразу же стали большевиками-ленинцами в полном значении этого слова. Но они были вместе с партией в главном: в ненависти к классовым врагам, в мечте о мировой революции, которая вот-вот должна развиться на планете.

Этим революционным мессианством были тогда охвачены многие, в том числе и большевики-татары. Они считали, что именно им, хорошо знающим нравы и обычаи Востока, придется нести туда знамя пролетарской революции. На это их ориентировали и лидеры большевистской партии. Такой была мечта Мулланура Вахитова, об этом

говорил Мирсаид Султан-Галиев. Этой идеей были вдохновлены бойцы и командиры татарских бригад, пришедших на помощь антифеодальной революции в Средней Азии и дорогой ценой заплативших за это в сражениях.

Одной из эффективных форм привлечения населения на сторону революции, а нередко и выполнения начальных функций Советской власти в годы гражданской войны, были агитпоезда ВЦИК, направляемые, как правило, в самые горячие точки страны. Их обычно возглавляли видные деятели партии и государства, в состав поезда входили политотдел, бюро жалоб, типография, редкие еще тогда радио- и киноустановки, пропагандистские группы.

Вот таким передвижным форпостом Советской власти и стал направленный в январе 1920 года в Среднюю Азию поезд «Красный Восток». Его комиссаром ЦК РКП(б) и ВЦИК назначили видного партийного деятеля Георгия Сафарова, хорошо знающего этот регион. Для работы в нем были направлены большевики-татары А. Гумеров, Ш. Ахмадеев, Ф. Султанбек, М. Будаيلي, беспартийные специалисты.

О значении, которое придавалось поезду, можно судить по тому, что за несколько дней до его отбытия из Москвы Ленин принял Г. Сафарова, его заместителя, редактора поездной газеты «Кызыл Шарк», выходившей на четырех языках, М. Будаيلي и члена политотдела поезда видную деятельницу Коминтерна А. Балабанову и беседовал с ними около полутора часов.

К сожалению, этот факт малоизвестен и материалы беседы не сохранились. Но незадолго до своей кончины Махмуд Будаيلي рассказывал мне, что В. И. Ленин особо подчеркивал необходимость бережного отношения к нравам и обычаям местного населения, предостерегал от «ультра-революционного» подхода к жизни и укладу многонационального региона... Мы знаем взгляды В. И. Ленина на эти сложные проблемы, и, очевидно, тому, что говорил он, склоня свое многотрудной и трагической жизни Махму-

Гадиевич, восстанавливая беседу с вождем, можно верить.

В течение нескольких месяцев «Красный Восток» проделал огромную работу, после чего почти половина состава политотдела поезда, в том числе и Будайли, была оставлена в Средней Азии для оказания помощи новой власти. С лета 1920 года Махмуд Гадиевич выполняет ряд весьма ответственных поручений, помогая становлению государственных учреждений молодых республик Средней Азии в качестве народного комиссара печати Бухарской народной республики, заместителя чрезвычайного посла РСФСР в Хорезме, заместителя наркома национальностей Туркестана. Его деятельность на этих постах была высоко оценена партией.

В 1922 году по решению Оргбюро ЦК РКП(б) М. Г. Будайли направляется для работы в Татарию. Вплоть до 1929 года он принимает активное участие в общественно-политической жизни республики, являясь членом выборных партийных органов, занимая посты заместителя наркомов здравоохранения и юстиции, управляющего резинотрестом. В эти же годы раскрываются его недюжинные литературные способности.

Еще в годы мировой войны, находясь после ранения в госпитале, он пишет стихи и рассказы о трагедии людей, брошенных в окопы ради интересов богачей, о прозрении вчерашнего крестьянина, которого и попы и муллы напутствовали доблестно сражаться за веру, царя и отечество. В 1917 году в Казани вышел в свет уникальный сборник стихов и рассказов «Окоп тавышы» («Голос из окопа»), авторами которого были солдаты-фронтовики из татар. Находим среди них и имя Махмуда Будайли.

Будучи по складу характера весьма ироничным, умеющим остроумно подмечать недостатки, Махмуд Гадиевич выступает в печати с сатирическими и юмористическими стихами, рассказами. Он был одним из зачинателей татарской советской сатирической журналистики, стоял у истоков создания «Чаяна».

Но над ним уже сгущались тучи. В 20-е годы в Татарской партийной организации, как и во многих других, шла борьба между различными группами руководящих работников по ряду практических вопросов социалистических преобразований, развития экономики и культуры республики. Причем нередко играли роль и личностные моменты, возникшие еще в годы гражданской войны.

Борьба велась в весьма острых формах, и вряд ли оппоненты предполагали, что хлесткие политические ярлыки, раздаваемые ими друг другу в пылу полемики, скоро станут одними из главных «доказательств» их «враждебной деятельности». Когда в 1929 году возникло дело о «султангалиевщине», в орбиту были втянуты тысячи людей. Обвиняемым, в том числе даже не знавшим лично Султан-Галиева или же давно порвавшим с ним всякие отношения, приписывались страшные политические обвинения. Роль «руководителей» местного султангалиевского центра, филиала «всесоюзного, находившегося в Москве», соответствующие органы отвели М. Будаيلي, М. Брундукову, В. Исхакову. Так начались для Махмуда Гадиевича страшные годы.

Его арестовывали трижды, и всякий раз, даже по тем крутым временам, материалов на хотя бы неправый, но все-таки суд, не набиралось. Впрочем, для таких «упрямцев» существовала своя инстанция — «особое совещание», для которого не требовалось даже фиктивного соблюдения закона. 24 года провел Будаيلي в заключении и ссылке. Какие это были годы, мы теперь хорошо знаем.

Вскоре после смерти Сталина начинаются подвижки в контингенте ГУЛАГа. Правда, в «холодное лето 1953-го» они коснулись в основном уголовников. Но, начиная с 1954 года и особенно после XX съезда КПСС, процесс реабилитации жертв сталинизма шел все активнее.

Сразу после освобождения Махмуд Гадиевич начинает борьбу за возвращение своего доброго политического имени и восстановление в рядах партии. Он обращается

последовательно к XX, XXII, XXIII партсъездам, к руководителям обкома партии, ЦК КПСС. Нельзя без волнения читать эти письма-исповеди, полные горечи и недоумения. Ведь уже реабилитированы тысячи безвинных жертв, большинство из них восстановлены в партии.

Полностью реабилитирован по суду и Будаили. Все обвинения «особых совещаний» признаны сфальсифицированными. Но его заявления о восстановлении в рядах КПСС не встречают должного понимания в местных партийных органах. Обращаясь к Генеральному секретарю ЦК КПСС, Будаили пишет, что он неоднократно встречался с В. И. Лениным, а теперь не может добиться приема даже у Ф. Табеева — секретаря Татарского обкома партии.

О революционных заслугах и безупречном партийном поведении Будаили пишут в обком член КПСС с 1917 года, активный участник Октября генерал-лейтенант Якуб Чанышев и член КПСС с 1916 года, один из руководителей Татарии в 30-е годы Павел Аксенов. К их мнению присоединяются многие другие ветераны партии. Но тщетно, Будаили в восстановлении отказывают.

Трудно сейчас судить, что было причиной столь формального, бюрократического отношения к судьбе коммуниста. Да, он был обвинен в причастности к «султангалиевщине». Но десятки и сотни обвиненных в том же к тому времени были (большинство посмертно) восстановлены в партии. По случаю 50-летия Великого Октября многие из оставшихся в живых удостоены правительственных наград...

Будаили пытается вернуться к творческой работе. Появляются после тридцатилетнего перерыва его публикации в прессе, он начинает работу над произведением, которое должно было дать представление о юморе и сатире в духовной жизни татарского народа. Но несправедливость и политическое отчуждение, которые он ощущает, деформации многих моральных принципов, которым он присягал в годы революции и посприятие которых он видит в действиях и образе жизни некоторых высокопоставлен-

ных партийных функционеров, в том числе и местных, охватывают последние годы Махмуда Гадиевича. В одном из заявлений он писал: «Неужели я умру, так и не добившись справедливости?» В 1975 году его не стало.

Наступил апрель 1985 года. Многие, казалось бы, навсегда вписанные в структуру нашего политического мышления догмы и стереотипы рухнули. Прозвучали слова правды о таких крупных деятелях национально-государственного строительства и активных участниках гражданской войны, какими были обвиненные в так называемом «национал-уклонизме» Г. Мухтаров, Г. Мансуров, А. Елбаев, И. Фирдевс. Из-под завалов политических фальсификаций начало извлекаться имя Мирсаида Султан-Галиева.

Партия и народ отдают должное всем своим сынам и дочерям, создавшим новое общество в трудные годы революции и гражданской войны. Их ошибки не могут затмить вклад в борьбу за идеалы социализма. Постановлением бюро Татарского обкома КПСС Махмуд Гадиевич Будаيلي летом 1989 года был наконец реабилитирован в партийном отношении.

«Антиподы»

В постановлении Политбюро о созыве 4-го совещания есть пункт — пригласить на совещание «антиподов». Одним из таких антиподов — противников Султан-Галиева был герой этого очерка. Будучи убежденным сторонником «левых», Сагидуллин принял самое активное участие в разоблачении «султангалиевцев». Он и его сторонники А. Муслимов, Нугаев и другие не жалели хлестких ярлыков в адрес «национал-уклонистов», квалифицируя их как «социал-

«шников». В середине 30-х и «левые» и «правые» оказались в одних и тех же камерах и бараках.

В одной из потрясающих по силе воздействия книг о сталинском терроре — «Крутом маршруте» Е. Гинзбург — есть эпизод, когда автор узнает через тюремный «телеграф», что в соседней камере находится Мингарей Сагидуллин, бывший крупный партийный работник Татарии. Вспомнив об этом человеке, Е. Гинзбург пишет, что, в отличие от большинства арестованных, питавших еще иллюзии о происходящем как об ошибках и беззакониях, творившихся без ведома Сталина и даже вопреки ему, Сагидуллин дал точный и беспощадный диагноз: «Коба — 18 брюмера. Физическое истребление лучших людей партии, мешающих или могущих помешать окончательному установлению его прерогатив».

Наверное, и сейчас, когда на нас обрушился поток информации о тех жестоких временах, трудно определить путь сталинщины более точно, чем это сделал в 1937 году Мингарей Сагидуллоевич Сагидуллин — один из наиболее ярких идеологических работников 20-х годов, крупный партийный деятель, ученый и публицист, павший жертвой «18-го брюмера» — политического переворота, осуществленного Сталиным на рубеже тридцатых годов.

В истории политической жизни нашей страны той поры над имен и фамилий теряли личностные черты и становились своеобразным символом, кодовым словом, объединявшим те или иные «отрицательные» явления. Просматривая подшивки местных газет, излучающие с пожелтевших страниц накал времени, разоблачительный пафос «неистовых ревнителей», мы встретим термины «султангалиевщина», «сотонинщина», «фирсовщина» и т. п. В этом же ряду стоит и «сагидуллинщина», разоблачению которой посвящены многие партийные решения и печатные выступления.

Судьба отвела уроженцу деревни Верхние Суксы Менделеевского уезда Уфимской губернии Мингарею Сагидул-

лину около 12 лет активной политической жизни. Вступив в партию в 1920 году, он последовательно проходит путь от председателя сельского Совета и работника уездного комитета партии до секретаря одного из казанских райкомов, заведующего отделами Татарского обкома ВКП(б).

В середине 20-х годов в республике развернулись политическая борьба и дискуссия в руководящих партийных советских органах по ряду вопросов социалистического строительства. Положение дел в Татарии неоднократно становилось предметом обсуждения в ЦК ВКП(б), в том числе с участием Сталина. В ходу были хлесткие политические ярлыки, деление актива на «левых» и «правых». Эта борьба вела к частой смене руководства и перемещению потерпевших «поражение» руководителей в другие области и в центр. Так были «перемещены» С. Саид-Галиев, К. Мухтаров, Г. Мансуров, Р. Сабилов, Д. Живов, Б. Пинский, И. Морозов и другие.

Впоследствии все эти изменения объяснялись борьбой с «врагами народа», сторонниками Троцкого, Зиновьева, Бухарина. В 1925 году ряд руководящих постов в республике заняли работники, причисляемые к «левым», в их числе был и М. Сагидуллин. Будучи заведующим организационным, а затем агитпропотделом обкома ВКП(б), он внес значительный вклад в оживление внутрипартийной жизни, организацию идеологической работы. Большое внимание он уделял изучению истории революционного движения в нашем крае. Выявилось стремление М. Сагидуллина к систематическому изучению марксистско-ленинской теории.

После кратковременного пребывания на партийной работе в Средней Азии он, начиная с 1927 года, все более сосредоточивается на научно-исследовательской журналистской деятельности. Написанная им книга «Татарские трудящиеся на путях Великого Октября», изданная Истпартом обкома ВКП(б), наряду с новыми фактическими данными содержала ряд важных документов, позволивших глубже оценить роль созданного М. Вахитовым

Мусульманского социалистического комитета в консолидации всех революционных сил для борьбы с буржуазией.

Впоследствии, когда «библией» историко-партийной науки стал «Краткий курс истории ВКП(б)», появились его многочисленные «слепки» на местах, выводы Сагидуллина были расценены как «вражеская вылазка». При этом упор делался лишь на допущенные автором субъективные оценки некоторых участников революционных событий.

Привлекла внимание научных и общественно-политических кругов другая его работа — «К истории ваисовского движения», изданная в 1930 году. Большой общественный резонанс вызвал опубликованный в 1929 году в газете «Кызыл Татарстан» политический памфлет «Племя подхалимов», так же, как и помещенная в «Правде», а затем перепечатанная в местной прессе статья Л. Шацкина «Долой партобывателя».

В памфлете Сагидуллин бичевал угодничество среди руководящих работников, холуйство перед вышестоящими, мечетающееся с хамством по отношению к подчиненным. Нет надобности говорить, насколько не в духе времени «великого перелома» и становления сталинской диктатуры были подобные материалы. Публикация их была осуждена специальным постановлением обкома ВКП(б), а Сагидуллина было объявлено «последнее предупреждение». Следует сказать, что стилю полемики Сагидуллина были присущи острота и хлесткость эпитетов. Ряд его формулировок (мы не касаемся здесь их обоснованности, это, как говаривал Сагидуллин, «истпартовский спор») становились ходячими афоризмами. Так, в 1923 году он назвал Султан-Галиева «генералом без армии», а политику коренизации и татаризации — «пченбазаризацией» — производя этот термин от татарского названия Сенного базара, ставшего еще с «легкой руки» Тукая символом торгашества.

В ситуации, когда политические гонения бывших оппозиционеров (в Казань были «переведены» на различные

второстепенные должности такие видные деятели, как Преображенский, Тер-Ваганян, один из лидеров комсомола Тарханов) сопровождалось выдвиганием версий о том, что они уже и здесь создали группу из местных работников, включавшую Сагидуллина, он принимает решение покинуть Казань. В конце 1929 года его переводят на журналистскую работу в северный край, а в 1930-м по настоячивым просьбам он зачисляется на философское отделение знаменитого Института красной профессуры-кузницы теоретических кадров партии.

Казалось бы, теперь появилась возможность углубиться в науку, работать под руководством виднейших философов и историков страны. Однако этим планам не суждено было сбыться. Политическая атмосфера продолжала накаляться. Шли поиски «врагов», злонамеренной деятельностью которых можно было бы объяснить все более ухудшавшееся экономическое положение страны, срыв плановых заданий.

Одной из попыток приписать упадок сельского хозяйства вражеским проискам стало обвинение выдающихся советских ученых-экономистов А. Чаянова, Н. Кондратьев и других в создании «Трудовой крестьянской партии» (ТКП), якобы ставившей целью свержение Советской власти с помощью кулачества. Раз существует такая «партия» в центре, то должны быть ее «филиалы» в регионах, причем желательно национальных, ибо можно их связать давним жупелом национал-уклонизма. Так возникло провокационное дело о кулацкой террористической группе «Крестьянский иттифак», орудовавшей на территории Татарии и Башкирии.

Роль ее лидеров ведомство Генриха Ягоды отдало Галимзяну Аминову, Гилемдару Баимбетову и Мингарею Сагидуллину, причем последнему приписывалась и роль главного теоретика «Крестьянского иттифака». В декабре 1930 года в Москве, Казани и Уфе начались аресты «иттифакцев», в газетах развернулась кампания против «сагидуллинщины».

ка Сам Мингарей Сагидуллоевич был взят под стражу 21 де-
ом бря 1932 года. Всего же по делу «Крестьянского итти-
тог канала» было арестовано 58 человек, в том числе партий-
ные работники, журналисты, ученые, специалисты, руко-
водители хозяйств, рядовые колхозники. Среди последних
кур фигурировали в основном жители деревни Чекмагуш в
оси Башкирии — родины Г. Баимбетова. Ранее, в начале
о 1932 года, в Татарии «за контрреволюционные научные
ы-рекомендации» была репрессирована большая группа уче-
ных и специалистов сельского хозяйства.

О значении, которое придавалось «Крестьянскому ит-
тифаку», можно судить по такому штриху: вопрос о Са-
сугидуллине был рассмотрен в партколлегии ЦКК 9 февраля
ка 1933 года по представлению одного из видных подручных
елюды, начальника секретно-политического отдела ГУГБ
оле НКВД СССР Г. Молчанова. Решение об исключении его из
ыв партии было подписано секретарем коллегии Е. Ярослав-
ним. Документ был послан на «согласование» двум зло-
звещившим личностям той эпохи — Л. Кагановичу и Н. Ежову.
ясе статьи, Ежов мог, вероятно, поделиться при этом и личны-
ьевыми впечатлениями о Сагидуллине, так как в 1919—1921 го-
тике он тоже работал в Татарской областной парторганизации.

Между тем по ряду причин, о которых можно только
ти догадываться, громкий процесс не состоялся. Постановле-
приним коллегии ОГПУ в мае 1933 года всех обвиняемых
ть по делу «Крестьянский иттифак» осудили. К расстрелу
привели приговорены пять человек, в том числе Г. Баимбе-
упов, остальные — к различным срокам заключения. М. Са-
гидуллин, получивший 8 лет, был направлен в «Дмитров-
лаг» — будущую главную базу великой сталинской строй-
ь Гиперканала «Москва-Волга».

С 1933 по 1938 год был период различных экспериментов и отработки
ла структуры «архипелага ГУЛАГ». Одним из направлений
1934 была так называемая «перековка» — система мер по пере-
копке и питанию заключенных. Времена, судя по воспомина-
ниям выживших узников, были относительно либеральные.

Редколлегия стенной газеты лагпункта Разноволоки, Соловецкого лагеря особого назначения. 1 ряд — второй слева б. член Татобкома ВКП(б) М. Будайли, 2 ряд — второй слева б. член бюро Татобкома Г. Мансуров, четвертый — б. нарком просвещения Татарии М. Брундуков, пятый — художник Баки Урманче. 1932 г.

Конечно, по сравнению с порядками 1937 и последующих годов «большого террора». В лагере Сагидуллин становится редактором многотиражки для заключенных, получает право на переписку. Эта переписка впоследствии становится одним из пунктов обвинения его жены Ш. Азановой, член партии с 1919 года, которая будет арестована за связь «врагом народа» и пробудет в лагерях до 1944 года. Не поможет ей и публичное отречение от политических позиций мужа.

Находясь в «Дмитровлаге», Сагидуллин обращался с просьбой о помощи к М. Горькому. И, судя по документам, письмо дошло до адресата. Но ответ Горькому, данный ЦКК и подписанный Ярославским, был неутешителен.

— «нет никаких оснований для пересмотра дела». Вскоре М. Сагидуллин был переведен на Соловки.

Гибель С. М. Кирова обозначила новый тур репрессий. Наряду с сотнями тысяч арестов по указаниям Сталина о борьбе с вражеским подпольем пересматриваются и дела ранее осужденных. Появляется категория так называемых «повторников», прежние приговоры которым были признаны чрезмерно мягкими. В их числе был и Сагидуллин, привезенный в Казань весной 1937 года. В отчетном докладе Татарского обкома ВКП(б) XVIII партийной конференции в июне 1937 года прозвучало: «Сагидуллин и Кулган-Галиев едят тюремный хлеб в Казани». Один из главных казанских «костоломов» 37-го заместитель нарком внутренних дел и депутат Верховного Совета ТАССР М. Шелудченко, с которым читатель еще встретится в публикуемом письме его жертвы И. И. Курникова, получил в отношении обоих письменное разрешение — «взять от них все до единой капли». Вскоре в руках Шелудченко оказался и докладчик — А. Лепа.

Так слились пути двух видных деятелей партии — анклавы, которые на долгие годы, уже после своей гибели, станут политическими символами, предаваемыми ритуальным проклятиям в книгах и речах. Именно к этому периоду относятся воспоминания автора «Крутого маршрута», в чьей памяти М. Сагидуллин остался символом мужества и сопротивления сталинщине.

10 мая 1933 года коллегия ОГПУ, определяя «вину» Сагидуллина, квалифицировала ее по двум разделам злодейской 58-й статьи УК РСФСР. В 1938 году Военная коллегия Верховного Суда СССР обвинила его уже по четырнадцати разделам этой статьи, включавшим подготовку к вооруженному восстанию и терактам против руководителей партии, правительства, лично Сталина. Этот, второй, приговор — высшая мера наказания — был объявлен тоже 10 мая. В деле справка: «приведен в исполнение в тот же день».

В период хрущевской оттепели вернулись немногие и уцелевших «членов» «Крестьянского иттифака». Они рассказывали о пытках в ходе следствия, фальсификации показаний и требовали восстановления справедливости. В октябре 1957-го президиум Верховного Суда ТАССР отменил приговоры большинству обвинявшихся, в основном посмертно. Был признан несуществующим и злополучный «иттифак». Однако в отношении М. Сагидуллина, Г. Баимбетова и еще четверых товарищей было оставлено в силе обвинение коллегии ОГПУ 1933 года.

То половинчатое решение стало как бы символом времени робкой оттепели. Прошли еще многие годы, прежде чем появилась возможность вернуться к делам последних «иттифаковцев». И только политическая атмосфера перестройки позволила решить вопрос о партийной реабилитации Сагидуллина. Такое постановление принято бюро Татарского обкома КПСС 19 декабря 1989 года.

Один из пунктов обвинения М. Сагидуллина и его товарищей в 1933 году гласил: Сталин не может быть генсеком, так как он парализует активность масс. История подтвердила этот вывод.

«Дело» Хади Атласова в контексте политической атмосферы 30-х годов

К середине 30-х годов в общественном сознании советских людей сложились политические стереотипы и кодовые слова, обозначавшие ряд понятий, не требующих расшифровки. В обязательный набор славословий входили, например, здравицы в честь великого Сталина. А в ритуальные проклятия в адрес врагов так же обязательно включалось перечисление их мерзопакостных деяний, из-за которых мы недополучали блага нового строя.

В числе врагов назывались «троцкистско-бухаринские верги», «заговорщики тухачевские-якиры», шпионы и диверсанты, взрывавшие фабрики и заводы, щедро бросавшие гвозди и толченое стекло в продукты. Журналистика и литература создавали замечательные образы бдительных советских людей, обращавшихся во всех затруднительных случаях в «органы», действия которых всегда были мудрыми и эффективными.

Кроме литературных символов, пропагандировались и конкретные лица, олицетворяющие могущество «органов». Известный акын Джамбул, живописуя троцкистские банды шпионов, «бухаринцев — хитрых змей болот» и «националистов озлобленный сброд», писал: «Ползут, на любое злодеяние готовы. Но зорки орлиные очи Ежова». Впрочем, персонафикация символов борьбы против врагов народа, миттующая печальный итог служебной карьеры большинства из них, оказалась занятием опасным. Поэтому после ликвидации Генерального комиссара госбезопасности Н. Ежова стихи и проза, посвященные конкретным руководителям «органов», больше не появлялись. Так и остались «неоспетыми» Берия, Меркулов, Абакумов и последующие... Впрочем, о Берии была, кажется, песня с очень красивой мелодией.

Возвращаясь к «символике», отметим, что создавались и ту пору и враги «местного» значения. Особенно многолик этот набор фамилий-символов в национальных регионах. Их история, как правило, включала непростые процессы перехода на сторону Советской власти ряда деятелей национальных движений, драматические коллизии переориентации интеллигенции, ошибки и заблуждения. Все то, к чему так терпеливо относился В. И. Ленин, в середине тридцатых годов оценивалось с прямотой винного ствола. Так, в историю политической жизни Ташкентской области вошли слова-символы «султангалиевщина», «сагитмуллинщина»...

В том же ряду — понятие «атласовщина», с которым

связывали, как правило, представителей старой национальной интеллигенции, якобы затаивших злобу на Советскую власть, всячески вредивших ей и призывавших для свержения иностранных интервентов. Иногда сюда добавлялись и «организация» вооруженных отрядов, террористических групп для борьбы против Советской власти, попытки покушений на жизнь вождей. Правда, последнее обвинение было сравнительно редким и зависело больше от фантазии следователя, личных качеств обвиняемых.

Впрочем, злобещая 58-я статья УК РСФСР с ее многочисленными подпунктами давала широкие возможности для «осуждения» практически по любым мотивам. От одного анекдота, рассказанного приятелю, что квалифицировалось как контрреволюционная пропаганда, до особо злобещих подпунктов 2, 6, 8, 9, за которыми стояли теракты, шпионаж, диверсии. Другой особенностью 58-статьи была ее гуманность без всяких кавычек, ибо большинство подпунктов предусматривало выбор от 3 лет даже «не ниже 6 месяцев» заключения до ВМН (высшей меры наказания). Только не встречаешь в уголовных делах этого «нижнего предела». Видимо, хорошо был усвоен лозунг «Если враг не сдается, его уничтожают». И уничтожали не только посредством ВМН: 15—25 лет в лагере также давали почти полную гарантию...

Вот такой была общественно-политическая атмосфера в которой подходил к своему пику разгул беззаконий, получивший в народной памяти символическое обозначение «37-й год». Террор затронул все слои общества. В камерах и лагерных бараках, на трассах каналов и в забоях «золотой Колымы», на тысячах других островов «архипелага Гулаг» встречались и те, кто совершал революцию, и те, кто ее не принимал, руководители различных звеньев партийно-советской структуры и рядовые рабочие, колхозники, представители высшего, наиболее квалифицированного слоя научной и художественной интеллигенции и сельские учителя, врачи, священнослужители.

Пока еще невозможно дать точную цифру безвинно репрессированных в Татарии, хотя работники соответствующих органов, и в первую очередь КГБ республики, сделали огромную работу по выяснению истины и подготовке материалов для реабилитации. Речь пойдет, очевидно, о нескольких десятках тысяч людей. И это только по обвинениям в рамках 58-й статьи, хотя по политическим мотивам люди привлекались и с помощью других статей УК. А сколько было отправлено в лагеря по постановлениям коллегий ОГПУ, НКВД, МГБ, различных «троек» и «двоек». Можно, видимо, предположить, что тотальный поиск «врагов», принимавший характер социальной патологии, затруднял выявление подлинных вражеских лазутчиков, которые тоже были...

Это довольно обширное введение, очевидно, поможет читателю лучше представить себе обстановку, в которой возникло и пришло к своей трагической развязке «дело» Хадии Атласова, длившееся с июля 1936 года по февраль 1938-го.

Если бы лет двадцать тому назад спросить даже у представителей гуманитарной интеллигенции, кто такой Хадия Атласова, то большинство ответов наверняка свелось бы к тому, что это был мулла, сначала сотрудничавший с белыми, потом еще в чем-то замешанный и кончивший свои дни либо в эмиграции, либо в советской тюрьме. Люди более осведомленные, пожалуй, вспомнили бы, что Атласов был депутатом какой-то Думы то ли от эсеров, то ли от левых; в общем не наш человек. Вряд ли бы прояснило ситуацию и обращение к литературе, особенно по истории местного края, где Атласов безоговорочно объявлялся нераскающимся врагом Советской власти. Впрочем, если бы тогда кто-то и попытался дать объективный портрет этого человека, такая работа не прошла бы на страницы печати.

Только сейчас, когда рухнули многие взлелеянные нами идеологические стереотипы, когда отпадают казалось

бы намертво приклеенные ярлыки, появилась возможность показать нашу историю такой, какой она была. Показав в борениях страстей, ошибках и прозрениях, в схватках человеческих характеров, которые не объяснишь только классовыми принципами. И проявляются на ее страницах во всей своей сложности и противоречивости многие видные деятели, над которыми довлело идеологическое «табу» имени которых вспоминались лишь для предания политической анафеме. Так случилось с Мирсаидом Султан-Галиевым и, очевидно, с такими же мерками надо подойти к Хади Атласову, повторившему трагические судьбы многих татарских интеллигентов, начавших свою педагогическую и общественно-политическую деятельность под влиянием идей первой российской революции.

Когда мне пришлось разбираться во всех хитросплетениях «дела» Султан-Галиева (а оно в документальном эквиваленте представляет десятки томов, хранящихся в самых разных местах), работники КГБ посоветовали обратить особое внимание на «дело» Хади Атласова. В нем, по моему мнению, проявились многие характерные черты дел по обвинению видных представителей татарской интеллигенции в том числе и в «султангалиевщине».

Итак, краткая справка. Атласов Хади Мифтахутдинович родился в 1876 году в деревне Старое Чекурское Буинского уезда Симбирской губернии. Духовное лицо. Окончил Буинское медресе. Художник Б. Урманче, детство которого прошло неподалеку от Буинска, вспоминал: «Когда на сабантуе в нашей деревне появлялся буинский шакирд Хади, у всех местных батыров портилось настроение — теперь барана (первый приз) нам не видать». Большая физическая сила и ловкость весьма пригодились Атласову в сложных перипетиях его жизни. Длительное время руководил созданным им медресе в деревне Альметьево. В число преподавателей им были привлечены многие прогрессивные педагоги.

107
111

Атласов не замыкался в рамках преподавательской работы. Начитанности его могли бы позавидовать многие. Он в совершенстве владел немецким языком, знал английский. Его любовью на всю жизнь стала немецкая культура и литература, особенно Гете и Шиллер. В начале 20-х годов, оставшись без средств к существованию, он попадает в Москву и один из его старых знакомых дает ему 50 рублей в червонцах. Сумма по тем временам немалая. А что были употреблены деньги? Атласов покупает у букиниста 56 томов Гете и Шиллера на немецком языке... одной вот штрих, говорящий о многом, если иметь в виду нравственный облик этого человека.

В 1905 году, в период повального вовлечения татарской интеллигенции в политическую жизнь, многие ее видные представители разделяли взгляды кадетов, демократическая часть сотрудничала с социал-демократами, в том числе с большевиками. Хади Атласов ориентировался на Керенского. Согласитесь, что для почтенного муллы, духовного наставника популярного медресе выбор довольно-таки смелый. Тем более если учесть, что репрессиями эсеры выделялись. В феврале 1907-го Атласов стал депутатом II Государственной думы от Самарской губернии. Во II думе была самая крупная за всю историю российского парламента мусульманская фракция, насчитывавшая 35 человек, 16 из них — татары и башкиры. Хади Атласов вместе с пятью другими депутатами от Казани, Оренбурга, Самары сотрудничал с фракцией трудовиков и по ряду вопросов солидаризировался с социал-демократами.

Дума, оказавшаяся для правительства слишком «левый», была разогнана. Однако ориентация Атласова на радикальные политические силы сохранилась. В 1909 году Саратовская судебная палата привлекает его к ответственности за написание брошюры, содержание которой было признано антиправительственным. Основное время Атласова все более стала поглощать педагогическая и научно-публицистическая деятельность. Он был сторонником вклю-

чения в программу духовных училищ основ современных научных знаний, особенно в области изучения биологии, физики, использования опыта светских школ. Внимательно изучал опыт Оренбургского медресе «Хусаиния», имевшего значительный объем научных знаний. Впоследствии при тарификации учителей советской школы окончание «Хусаинии» приравнялось к среднему педагогическому образованию.

Диапазон интересов Хади Атласова был весьма широким. В 1902 году выходит в свет его первая книга «Естественная история», в которой он делает попытку примирения учения Дарвина с некоторыми догматами мусульманства. Можно по-разному оценивать это, но подобное пособие вызвало у шакирдов интерес к научным знаниям. Позднее вышедшие затем «История Сибирского ханства», «История Казанского ханства», «Сююмбике» делают автора весьма заметной фигурой среди историков мусульманского мира, в том числе за рубежом.

Заслугой Атласова стало и введение им в научный оборот ценнейшего исторического источника — ярлыка казанского хана Сахиб-Гирея, что позволило получить ряд достоверных сведений о социально-экономической структуре Казанского государства в канун его падения. История татарских народов, этнография, демография, экономика региона определяют круг научных исследований Атласова конца его жизни. В число его друзей и научных единомышленников входили такие видные деятели татарской общественной мысли, как Р. Фахрутдинов, А. Буби, Г. Исхаков, Р. Ибрагимов, Г. Губайдуллин.

После победы февральской революции Х. М. Атласов принимает самое активное участие в общественно-политической жизни страны. Оставаясь на позиции буржуазно-националистического восприятия происходящих перемен, вместе с другими видными деятелями участвует в создании ряда новых общественных структур, в организации их съездов. Являясь убежденным сторонником культуры

ациональной автономии и ее территориальных вариантов, принимает участие в разработке их законодательных принципов и положений. На втором общемусульманском съезде 11 июля 1917 года его избирают в комиссию мухтасаров — органа по осуществлению культурно-национальной автономии. В нее входили также С. Максудов, И. Ахтямов, Шпраф, А. Мухутдинова, Ф. Карими, К. Карими, Н. Хальванов. По-разному сложатся политические судьбы этих людей. Но в 1917 году они были в числе самых популярных деятелей региона, к мнению которых прислушались мно-

Гражданская война для Хади Атласова, как и для многих других представителей интеллигенции страны, стала временем нелегкого, а часто и трагического выбора. На пути политического прозрения Атласова было многое: и поддержка антибольшевистских сил, в победе которых он видел тогда возможность осуществления многих своих принципов, и боязнь разгула толпы, крушения религиозных устоев общества, без которых, по его мнению, невозможно обеспечить соблюдение элементарных норм цивилизованного общества. Некоторые опасения оказались, к сожалению, небеспочвенными. Наступившее вскоре разочарование в идеях учредилковского варианта «белого движения», не способного дать лозунги и принять решение, удовлетворявшее национальные чувства народов, заставляет его более внимательно присмотреться к деятельности большевиков. Он постепенно начинает видеть в них силу, которая сможет спасти страну от развала и анар-

Переломным для Атласова стал конец 1919 года, когда судьба забрасывает его на юг страны. В Дагестане, затем в Баку он видит калейдоскопическую смену режимов, борьбу различных политических сил, в том числе зарубежных, стремившихся твердо обосноваться в этом богатом сырьевыми ресурсами крае. Здесь один из его соратников по бурной политической жизни в Казани ле-

том 1917 года Юсуф Музафаров, ставший теперь офицером-деникинцем, рассказывал о своей поездке вместе с другим деятелем военного Шуро, капитан-лейтенант О. Токумбетовым, в Германию летом 1918 года, о встрече с Гинденбургом и обещании немцев оказать помощь татарским националистам. На вопрос, чего Гинденбург требовал взамен, ответа не последовало...

Были встречи и с деятелями мусаватистского правительства в Баку, некоторых из них он знал еще по работе в Думе. Состоялась и недолгая поездка в Иран, где было немало выходцев из Поволжья, предлагавших Атласову остаться там и создать новое медресе. Были лестные предложения работы и создания всех условий для научной деятельности, исходившие из Анкары, Каира, Тегерана. Однако Атласов, в отличие от многих своих друзей, выбрал путь, ведущий на родину. Наверное, это был шаг патристический, чем-то сходный с позицией «сменовеховцев», предполагающей сотрудничество с новой властью, спешившей Россию от развала и растаскивания по частям. Сделав этот шаг, Атласов вряд ли предполагал, какие последствия будет иметь для него такое решение.

На пути возвращения Атласова ждали нелегкие испытания. Его арестовали. Правда, ЧК, расследовавшая обвинения в его сотрудничестве с белыми, а затем и суд в Казани, нашли ничего криминального даже по тем временам. Удильди Мифтахутдинович был оправдан.

Начало 20-х годов стало временем наступления гражданского мира. Ленинский план возрождения страны опирался на консолидацию сил, и тем более важным было привлечь к общественно-политической жизни и развитию культуры всех, кто был способен помочь преодолению разрухи. Оказавшись в Татарии, которая лишь недавно перестала быть театром военных действий, Атласов стремился честно включиться в работу по восстановлению школ. Пришедшие к руководству республикой талантливые организаторы К. Мухтаров — Председатель Совнарком

Сябиров — Председатель ТатЦИКа и ряд их соратников, проводя ленинскую национальную политику, привлекая к развитию экономики и культуры всех, кто хочет трудиться с Советской властью.

Правда, это вызывает критику. Еще живучи традиции приказного коммунизма, приказного стиля. Линия на классовое отчуждение больно задевает многих представителей старой интеллигенции, духовных лиц, бывших предпринимателей, поверивших в лозунги нэпа и стремившихся приумножить экономический потенциал страны, укрепить ее культурный слой. Вскоре и в Татарии обвинят в «национал-уклонизме» многих партийных и советских лидеров. Впоследствии в лагере на Соловках встретятся и бывший член II Думы Х. Атласов, и бывший Председатель Совнаркома Татарии Кашаф Мухтаров и его соратники Г. Мансуров, М. Брундуков, М. Будайли, обвиненные в «султангазетчищине». Будет с ними и сам Мирсаид Султан-Галиев — спикер лагпункта на острове Аизер. Но это будет почти через десять лет...

Атласов искренне стремился принести пользу своему народу, хотя многие конкретные меры в области экономики и культуры казались ему преждевременными и неподготовленными. Работая учителем в школе села Зайда Каратай, а затем в Бугульме, он пытается упорядочить систему преподавания, выступает против ряда нововведений, понижающих роль учителя, в том числе и против prevalentного «бригадного» метода обучения. Не устраивает его и уровень ряда учебников для татарской школы, особенно по физике и биологии. Главным, считал он, является системное усвоение начальной суммы знаний, опираясь на которые можно уже вести и самостоятельную работу.

Учитывая богатый опыт и подготовку Атласова, к нему часто обращались за советами работники советских органов. Сейчас это не вызывает удивления или негативных эмоций. Действительно, почему не выслушать мнение знающего человека, да и очередную бумагу, которые стали

плодиться все чаще, составить он поможет. Но в то время подобные факты рассматривались по-иному. В 1923 году на совещании по национальному вопросу в Казани секретарь Бугульминского комитета партии с возмущением, разделяемым аудиторией, говорил, что у них в городе советские работники пригласили для консультации по вопросам реализации татарского языка «самого Хади Атласова».

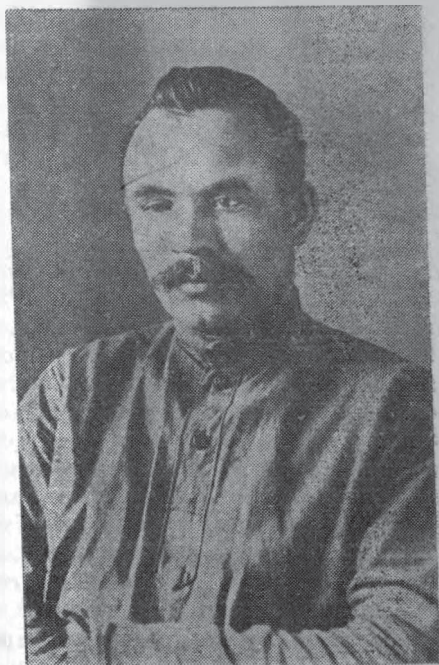
Политическое отчуждение и социальная дискриминация по отношению к весьма нужным, но не вписывающимся в жесткие нормы классовой чистоты и надежности специалистам, становились серьезным препятствием на пути развития культуры, что особенно сильно ощущалось в провинции. Об этом, в частности, можно судить по письмам, обращениям в ЦК партии, к Сталину наркома просвещения А. Луначарского, по выступлению Н. Скрыпника на XVII партийной конференции.

Вплоть до конца 20-х годов Атласов преподает в различных учебных заведениях Бугульмы. Активно изучает он историю татарского народа, акцентируя внимание на демографических и экономических процессах национального развития, в качестве председателя Бугульминского комитета оказания помощи студентам помогает своим землякам, обучающимся в вузах различных городов страны. Во время одной из поездок в Москву он был принят турецким послом Мухтарбеем, интересовавшимся различными сторонами развития татарской культуры и школьного дела. Посол также рассказал Атласову о судьбе ряда его знакомых, принимавших участие в общественно-политической и научной жизни Турции.

Следует сказать, что до начала 30-х годов факты встреч с иностранцами, переписки с лицами, проживающими за рубежом, не ставили под сомнение политическую репутацию гражданина. По крайней мере официально. Это потому, что каждое письмо, отправленное за рубеж или полученное оттуда, каждая встреча с иностранцем будут рассматриваться как потенциально недружелюбный акт, как попытка

наладить контакты, нано-
ящие ущерб стране, а
просту говоря, как по-
пытки шпионажа и пере-
дачи сведений врагам.

В 1927 году общест-
венно-политическую ат-
мосферу Татарии серьез-
но взволновали дискуссии
вокруг перехода на но-
вый латинизированный
алфавит «яналиф». Исто-
рия вопроса уходит в на-
чало двадцатых, когда
центром латинизации
стал Азербайджан, а один
из его лидеров Агамалы-
Оглы считался главой об-
щегосударственного дви-
жения за латинизацию.
Предпринимались попыт-
ки предложить эту ре-
форму и для русской
письменности, но они бы-
ли сразу же отвергнуты.
Не имели успеха идеи ла-
тинизации в Армении,
Грузии. Что же касается народов, пользующихся арабской
графикой, то здесь проблема была сложнее. Но уже де-
лались успешные попытки упростить написание знаков,
сделать графику более доступной. Рассматривался также
проект пишущей машинки на основе реформированной
графики. О значении, которое придавалось техническому
новшеству, можно судить по тому, что сообщение Г. Иб-
рагимова по этому вопросу было заслушано в 1923 году
на заседании Секретариата ЦК РКП(б).

Баки Урманче.
Соловки. 1932 г.

Однако под влиянием наиболее ретивых представителей движения за латинский алфавит он получал все большую ощутимую официальную поддержку. Призывы к осмыслительности, исходившие от ряда ученых и общественных деятелей, не были тогда услышаны. Например, Ш. Урманов, выступая в 1926 году на Первом тюркологическом съезде в Баку, заявил, что «с введением нового латинского алфавита в корне разрешатся все вопросы орфографии».

В этой сложной ситуации большая группа татарской интеллигенции (82 человека) в 1927 году обратилась с письмом к Сталину и пленуму Татарского обкома ВКП(б). В письме ставилась под сомнение необходимость немедленного перевода татарской письменности на латынь и особо подчеркивалась опасность отрыва от уже созданной за многие столетия культурной традиции татарского народа, несения ущерба его исторической памяти. Вскоре многие подписавшие это письмо под влиянием факторов, весьма далеко отстоящих от языковых проблем, стали снимать свои подписи. Причем сопровождалось это широкими публикациями в газетах, публичными покаяниями в совершенном. Между тем многие аргументы письма были с вниманием и одобрением восприняты общественностью. В числе непримиримых противников латинизации был и Хади Атласов. Его неосторожное заявление в кругу учителей, что «яналиф погубит татарскую культуру», было воспринято властью имущими как политический вызов, контрреволюционный выпад.

В 1928 году, в преддверии «великого перелома», в стране был подготовлен ряд судилищ над видными представителями технической и научной интеллигенции, известных как «шахтинское» дело и процесс «Промпартии». Очевидно, намечался и большой процесс над «национал-уклонистами», лидером которых был определен Мирсаид Султан-Галиев. По ряду причин гласный процесс так и не состоялся. Однако и Султан-Галиев, и «султангалиевцы»

В числе которых были отнесены многие представители татарской и башкирской интеллигенции, а также партийные советские работники, получили суровые наказания. Лишь единицы группы, а к ним причислили видных политических деятелей Татарии К. Мухтарова, Г. Мансурова, Р. Сабировского, М. Будаили, М. Брундукова и других, были приговорены к длительным срокам заключения. Судили по этим обвинениям и многих представителей художественной, научной интеллигенции. В числе «султангалиевцев» оказались художник Б. Урманче, профессор-медик Ф. Мухамедьяров, юрист И. Ахтямов, экономист А. Тюменев, поэты Г. Галеев, Х. Батыршин, С. Сюнчелей и другие.

Хади Атласов также был обвинен в «султангалиевщине» и приговорен к десяти годам лагерей. Наказание отменялось на Соловках. Там ему пришлось встретить многих из тех, с кем в прошлом был по разную сторону баррикад.

В 1933 году Атласова и других «султангалиевцев» «приговорили» 1928—1929 годов освобождают, причем многих досрочно. Некоторых переводят на режим высылки с обязательной регулярной регистрацией в комендатурах, другие получают свободу с «минусом», то есть разрешение пролежать лишь в небольших городах. Хади Мифтахутдинову, однако, разрешают вернуться в Татарию и даже пролежать в Казани, где жила его старшая дочь. Но и свобода, и возможность вернуться к полноценной научно-педагогической деятельности оказались весьма иллюзорными. Работы не было. Во время поездки в Уфу он встречается со старыми друзьями — муфтием и ученым Ризой Фахрутдиновым, Кашифом Тарджимановым, Мухлисой Буби — в прошлом видными общественными деятелями, а сейчас опознанными людьми, ждущими своего часа... Помочь они ничем не могли. После возвращения в Казань Атласову, наконец, дают работу преподавателя немецкого языка и географии в одной из школ.

Постепенно налаживается быт, начинают, хотя и с

опаской, заходить знакомые, тянется к нему молодежь, начинающие поэты, журналисты. Советуются, ценя общие познания собеседника в мировой культуре. Атлас не торопится хвалить новшества типа «призыва ударников» в литературу, поругивает футуристов, в том числе и татских, стремящихся бежать «вперед прогресса». Впрочем в оценках осторожен: лагерные «университеты» не приносили даром.

Скоро и эти редкие встречи прекращаются. После убийства Кирова общественная атмосфера все более насыщается страхом, учащаются аресты. Атласова увольняют с педагогической работы как политически неблагонадежного. Практически он влачит жизнь изгоя, отщепенца, все чаще ловит на себе косые взгляды бывших коллег. Вскоре некоторые из них, «как честные советские люди» будут охотно помогать следствию, свидетельствуя и ложно свидетельствуя; кто-то, боясь за себя и семью, а кто-то без всякого принуждения, так сказать, по велению души.

Недавно умер один из моих старых друзей Абдулхамид Кудашев. Партизан гражданской, учитель, ставший одним из первых ученых-физиков из татар. Много он сделал и знал, хотя чаша 37-го его миновала. Он говорил: «Общество должно быть таким, чтобы быть честным было бы гораздо выгоднее, чем нечестным. Ибо на одних подвижниках и жертвенных натурах справедливый строй не создашь».

Так вот, атмосфера 30-х утверждала в людях обратное: делала человека незащищенным от злобы, навета, самодурства. Причем грань между палачами и жертвами в пору была весьма зыбкой. Нередко те, которые недрогнувшей рукой санкционировали исключение сотен коммунистов из партии, аресты ни в чем не повинных людей, затем сами объявлялись «врагами» и после пристыженных допросов, бессонных ночей и избиений признавались всем, что было заранее написано следователем. Одно из самых трагических мест в «Крутом маршруте» Е. Гиппиус

— сцена, когда она в колымском лагере встречает умирающего от голода Ельшина, того самого элегантного майора госбезопасности, который допрашивал ее в Казани в 1937 году, буквально излучая уверенность в своей правоте и непоколебимую преданность указаниям вождя на-родов.

Через несколько строк мы подойдем к последней трагической странице жизни Х. М. Атласова и его «сопроцессников». Пусть вас не удивляют признания некоторых обвиняемых во всех смертных грехах. Теперь мы знаем, как эти признания добывались в самый страшный период «жестокости». В письме старого большевика, переданном из тюрьмы в 1937 году, есть ссылка на одного из тогдашних казанских «костоломов» лейтенанта Марголина, писавшего коллегам: «Не тратьте зря сил, бейте по... плечу, надует название самого болезненного участка мужского тела), сразу же признаются!»

Летом 1936 года наступил черед Атласова. В его деле есть санкция и ордер на арест, датированные 27 июля 1936 года. Они подписаны начальником I отделения особого отдела УГБ НКВД ТАССР лейтенантом Ахметовым, согласованы с начальником особого отдела УГБ капитаном Покалюхиным и утверждены начальником управления НКВД по ТАССР старшим майором госбезопасности Гариным. Сам арест и обыск по всей форме, с понятыми, произведены 28 июля Ахметовым.

Подробно перечисляю фамилии всех начинавших «дело» Атласова, ибо к его завершению и капитан, и старший майор, как и многие другие работники НКВД ТАССР, исчезнут. И только лейтенант Ахметов подпишет последний документ, ставящий предел жизненному пути Атласова и осьми его товарищей по скамье подсудимых. J

В начале дела — небольшая справка. Из нее узнаем, что арестованный привлекался к ответственности в 1921 году и судом оправдан. В 1929 году осужден по статье 10 УК РСФСР, пункты 4 и 11 (оказание помощи между-

народной буржуазии и организация контрреволюционных групп), приговорен к 10 годам лагеря, досрочно освобожден в конце 1933 года. На первом допросе, состоявшемся в день ареста (его вел оперуполномоченный с бого отдела Карпов), Атласов на вопрос о его контрреволюционной деятельности ответил: «Контрреволюционной деятельностью не занимался, а также лиц, ведущих контрреволюционную деятельность, не знаю. Ответ окончательный».

Судя по протоколам первых допросов, Атласов в пору уже не был, как и многие его друзья-интеллигенты в 1928 году, человеком растерянным, оглушенным прошедшим, преисполненным трепета перед чинами НКВД. Прошедший лагерные «университеты», знающий многочисленные ухищрения, применяемые следствием, он прекрасно понимал, что любое неосторожно сказанное слово повлечет в орбиту будущего процесса новые жертвы. А то, что процесс готовится, он, очевидно, понял быстро. Однако ни следователи, ни, возможно, сам Атласов, и предпологали, что он сможет продержаться так долго.

С августа 1936 по май 1937 года в деле зафиксировано 16 допросов и очных ставок, некоторые из них длились по 3 дня. Это на бумаге. Мы никогда не узнаем, сколько раз арестованного ставили на «конвейер», когда неделями не давали спать, даже сидеть, когда сменялись следователи, а подсудимый продолжал оставаться на ногах. Никогда не узнаем, по крайней мере от самого Атласова и о том, что называлось «физическим воздействием», после которого ломались даже молодые здоровяки. А ведь Хади Мифтахутдиновичу в ту пору перевалило уже за 60....

Шел настоящий поединок. В начале августа на вопрос о знакомых подсудимый называет более 100 человек. Расчет понятен. Ведь если назвать 5—10 или даже 20, это готовая «контрреволюционная группа». А из 100 с лишним сделать это уже труднее. К тому же почти о каждо-

говорит, что встречался давно, в основном до 1928 года. Вопросы, задаваемые Атласову, касались его планов выезда на территории Татарии буржуазного государства, а также клеветнических высказываний о Сталине, связанных с зарубежными разведцентрами и Султан-Галиевым, привлечение в контрреволюционную организацию самых видных представителей татарской интеллигенции.

Готовился, судя по ряду деталей, процесс, на котором в качестве обвиняемых должны были предстать литераторы, журналисты, ученые. Атласов виделся следователям идеальной кандидатурой в руководители такой интеллигентской заграничной организации: депутат Думы, крупный ученый с большими связями за рубежом, активный деятель буржуазно-националистических организаций, уже был признан как видный «султангалиевец»... Лучшую фигуру подобрать было трудно. Имелись, правда, в «запасе» бывший депутат Думы адвокат Ибниамин Ахтямов, бывшие члены Учредительного собрания Валидхан Таначев и Ильяс Алкин, но по ряду соображений ни один из них не подходил на роль «главы» организации в Татарии.

Допросы Атласова велись интенсивно, но достичь следователям удалось немного. Признания арестованного сводились к следующему: «Я — сторонник Советской власти, но национальная политика, особенно на местах, искажается, и это вызывало с моей стороны критические замечания. Подтверждаю контакты с лицами, признания которых предъявлены, но контакты были чисто литературными: поэты читали свои стихи. Что касается чтения поэтом Сирином (Х. Батыршин) у меня в доме стихов «Ана», «Апама», «Ат камыты», «Поднимайте бокалы», то ничего антисоветского в них нет, тем более нет воспевания кулаков и протеста против выселения их из родных мест. Подтверждаю, что в числе знакомых были видные деятели национального движения, ныне находящиеся за рубежом, — З. Валидов, Б. Баттал, Г. Исхаков, Р. Ибрагимов, Ю. Акчурина, Г. Нигмати, Ф. Туктаров, З. Кадыри, но

связи с ними после гражданской войны прервались и никакой переписки нет».

Судя по всему, параллельно «делу» Атласова в центре расследовались и другие дела, связанные с деятельностью лидеров национальных движений. Не исключено, что в Москве выражали недовольство столь мизерными результатами работы с Атласовым. Во всяком случае в октябре 1936 года к его допросам подключаются прибывшие из НКВД СССР капитан Айзенберг и лейтенант Ратнер — бывшие работники Восточного отдела ОГПУ, участвовавшие под руководством Г. Ягоды вместе с Я. Петерсом и А. Алмаевым в создании дела Султан-Галиева еще в 1928 году. Однако, судя по протоколам, и они ничего нового не узнали. Атласов лишь подтверждал, что говорил раньше.

Следствие шло без особого успеха и громкого дела всесоюзного масштаба явно не получалось. В протоколах все чаще появляются многозначительные фразы следователей: «Вы продолжаете сопротивляться следствию. Предупреждаем в последний раз!» Повышается и rank допрашивающих. С Атласовым «беседуют» заместитель начальника особого отдела ГУБ ТАССР Х. Музафаров и даже начальник управления НКВД по ТАССР, комиссар государственной безопасности III ранга П. Рудь. Ни тому, ни другому также не доведется участвовать в завершающем этапе следствия — к осени 1937 года они сами будут фигурировать в списке «разоблаченных врагов народа». Но пока еще идет осень 1936, и Рудь призывает Атласова «разоружиться».

В какие-то моменты подследственный начинает признавать отдельные свои действия, которые могут быть расценены как контрреволюционные. Но если дойдет до суда, при всей его покладистости, факты эти будут выглядеть слишком уж легковесно.

Так, 26 ноября Атласов подтверждает, что «на уроках географии подчеркнуто излагал преимущества союзных республик и отмечал отсутствие таковых в Татарии, из-за того, что она всего-навсего автономная». Через три дня он, наконец, признает, что в 1927 году получил письмо из Германии от Г. Идриси, в котором тот писал, что работники советских загранучреждений ведут роскошную жизнь буржуев. Можно, конечно, квалифицировать это как клевету на советских работников. Но Идриси — фигура сомнительная, невозвращенец, да и как его достанешь. К тому же подследственный с содержанием письма никого не знакомил.

Правда, есть показания свидетелей, охотно рассказывающих о контрреволюционных разговорах Атласова. Принимают это люди, знавшие его близко — родственники, знакомые, ученики. Один из них, обратившийся в органы с письмом о желании «показать, как честный советский человек, на врага Атласова», заявил, что тот давал ему задания выяснить объем продукции порохового завода и получить данные об экономике... Узбекистана. Подследственный, однако, резонно заметил по этому поводу, что доносчик не имел никакого отношения к пороховому заводу.

Что же касается Узбекистана, то действительно спрашивал у него, как у экономиста, некоторые данные для использования на уроках экономической географии. Но цифры тот брал из открытой печати.

Не нашли подтверждения сведения о том, что Атласов дурно отзывался о Сталине. Однако Хади Мифтахутдиновичу пришлось подтвердить рассказанный им, кажется, в Уфе анекдот. Суть его такова. Жестокий царь приказал художнику в течение суток изобразить на стене все свое многолетнее царствование и благоденствие подданных. Плата за срыв ответственного задания была известна — гролова! Наутро художник, пригласив царя и всех его приближенных, показал им белую стену, сказал, что это и есть картина, прокомментировал ее отдельные сюжеты, доба-

вив при этом, что изображение увидят только очень умные, талантливые и, главное, преданные государю люди. Успех картины был грандиозен. Царю тоже пришлось согласиться с тем, что художник успешно выполнил задание и заслуживает награды.

Вот, собственно, и все. Но следствие располагало сведениями о том, что Атласов, рассказав его, якобы добился, что успехи Советской власти в сельском хозяйстве весьма похожи на подобную картину. Так ли было на самом деле — неизвестно. Атласов заявил, что данный анекдот не что иное, как «бродячий литературный сюжет», известный еще с античности и никакого отношения к колхозному строю не имеющий. Следователи не стали втягиваться в «литературоведческий» спор, и этот анекдот в окончательном списке обвинений не фигурировал.

В конце 1936 года следствие, очевидно, пришло к выводу о бесперспективности повышения ранга будущего процесса до общесоюзного. О причинах этого можно только догадываться. Но ясно, что сыграла роль и весьма скудная информация, которую удалось извлечь из Атласова. Кроме того, поджимало время. Хотя и парадоксальная, но особенность той поры беззакония: по ряду процессуальных норм требовалось неукоснительное соблюдение НКВД ТАССР несколько раз обращался в прокуратуру НКВД СССР с просьбой продлить срок следствия и содержания Атласова под стражей. Разрешения давались, но с каждым разом напоминания о затягивании дела становились более настойчивыми.

И вот с декабря 1936 года по март 1937 года проводятся аресты ряда бугульминских учителей и бывших духовных лиц. Всем им было суждено стать «членами атласовской контрреволюционной организации». В основном это были уроженцы Бугульмы, Альметьевска, близлежащих к ним сел и деревень. Среди взятых под стражу оказались участники мировой и гражданской войн, родственник писателя-эмигранта Гаяза Исхакова, врач, рентгенолог

ны, счетные работники, но большинство — 14 из 23 арестованных — учителя.

Сразу же начались допросы с применением всех средств воздействия. Обвинения в общем-то были стандартные. Мильяс Идрисов и Мухамед Туктари квалифицировались как польский и немецкий шпионы только потому, что первый попал в Германию после неудачного похода на Варшаву в 1920 году, когда его 159-й полк был интернирован, а второй после конфликта с офицером. Кстати, М. Туктари вменялось в вину сотрудничество еще и с турецкой разведкой, так как он возвратился в Россию через Турцию. У Р. Яруллина сын в 1929 году нелегально перешел границу и обосновался в Турции, учился там, написал несколько писем отцу. И его по той же примитивной логике записали в турецкие шпионы.

Некоторым арестованным приписывалось активное участие в крестьянских волнениях, охвативших юго-восток Татарии в 1920 году. Однако это не нашло подтверждения. Получались и конфузы. Так, когда одна из «свидетельниц» считалась уличить бывшего муллу Бари Фаттахова в том, что он руководил мятежниками в деревне Чиршелы и принимал убивать учителей, выяснилось, что, наоборот, в той драматической ситуации, когда озлобленные люди стали избивать учителей, видя в них поборников Советской власти, особенно продрозверстки, Фаттахов спас некоторых из них, в том числе и «свидетельницу». Что она и вынуждена была подтвердить. Она дожила до наших дней. На мою просьбу рассказать детали процесса, ответила «вообще ничего не помню».

Но такие конфузы мало влияли на ход следствия, которое набирало скорость. Судя по протоколам и подписям на каждой странице, все привлеченные признавали свое участие в тех или иных контрреволюционных акциях. Допросы Атласова, его очные ставки с обвиняемыми и «свидетелями» учащаются. В апреле он уже признает, что ви-

новен в восхвалении немецкой культуры (если учесть его преклонение перед Гете и Шиллером, то признание правильное). Называет себя «старым тюрко- и германофилом». Но еще отрицает контрреволюционную деятельность.

И вот совершенно необъяснимый при дефиците времени месячный перерыв. Нетрудно догадаться, чем он был заполнен. Очередной допрос 2 мая 1937 года ведет наркомвнудел ТАССР Рудь. И здесь Атласов заявляет, что «решил признать вину частично». Он подтверждает, что создал контрреволюционную националистическую организацию, называет фамилии 21 ее участника. На вопрос руководителя отвечает: «Я и только я!»

Далее следует полное и безоговорочное признание в том, что он, старый националист, убежденный пантюркист султангалиевец, хотел объединить всех тюрко-татар в самостоятельное буржуазно-демократическое государство. Затем еще на нескольких допросах он признает, что имел контрреволюционные связи с иностранными государствами, создавал повстанческую организацию, руководил ею, передавал шпионские сведения иностранным государствам.

Столь же «откровенными» были и признания многих других на предварительном следствии. Так, Х. Надиروف заявил, что он готовил в 1928 году восстание в Бугульме, которое должно было начаться в случае войны с Западом. Читая эти показания, невольно вспоминаешь приписываемую подручному Ежову замнаркомвнудел Л. Заковскому фразу: «Если бы в мои руки попал Маркс, он бы живьем признался в том, что был агентом Бисмарка».

Итак, к лету 1937 года сопротивление Атласова и других подсудимых было сломлено. Основные показания Атласов подтвердил 8 июля в присутствии помощника военного прокурора ПРИВО при НКВД бригаденюрриста Бондаря. Без заключения прокурора дело в суд не передано.

Строго соблюдалась и другая формальность — медицинское заключение о годности для участия на суде. В де

есть 21 такая справка. Все по форме, на месте печать и подписи: «Начальник 8 отделения УГБ Соловьев, доктор Шулутко, лекпом Сафиуллин». Вот некоторые заключения названной медкомиссии: Атласов Г. М., 1876 г.— «Невроз сердца и отсутствие равновесия». Последнее почему-то зачеркнуто. Вывод— «ограниченно годен». Яруллин Р., 1880 г.— «Отсутствие всех зубов (кроме двух верхних)». Вывод— «годен» без ограничений. Далее не стоит перечислять, все были признаны годными.

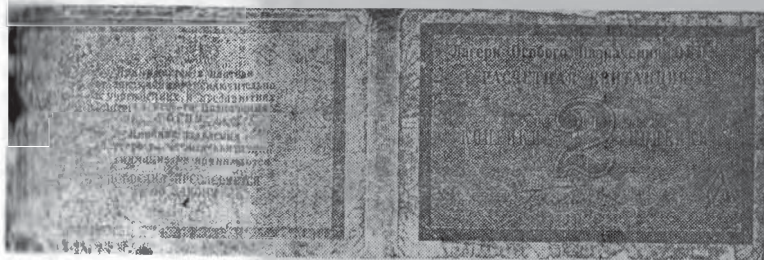
19 июля 1937 года, судя по постановлению, подписанному оперуполномоченным 3-го отдела Чурмантаевым, следственное дело по обвинению Атласова и других было направлено в Военную коллегия Верховного Суда СССР. Следователи, сменявшие друг друга, на его разных этапах (более 10 человек) теперь могли вздохнуть спокойнее. Ибо затягивание дела вызывало у руководства раздражение, а его исполнителям не хотелось попасть в немилость к новому наркому внутренних дел ТАССР Алемасову. Этот человек, судя по отзывам, беспощадно требовательный и жесткий, всего за несколько месяцев работы в центральном аппарате НКВД СССР заслужил боевой орден Красной Звезды. В августе 1937 года на пленуме обкома ВКП(б) посланец Сталина, член Оргбюро ЦК Г. Маленков заявил: «Только с приходом в НКВД ТАССР тов. Алемасова началась настоящая борьба с врагами народа в Татарии».

А теперь дело зачислено за Военной коллегией и можно усилить борьбу с врагами по другим направлениям. На подходе еще одно крупное дело — о вредительстве в Наркомземе ТАССР, десятки других. Так приблизительно могли рассуждать работники следственного аппарата. Некоторые из них не знали, что вскоре им придется на себе испытать всю мощь жерновов репрессий. Алемасов имел полномочия чрезвычайные... В конце 1937 года будут арестованы около 15 работников НКВД Татарии. Правда, большинство уцелеет.

Военная коллегия Верховного суда СССР была перегружена, и очередь до рассмотрения дела № 2242 дошла только в сентябре. Позднее был найден выход — выездные сессии ВК, в скоростном темпе рассматривавшие дела на местах. Такая вот выездная сессия в мае 1938 года унесет десятки жизней и в Татарии. Но вернемся к 11 сентября 1937 года, когда Военная коллегия в составе: председателя — диввоенюриста Камерона; членов — бригадного юриста Рутмана, военюриста 1 ранга Кандыбина (в начале 30-х он был начальником ОГПУ в Татарии) с участием военного прокурора военюриста 1 ранга Ульянова приняла к рассмотрению дело Атласова. Обвинительное заключение было утверждено Главным военным прокурором РККА корпусным военюристом Розовским. И опять задержка! На заседании 28 сентября принимается новое решение: передоверить слушание дела в судебном заседании военного трибунала ПРИВО под личным председательством председателя трибунала. Таким образом, судьба Атласова и других должна была решаться непосредственно в Казани.

Заседание Военного трибунала ПРИВО проходило за закрытыми дверями в клубе Менжинского с 23 по 28 октября. Как и определено было выше, вел процесс бригадный военюрист Микляев, члены суда военюрист 1 ранга Тулин и военюрист Кутушев. Переводчиком был назначен секретарь Бауманского райкома ВКП(б) Улунбеков. В качестве свидетелей выступали 16 человек. Все они горячо уличали подсудимых в преступлениях, которые были названы в обвинительном заключении.

А обвинения были, даже в рамках 58-й статьи, самые серьезные: подготовка вооруженного восстания, шпионаж, пропаганда и призывы к свержению советского строя. Конкретно это звучало так. Подсудимые создали контрреволюционную националистическую повстанческую шпионскую организацию, ставившую задачу свержения Советской власти и создания тюрко-татарского государства на буржуазной основе. Руководителем был назван Х. Атласов.

«Соловецкие деньги» для заключенных.

Кроме общих обвинений, некоторым подсудимым были предъявлены конкретные: Б. Фаттахову — в создании групп по переходу границы, С. Уразманову и И. Идрисову — в том, что они агенты иностранных разведок, С. Харишину — что был связником между иностранными агентами и Атласовым.

Практически все подсудимые, полностью или частично, оказались на суде от ранее данных показаний. Восемь из них прямо заявили, что оговорили себя и других «под воздействием следователя». То же самое они повторили, произнося последнее слово. Атласов, конечно, понимал, что от его выступления ничего уже не зависит, да и приговор, скорее всего, написан заранее. Поэтому его последнее слово обращено не к суду, не к «свидетелям», среди которых он увидел и тех, кто учился у него и льстиво приносил в свое время ум и знания наставника. Оно, очевидно, обращено к нам. Как человек мудрый, философ по складу мышления, Хади Мифтахутдинович верил, что время поможет раскрыть всю правду. Неизвестно когда, но обязательно раскроет.

Он говорил, что никогда не был ни шпионом, ни террористом. Как сторонник эволюционного учения, он верил в будущее торжество добра. Государство, о котором он считал, не должно было быть узконациональным... Впро-

чем, зал все это не интересовало. Все уже устали. В конце Атласов произнес: «Я человек бывший, а не настоящий. Что он имел в виду? Может быть, то, что дни его уже со тены? О смягчении наказания он не просил.

В протоколе заседания отмечено, что приговор оглашен 28 октября 1937 года в 18 часов 30 минут. Час тригической развязки судьбы пробил для 24 человек. Девя из них — Х. М. Атласов, Р. Я. Яруллин, К. К. Туйкин, Б. Ф. Фаттахов, Ф. К. Туйкин, Г. А. Алтынбаев, К. Л. И хаков, С. Ш. Уразманов, З. Б. Фаттахов — приговорены к расстрелу, остальные — к длительным срокам заключения. Все приговоренные к расстрелу были переведены в тюрьму № 1, а остальные распределены по этапам. Вернут после 1953 года лишь немногие из них.

Для Атласова и восьми его товарищей жизнь длила еще почти три с половиной месяца. Если можно назва жизнью ежедневное ожидание вызова «без вещей». Хо надежда еще теплилась. На справедливость верховно власти, на Вышинского, Ежова, Калинина, наконец, Ста на. По этим адресам шли кассационные жалобы, письма матерей, жен, детей...

Дальше предоставим слово документам, ибо мы нич го больше не знаем о том, что происходило в камерах, чем говорили приговоренные в свой последний час. 11 февраля 1938 года в Казань приходит телеграмма, гласяща что Военная коллегия ВС СССР оставила без последств кассационную жалобу (перечислены все девять фамилии). Подписали — Камерон, Лернер, Миляновский. В тот же де в НКВД ТАССР поступает отношение помощника военн прокурора ПРИВО по Татарии военюриста 1 ранга Верещ гина о том, что приговор от 28.10.37. оставлен в силе и просит его «привести немедленно в исполнение» в отнош нии перечисленных осужденных.

Но в тот же день не получилось... Много работы...

Странное чувство испытываешь, когда видишь эту б магу — шероховатую, на которой обычно пишут требов

ния о выписке чего-нибудь для хозяйственных нужд. Да и
начать на ней треугольная, и в центре ее не герб, а про-
писанная надпись «АХО комендатуры НКВД». Читаю: Акт.
1938 г. февраля 15 дня г. Казань. Мы, нижеподписавшие-
ся, составили настоящий акт в том, что, согласно при-
говору Военного трибунала ПРИВО, в отношении осуж-
денных к расстрелу (идут известные нам фамилии) — сего
дня приговор привели в исполнение. И подписи.

Двадцать лет спустя, 27 мая 1958 года, Военная кол-
легия Верховного Суда СССР вновь подробно рассмотрела
многотомное дело № 2242. Этому предшествовало почти
юридическое изучение всех обстоятельств его возникновения.
Давали показания и немногие выжившие осужденные по
делу, и свидетели. Некоторые из них (не стану по понят-
ным причинам называть фамилии) заявляли, что следова-
тели заставляли их угрозами давать показания против Ат-
ласова, другие просто отказались от тогдашних показаний,
не вдаваясь в разъяснения. Тогда, дескать, говорили одно,
сейчас подтверждать это не желаем...

При проверке компетентные органы не подтвердили и
связь репрессированных с «иноагентурой». Бывшие осуж-
денные сдержанно, страх уже вошел почти в гены, рас-
сказали о пытках и избиениях. Военная коллегия после
изучения всех обстоятельств вынесла решение прекратить
судебное дело по обвинению Атласова и всех других «за
отсутствием состава преступления». Так начался путь воз-
вращения имени Хади Атласова в общественное сознание
и в память народа. Путь долгий и непростой.

В этом разделе книги представлен ряд документов и писем. Сколько из них представлены читателю после 70 лет забвения, большинство впервые увидели свет после многолетнего пребывания в секретных фондах архивов. В будущем, очевидно, появятся более полные сборники, включающие все вышедшее из-под пера этого политического деятеля, обладавшего даром публициста и художественного видения мира, и сохранившие свою историческую и эстетическую значимость. Первой попыткой такого рода стала книга «М. Х. Султан-Галиев. Статьи», изданная в Оксфорде в 1984 году. В нее включены пять статей, опубликованные в газете Наркомнаца «Жизнь национальностей» в 1919—1920 годах. Впереди значительная исследовательская работа по выявлению и оценке всего написанного и опубликованного М. Султан-Галиевым. Если политические статьи публиковались им в основном в «Жизни национальностей» и нескольких специально хорошо изученных центральных и региональных газетах, литературные и педагогические произведения разбросаны в десятках изданий Москвы, Петербурга, Уфы, Баку, Казани, Оренбурга, многие из них печатались под псевдонимами. Нам еще предстоит неожиданные открытия, серьезно расширяющие наше представление об этом талантливом человеке.

Известно, что литературные опыты Султан-Галиева начались переводов на татарский язык произведений Пушкина, Толстого, писателей-народников еще во время пребывания в Казанской учительской школе. В 1910—1916 годах он сотрудничает в ряде газет Петербурга, Москвы, Казани, Уфы и Баку, помещая в них весьма острые материалы о положении учительства в земских школах, примечательных событиях культурной жизни, делится опытом педагогической работы в национальных классах. Одновременно довольно успешно публикует с собственными произведениями. Он пишет на русском языке «белым стихом», а точнее ритмизированной прозой, стихи волнующих общество проблемах нравственности и социальной справедливости. В них явственно проглядывает знакомство с творчеством Уитмена, Верхарна... Стихи на вечную и нестареющую тему любви посвящаются им «голубоглазой Рау», дальней родственнице, ставшей затем его женой Раузе Чанышевой. К тому же времени относится попытка создания приключенческой повести «Месть араба». Известно, что после политического «остракизма», которому он был подвергнут в 1923 году, Султан-Галиев попытался стать на путь литератора-профессионала. Гослитиздатом ему было поручено составление анто-

татарской литературы и предисловия к ней, заказывались статьи о творчестве отдельных писателей. Он приступил также к роману «Защита старости». Судя по некоторым сведениям, он был задуман как большое полотно о судьбе поколения татарских интеллигентов. Можно судить, насколько он преуспел бы на этой стезе. Но можно сказать одно, что по интеллектуальному уровню и образности мышления он превосходил некоторых своих современников и сверстников, ставших впоследствии преуспевающими литераторами.

По указанию «откуда следует» на печатание его работ и даже привлечение к литературной деятельности в качестве редактора был наложен запрет. Правда, Сталин во время личной беседы обещал ему гарантировать публикацию покаянного письма в центральной прессе, после чего, очевидно, такой запрет был бы снят. Известно, что Султан-Галиев готовил для «Правды» такой материал. Но по ряду причин публичное политическое покаяние, на которое был так богат тот период, не состоялось. На некоторые из них проливают свет показания, данные им в 1929 году.

Впервые публикуются выступления, заявления, показания и другие материалы, относившиеся к разряду «совершенно секретных». Они раскрывают неизвестную до сих пор сторону жизни политического деятеля. Крайне скудные сведения о письмах и показаниях, которые просачивались в печать в конце 20—начале 30-х годов, носили сугубо разоблачительный характер и были не объективны. Особый интерес представляют фрагменты из его знаменитого письма-повеи «Кто я?», написанного Сталину и Троцкому из Лубянской тюрьмы между 7 и 16 мая 1923 года. В них дана яркая картина политической подоплеки событий, происходивших за кулисами решения национального вопроса. Смелая политическая характеристика выдающегося государственного деятеля А. З. Валидова, известного Султан-Галиеву еще по годам учебы в Казани, приоткрывает некоторые тайны политического кризиса, разразившегося в республике летом 1920 года. Весьма интересны два письма к Ленину. В первом из них внешне почтительными фразами явственно проскальзывает недоверие к недооценке Лениным и ЦК (так это кажется автору) проблем восточных народов. Из другого мы узнаем из первых рук о драматических эпизодах обсуждения в ЦК и на Политбюро в присутствии Ленина вопроса о судьбе Татаро-Башкирской республики. Оба письма были прочитаны Лениным, им сделаны на них пометки.

В письме на имя Шкирятова о восстановлении в партии, написанном Султан-Галиевым после обнадеживающей встречи со Сталиным в 1924 году, хорошо видно психологическое состояние человека, много раз убеждающегося в своей политической правоте, верящего в справедливость и строящего планы на будущее в рядах партии. Он

еще не знал тогда о резолюции генсека, предпрешившей судьбу заявления.

Выступления на фракции X съезда Советов РСФСР в конце декабря 1922 года и национальной секции XII съезда РКП(б) 25 апреля 1923 года помогут читателю понять причину не только политическую неприемлемости в то время взглядов Султан-Галиева, но и личной неприязни к нему Сталина. В фрагменты стенограммы заседания фракции включены также выступления К. Мухтарова и С. Саид-Галиева представляющие различные подходы к созданию многонационального государства.

Ряд документов восстанавливает весьма важные детали политической атмосферы, в которой формировался Султан-Галиев. Письмо комиссии по чистке партии о А. Енбаеве раскрывает неизвестные нам важные детали политической жизни Казани в первые месяцы после Октября. Фрагменты из протокола допроса 1929 года показывают прямое участие Сталина в решении судьбы мятежного «национала» и после исключения его из партии. У читателя сразу возникает вопрос о степени достоверности такого «жанра» творчества как письма в ЦК и показания в ОГПУ. Автор полагает, что письма и показания до 1924 года заслуживают доверия. Ошибки в оценке людей и событий, встречающиеся в них, носят характер личностный и связаны с физическим принуждением. Более сложна оценка показаний 1929—1930 годов. В решении комиссии ЦК КПСС, рассмотревшей «дело» Султан-Галиева и заключении правоохранительных и судебных органов дело квалифицируется как «сфальсифицированное органами ОГПУ». Приведены достаточно убедительные доказательства этого. Мы придерживаемся точки зрения о том, что ряду показаний Султан-Галиева, особенно тем, где речь идет о взаимоотношениях со Сталиным, можно в основном верить. Что же касается набора детективных сюжетов о связях с иностранными разведками, оказании помощи международному империализму и подготовке свержения советской власти, то они, конечно, являясь фальсификацией. По той же причине в этот раздел не включены красочные показания, данные Султан-Галиевым в 1937—1939 годах. Как они «выбивались», читатель может судить по некоторым документам этой книги (см. письмо Курникова и служебную записку Михайлова). Сам Султан-Галиев на суде Военной коллегии в январе 1940 года от своих показаний, данных им ранее в части связей с иностранными разведками и подготовкой террора, отказался, заявив, что был принужден подписать все это после семидневного «конвейера» в 1937 году. Очевидно, именно это имел в виду Михайлов, нарком НКВД Татарии в записке своему заместителю — с Султан-Галиевым «не церемониться», «взять все до капли». В целом содержание этой части книги даст читателю предварительное представление о ре-

ПИСЬМА М. СУЛТАН-ГАЛИЕВА В. И. ЛЕНИНУ

Наверное, одним из главных идеологических достижений нашего времени стоит считать возможность увидеть историю во всем ее многоцветье, в борениях страстей, без строго дозированного соотношения положительных и отрицательных персонажей. В первую очередь это относится к «лениниане». Вместо привычного благостного описания «жития вождя» мы теперь видим драматическую, достойную шекспировского пера картину последних месяцев жизни В. И. Ленина, когда жестокие удары ему наносили не только болезнь и проски классовых врагов. Ему пришлось встретиться и с непониманием, а иногда с прямым противодействием некоторых соратников. И, как это ни прискорбно, иной раз даже в форме коллективного мнения. Так это было, например, в печально известной теперь истории, когда «малочисленные члены Политбюро и Оргбюро» в секретном письме фактически скомпрометировали и рекомендовали коммунистам не принимать во внимание одну из важнейших частей ленинского «завещания» — статью «Как нам реорганизовать Рабкрин. Предложения к XII съезду партии», опубликованную в конце января 1923 года. Они квалифицировали статью как плод беспочвенных рассуждений больного и оторванного от жизни человека. Политически бестактное (и это, очевидно, еще самое мягкое определение) письмо, направленное по месту 27 января 1923 года, подписало не восемь человек, как считает Дмитрий Волкогонов в своей интереснейшей книге «Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина», а одиннадцать. Кроме названных в книге Андреева, Бухарина, Куйбышева, Молотова, Рыкова, Сталина, Томского, Троцкого, оно было подписано еще Кашиным, Каменевым и Дзержинским. Нет подписи Зиновьева — он был в отпуске.

Но наиболее сложным узлом противоречий, вокруг которого выпели политические страсти в последний год жизни В. И. Ленина, был национальный вопрос. Именно тогда, к сожалению, закладывались в нашу государственную структуру «мины» замедленного действия, которые взрываются сейчас. Ленин видел, например, пагубность создания государства, существенно ограничивающего суверенитет входящих в него народов. Отсюда и его категорическое неприятие сталинского плана «автономизации». Некоторые из этих предложений, деформирующих «генетический код» страны, Ленин тогда сумел отклонить. Но далеко не все... Реванш за свое поражение Сталин взял позднее, уже после ухода Ленина из жизни.

В этой связи нельзя не коснуться темы, которая в течение почти

семидесяти лет или замалчивалась или же представляла в искаженном виде. Речь идет о вкладе в создание национально-государственной структуры страны и выдвигании альтернативных вариантов ее отдельных компонентов, сделанном Мирсаидом Султан-Галиевым. Общеизвестно, что долгие годы эта яркая и сложная политическая фигура использовалась в качестве иллюстрации к тезису о злонамеренности «так называемом национал-уклонизме». Причем в любой работе, связанной с национально-государственным строительством в первые годы советской власти или осуществлением национальной политики, автор был должен произнести ритуальное осуждение «султангалиевщины» со ссылкой на решение по этому вопросу 4-го национального Съезда, состоявшегося в июне 1923 года. Его документы были включены в сборник «КПСС в резолюциях...» и, таким образом, приравнивались к решениям съездов, конференций и пленумов ЦК. Это было единственное послеоктябрьское совещание, возведенное в столь высокий ранг. Впрочем, название «Совещание» не должно вводить нас в заблуждение — по числу участвовавших в нем членов и кандидатов в члены ЦК РКП(б) оно было вполне правомочным пленумом ЦК. Для некоторых из пишущей братии разоблачение Султан-Галиева стало чуть ли не главной профессией. Долгие годы рядом с Султан-Галиевым на страницах книг и статей соседствовали в качестве врагов советского строя такие видные деятели, как Буду Мдивани, Файзулла Ходжаев, Турар Рыскулов, Христиан Раковский, Акмаль Ибрамов и другие оппоненты генерального секретаря на различных этапах создания союзного государства. К настоящему времени все они реабилитированы. Их деяниям воздано должное, им посвящаются монографии и романы, пьесы, их именами названы улицы и учебные заведения. Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация, когда вместо целого ряда оппонентов Сталина на страницах истории в качестве символа ошибочного подхода к национальному вопросу оставалась только одинокая фигура Султан-Галиева.

По нашим подсчетам, вопросы, непосредственно связанные разными сторонами деятельности М. Султан-Галиева, рассматривались с участием В. И. Ленина около десяти раз. Султан-Галиев неоднократно встречался с Лениным при решении ряда важнейших вопросов создания национально-государственных образований. Очевидно, авторитет Султан-Галиева как одного из самых влиятельных лидеров-коммунистов народов мусульманского Востока в глазах В. И. Ленина сформировался не сразу, этот процесс прошел ряд этапов. Поэтому определенный интерес представляют впервые публикуемые письма М. Султан-Галиева, написанные им В. И. Ленину после приезда в Москву на постоянную работу в Наркомнац и других правительственных органах.

Для понимания писем надо иметь в виду следующие обстоятельства: в становлении авторитета политического деятеля немалую роль играют и субъективные факторы, включая личные взаимоотношения, которые не всегда объяснимы партийными и классовыми принципами, личные мотивы приобретают подчас решающее значение.

Очевидно, этим можно объяснить весьма эмоциональный и в каких-то местах чрезмерно настойчивый характер писем. Но речь идет о каких-то личных проблемах. Для Султан-Галиева нет более высокого авторитета, чем В. И. Ленин, и естественно его стремление выказать свое отношение к ряду сложных, неоднозначных проблем, послушать советы вождя. В письмах нет подобострастия. Султан-Галиев считает, что Ленин недооценивал революционеров-мусульман. И Ленин был терпим к критике и не мстил за нее.

Итак, перед читателями письма М. Султан-Галиева, полученные Лениным и прочитанные им. Потом будут новые письма и встречи. Именно первые, конечно же, сыграли особую роль в формировании ленинского отношения к Султан-Галиеву. А оно было положительным. Для такого утверждения есть немало оснований. Но это — особая тема.

На письмах, хранящихся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, в фонде ленинских документов, имеются пометки, сделанные рукой В. И. Ленина.

Дорогой Владимир Ильич!

Я — один из главных инициаторов и активных борцов с мусульманскими буржуазно-соглашательскими организациями в Советской России. Ликвидация Всероссийского Мусульманского Военного совета, Всероссийского мусульманского национального Совета, национального парламента мусульман Внутренней России в момент, когда все они угрожали превратиться в активных противников большевизма, — вот моя основная заслуга перед революцией. Ликвидация этих органов произошла в процессе революционной борьбы в первый период октябрьской революции, и декреты об их упразднении были изданы лишь после совершившегося факта, когда уже восставшая против большевизма и социальной революции мусульманская мелкая и крупная буржуазия была окончательно раздавлена.

Мне и работающим вместе со мной товарищам коммунистам-татарам крайне обидно, что руководители

революционного движения мусульман Внутренней России после смерти Мулланура Вахитова не удостоиваются приёма с Вашей стороны, тогда как к Вам имеют свободный доступ мусульманские **националисты** (З. Валидов, Барактулла, Муса Бигеев и другие). Думаю, после моей записки **Вы примете и выслушаете** меня.

Я имею больше права на это, чем З. Валидовы, М. Бигеевы и другие, и даже только потому, что **Вы меня ни разу не принимали.**

Примите меня первый и последний раз: я больше ни разу не буду беспокоить Вас.

С глубоким уважением

Председатель ЦМВК, комиссар по национальным делам мусульман и член Реввоенсовета 2-й армии

М. Султан-Галиев

ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 11025; Биохроника В. И. Ленина, т. с. 474.

ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б)

т. Ленину

Фактическая поправка к тому, что говорили по **татаро-башкирской республике** ее противники — Эльцин и Исрофильбеков на совещании Политбюро ЦК РКП(б) 13-го декабря с. г.

Т. Эльцин указывал, что, во-1-х, будто бы башкиры **поголовно против татаро-башкирской республики.** Во-2-х, **против этой республики и чуваша с мари (черемисы).**

Это не соответствует действительности:

1. а) Башкиры Уфимской, Пермской и Самарской губерний, не вошедшие в состав Автономной Башкирии, за Татаро-Башкирскую Республику. б) Башкирская беднота Автономной Башкирии целиком за присоединение Башкирской республики к Татаро-Башкирской. в) Главная опора на которую надеялись башкирские и работающие вместе с ними татарские националисты в своем стремлении не до

пустить слияния Автономной Башкирии с Татаро-Башкирской Республикой, а именно Башкирская дивизия и Башкирская бригада на Петроградском фронте уже вынесли резолюцию о полном своем сочувствии всем резолюциям Съезда Коммунистов Востока и полной поддержке нового состава Цебюро Комвостока.

2. Чуваши и мари (черемисы) и крещенные татары, в лице их ответственных партийных работников, стоят за Татаро-Башкирскую Республику. В Цебюро имеются официальные данные, подтверждающие это обстоятельство.

Т, Исрафилбеков (случайный эмигрант из Кавказа и никакого отношения к татаро-башкирскому вопросу не имеет) указывал, что будто бы:

1. Вопрос о Татаро-Башкирской Республике на съезде Комвостока прошел потому, что докладчики пугали, что если вопрос этот разрешится отрицательно, то татаро-башкирские части покинут фронт.

2. Большинство съезда состояло из бывших левых эсеров и молодых коммунистов.

3. Одним из докладчиков по татаро-башкирскому вопросу был бывший левый эсер.

4. Все воздержавшиеся при голосовании татаро-башкирского вопроса были против татаро-башкирской республики.

Все это ложь и клевета.

1. Никаких запугиваний «уводом» татаро-башкирских частей с фронта не было. Напротив, даже представители Центральной мусульманской военной коллегии определенно заявили, что зафиксировано в стенограмме, что они запретили вести какую бы то ни было агитацию в армиях по татаро-башкирскому вопросу, выставив лозунг: «бить белогвардейцев до полной победы над ними».

2. Бывшие левые эсеры из татаро-башкир ни в коем случае не могли попасть на съезд по той простой причине, что ЦК РКП(б) был установлен для участников съезда стаж до 1919 года, что лишало их применять массовое

участие на съезде, так как татаро-башкирская лево-эсеровская организация перешла в партию коммунистов только в феврале — марте нынешнего года. Из бывших левых эсеров участвовало лишь 3—4 человека, но не больше, и то никакой «активности» не проявляли.

3. Докладчиками по татаро-башкирскому вопросу выступили: Султан-Галиев, Бурундуков и Саид-Галиев. Никто из них никогда в партии левых эсеров не состоял, причем гг. Султан-Галиев и Саид-Галиев состояли в РКП(б) до Октябрьской революции.

4. Воздержались 14 человек. Из них член партии «Гуммет» Эфендиев на съезде защищал идею Татаро-Башкирской Советской Республики. Большинство воздержавшихся представителей башкирских частей заявили, что они за татаро-башкирскую республику, но воздерживаются только потому, что представители Малой Башкирии решили в этом вопросе воздержаться¹.

Председатель съезда и вр. председатель Центробюро Коммун. организац. нарвостока: **М. Султан-Галиев.**

ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 12040; Биохроника В. И. Ленина, т. 8, с. 117.

КОММЕНТАРИЙ К НИЖЕСЛЕДУЮЩЕМУ

По установившейся традиции, после революции на всех съездах Советов и общественных организаций создавались «коммунистические фракции», которые вскоре в официальных документах стали именоваться просто «фракция». В них автоматически входили все члены партии, избранные делегатами съезда, конференции или совещания. На заседаниях этих фракций обсуждались и фактически намечались будущие решения выборного органа. Как правило, ход обсуждения и постановления фракции не афишировались и нередко засекречивались.

¹ Политические оценки, данные в письмах общественным деятелям и организациям, следует воспринимать в контексте политической атмосферы в годы гражданской войны и личной точки зрения автора.

Драматически проходило заседание коммунистической фракции Всероссийского съезда Советов, где участвовали представители всех республик, которым предстояло через несколько дней подписать союзный договор об образовании СССР. В ходе бурного обсуждения высказывались обоснованные опасения по поводу того, что этот договор весьма неопределен, содержит формулировки, допускающие различные толкования и умаляющие самостоятельность республик. Обсуждались предложения о переносе акта его подписания на несколько месяцев. Заседание фракции вел М. И. Калинин. По национальному вопросу выступили И. Сталин, Л. Троцкий, В. Затонский, И. Хир-Алиев, К. Мухтаров, М. Султан-Галиев, С. Саид-Галиев, М. Лисский, В. Блакитный и другие. Резкие разногласия вызвал вопрос об учредителях Союза. Так, Председатель ЦИК Туркестана заявил, что все республики РСФСР должны стать равноправными участниками Союзного договора. О позиции представителей Татарии читатель может судить из приведенных ниже документов. Выступивший в конце заседания И. Сталин отверг все критические замечания. Особо остро обрушился он на выступление Султан-Галиева, Мухтарова, Хир-Алиева и Затонского, обвинив их в сепаратизме и непонимании национальной политики. Публичное заявление Султан-Галиева о том, что план Сталина делит национальности «на пасынков и настоящих сыновей», вызвавшее одобрительную реакцию многих присутствовавших, видимо, особенно задело генсека. Он заявил: «Первое, против чего я должен выступить решительным голосом, это заявление Султан-Галиева... Я считаю это клеветой на нашу партию». Если вспомнить, что только недавно Ленин в конфиденциальных, но ставших уже многим известными, письмах резко осудил торопливость Сталина в национальных вопросах и его план «автономизации», означавший дальнейшее умаление прав республик, становится понятной столь болезненная реакция вождя на выступление Султан-Галиева. В нем уже слышатся отзвуки будущих политических «громов и молний», которые он обрушит на инакомыслящих самого высокого ранга, включая членов Политбюро. Пока же речь шла о человеке, не занимавшем столь высокий пост, даже не члене ЦК. Впрочем, нельзя было сбрасывать со счетов то, что Султан-Галиев являлся Председателем Федземкома — учреждения ВЦИК, которое решало самые болезненные вопросы о землепользовании в республиках, рассматривало конфликты между центром и местными правительственными органами. К тому же Султан-Галиев был членом коллегии Наркомнаца, точнее ее узкого состава из пяти человек, включая наркома, и, следовательно, владел многими «тайнами» национальной политики. И когда такой человек бросил обвинение Сталину в делении народов на различные сорта, заведомо обрекающее некоторые из них на неравное положение, то генсек вправе был рассматривать Султан-Галиева как

личного врага, подрывающего его репутацию в той области, где считался самым большим, после Ленина, авторитетом.

Предлагаемый читателю документ публикуется впервые. И. И. Лин, готовя к изданию свои сочинения, не включил в них выступления на фракции 26 декабря 1922 года. Хотя в этих томах собраны весьма малозначительные материалы — приветствия, поздравительные телеграммы. Он понимал, что это его выступление не будет способствовать созданию образа «отца народов» и «лучшего друга всех наций».

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ФРАКЦИИ РКП X ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ ЗАСЕДАНИЕ 26 ДЕКАБРЯ 1922 ГОДА

Султан-Галиев. Товарищи, вопрос, который выдвигается сейчас к нашей партии о необходимости создания Союзного ЦИКа и СНК, иначе говоря, о ликвидации независимых и договорных республик, поднят своевременно. Представители автономных республик и областей, считая, что пора кончить игру в эту независимку, но, товарищи, надо все-таки определить те организационные формы, которые должны вылиться из работы бывших независимых республик в Союзе с Российской Федерацией. В этом вопросе можно идти двумя путями. Первый путь, который определяется докладом тов. Сталина, — именно создание союзного ЦИКа и СНК. Второй путь, который, на нашему мнению, являлся бы более правильным, это простое влияние или слияния независимых республик с Российской Федерацией. Мы находим, что форма слияния независимых республик с Российской Федерацией, которая выставляется в докладе тов. Сталина, создает * только лишнюю проволочку, лишнюю инстанцию. Получается так — допустим, независимый Азербайджан или бывшая независимая Грузия должны при разрешении того или иного вопроса проходить целых три инстанции — ЦИК Азербай-

* В тексте — «создать».

на, ЦИК Закавказской Федерации и союзный ЦИК. То самое в отношении автономных республик, входящих в состав Российской Федерации. Допустим, тот или иной вопрос, который будет выдвигаться в Туркестанской республике, этот вопрос должен проходить через ЦИК Туркестана, дальше идти во ВЦИК или СНК РСФСР и потом этот вопрос должен будет пройти ЦИК союзного Совета и союзного СНК. Для нас является неясным один вопрос участия в союзном ЦИКе и союзном СНК автономных республик. Например, мы можем задать вопрос относительно участия в этом деле таких крупных единиц, как Туркестан и Кир(гизская) республика. Чем, скажите пожалуйста, отличаются Туркестанская Советская Республика от Грузинской Республики. Отличается тем, что там в несколько раз больше населения, территория в несколько раз больше, чем территория Грузинской Республики, и кроме того, по своему стратегическому и политическому положению Туркестан занимает в отношении «независимости», я беру в кавычках это слово, которая могла бы быть предоставлена Туркестану, гораздо более выгодное, положение, чем Грузия. Вот ввиду этих двух положений, с одной стороны, того положения, что при создании союзного ЦИК, а создается совершенно ненужный лишний орган, а с другой стороны, разделение национальности советских республик на национальности, которые имеют право вхождения в союзный ЦИК, и на национальности, которые не имеют этого права, разделение на пасынков и на настоящих сыночек. Это положение, безусловно, по нашему мнению, является ненормальным и потому, вполне присоединяясь к мысли о необходимости упразднения независимости Азербайджана, Грузии и т. д. и других, значит, независимых республик, которые входят в этот Союз, одновременно с этим мы высказываем пожелание, чтобы эти республики входили, как равноправные члены общей федерации в общую Российскую Федерацию, без создания каких-либо союзных ЦИК и союзных СНК. Это только игра, и от этой

игры, по нашему мнению, пора отказываться. (Аплодисменты)

Калинин. Товарищ Мухтаров слово имеет.

Мухтаров. Товарищи, если т. Сталин говорил, что исторически сложившимся является то, что народности бывшей Российской империи должны обязательно делить труд между собой и экономическая зависимость одной от другой, исторически сложившаяся, имеется, то рассуждая дальше, мы можем сказать, что в условиях капиталистического окружения советская и социалистическая ни одна республика не могла бы самостоятельно отдельно и независимо существовать. Поэтому сейчас я думаю и не ставлю вопроса о том, чтобы создать союз: этот союз был, фактически существовал. Речь идет о другом, о конкретизации, об уточнении соответствующих взаимоотношений. Когда речь ставится в такой плоскости, мы должны будем задать себе вопрос, почему для решения национального самоопределения в тот или другой период революции для той или другой национальности принимались различные друг от друга, несколько разнившиеся организационные формы. Когда этот вопрос зададим, тогда на примерах придется установить положение: Азербайджан, Туркестан — одна независимая, другая автономная. И целый ряд таких сочетаний можно было бы и приходится говорить, что вызываемое революционностью целесообразной разностью * того или другого момента наше решение, решение нашей партии в настоящий момент при уточнении при конкретизации соответствующих взаимоотношений очевидно, должно быть несколько проанализировано и рассмотрено. Очевидно, нужно было установить какую-то норму, от которой исходя можно было решать и организационные формы соответствующего национального самоопределения.

Когда вопрос ставится в эту плоскость, невольно зада-

* Так в документе.

ется вопрос, почему федерируют сейчас четыре единицы: РСФСР, Украинская ССР, Закавказские федерации * и БССР. Тут, по-моему, если мы не хотим лозунга самоопределения и самостоятельности превратить просто в национальную автономию, мы должны будем сказать о необходимости непосредственного, не через какую-нибудь инстанцию, а прямого участия национальных единиц самоопределившихся в автономные национальные республики, автономные области непосредственно в СССР, в Союз Советских Социалистических Республик. Поскольку это обстоятельство будет выставлено, мне кажется, что тогда не придется нам ни в один из периодов следующей нашей работы выставлять все-таки вопрос о правильном федерировании из автономного строительства Советской Республики.

ЦПА ИМЛ, ф. 94, оп. 2, д. 10, л. 71—131.

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ М. СУЛТАН-ГАЛИЕВА ПО ПОВОДУ ОБВИНЕНИЙ А. ЕНБАЕВА В «СОГЛАШАТЕЛЬСКОМ» ПОВЕДЕНИИ ВО ВРЕМЯ ЛИКВИДАЦИИ «ЗАБУЛАЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Мне случайно стало известно, что на члена РКП(б) тов. Ариф Енбаева, состоящего в настоящее время Представителем Наркомнаца Татарской Республики, сделан отвод с обвинением его в выступлении против Советской власти в прошлом.

И так как я знаю тов. Енбаева как по Казани, так и по Москве, то считаю своим долгом дать имеющиеся о нем сведения в целях установления объективности суждения о нем Комиссии по очистке...

«Участие» тов. Енбаева в истории «Забулачной республики» произошло в следующей обстановке...

Военный съезд вместо всей левой фракции (30—40 человек) покинули всего 4—5 человек (тт. Саид-Галиев,

* Так в документе.

Касимов, Галиев, Юмагулов и Садык Ахтямов), тогда, когда лишь накануне на состоявшемся в мус. соц. комитете съезде решено было покинуть съезд всем. Там же остался тогда и тов. Енбаев. Помимо него там же остались из довольно крупных мусульманских работников: т. Камил Якубов (состоял тогда членом с.-д. рабочей партии большевиков, впоследствии, как и т. Енбаев, втянулся в работу и на первом Всероссийском съезде коммунистов мусульман был избран членом мусульманских коммунистических организаций при ЦК РКП и членом Центрально-Мусульманской Военколлегии; трагически погиб при восстании татарского запасного батальона в Казани в 19 году), т. Минниев (фронтовой работник, скончался в 18 году), Сулейман Султан-Галиев (сочувствовал большевикам, состоя одним из секретарей «Харби Шуро», предупреждал нас о секретных решениях последнего) и из левых эсеров — Нигамтулла Еникеев (впоследствии вступил в Коммунистическую партию и проявил себя как преданный работник и истинный революционер, находясь во главе Политотдела первой Отдельной татарской бригады в Туркестане), Салах Атнагулов (в настоящее время занимает ответственный пост в Татарском профсоюзе, а в Коммунистическую партию вступил почти в одно время с Енбаевым).

Но выступление, хотя и неудачное, было уже сделано, поправить его мы не могли и нам ничего не оставалось, как развить его дальше. Был создан Мусульманский Комиссариат, и накануне объявления Урало-Волжского штата нами был арестован Президиум Мусульманского военного съезда. В ответ на наш шаг татарское население ответило стихийным восстанием. Восстала и значительная часть татарских солдат (главная опора, на которую мы рассчитывали), общее количество которых в Казани доходило до 20 тысяч. И мы встали перед фактом кровавого столкновения с татарским населением при неравных с нашей стороны силах: в нашем распоряжении имелась лишь артиллерия, прикрытая пехотой, состоящей не более как из

300—400 человек; а красногвардейцы с заводов оказались не на высоте своего положения, — помню факт, когда в самую критическую минуту на наше требование из Крестовниковского завода высылки 300 человек вооруженных красногвардейцев в наше распоряжение явилось всего лишь 7 человек невооруженных рабочих.

Атмосфера среди татар была сгущена и участием на нашей стороне ваисовцев, крайних мусульманских сектантов, которые, как потом выяснилось, стремились использовать нашу борьбу в целях захвата власти в свои руки. Это лишь озлобляло мусульман, пробуждая у них религиозно-национальный фанатизм (глава ваисовцев был убит восставшими). При неопределенности положения Мусульманского съезда восставшее татарское население рисковало попасть в руки белогвардейцев.

Даже простой учет реальных сил говорил за то, что нам без соглашения, хотя бы временного, нельзя обойтись. Это обстоятельство было быстро учтено всеми более или менее дальновидными работниками, как с той, так и с другой стороны. Между прочим, подавляющее большинство членов мусульманского соц. комитета (Шахит Ахмадиев, бывш. максималист, занимал тогда должность комиссара Печати, а в настоящее время работает в Туркестане; Мухутдинов Хатып и целый ряд других работников) встали на ту же точку зрения. Из членов Революционного Штаба я, Гинзбург, Милх и покойный Якубов также стояли за соглашение. Против соглашения был лишь один тов. Грасис и, кажется, если не ошибаюсь, тов. Шейнкман. Т. Саид-Галиев занимал, насколько мне помнится, неопределенное положение.

Со стороны Мусульманского военного съезда участвовало несколько человек и в их числе тов. Енбаев. Мы с ними вели переговоры не как с представителями повстанцев, а как с представителями Военного съезда, авторитет которого мы могли использовать против восставших татар. И у меня тогда же осталось впечатление, что пред-

ставители Мусульманского военного съезда искренно желают мирного разрешения вопроса. Лично тов. Енбаев занимал положение нейтрального человека, скорее сочувствовавшего нам, чем тем, кого он представлял. Лишь благодаря его влиянию на остальных представителей съезда нам удалось достигнуть соглашения, которое гарантировало нам более или менее прочное положение (ликвидация Харби Шуро, роспуск съезда, передача татарских частей мус. Комис., отказ от самочинного объявления Урал-Волжского штата и т. д.).

Развитие дальнейших событий в «Забулачной Республике» произошло без участия и помимо тов. Енбаева. Он находился там лишь в первые дни и его роль сводилась к борьбе с реакционными (Апанаевы, полковник Якубовский, капитан Биглов и т. д.) и другими крайними элементами татарских работников (Джангир Алкин, Музафаров, Токумбетов и друг.), которые выражали недовольство «предательским» соглашением и могли толкнуть татар на вооруженное столкновение с нами. Почва для последнего имелась...

Резюмируя все вышеизложенное, я делаю следующий вывод: тов. Енбаев никакой реакционной роли в истории «Забулачной Республики» не играл, как при ее возникновении, так и в первый период ее развития (во второй период, охватывающий собой целый месяц времени, когда «Забулачная республика» выступила действительно как контрреволюционная сила, там его совершенно не было). Вся роль его в это время сводилась лишь к стремлению уладить разгоревшихся тогда крайних страстей, как с той, так и с другой стороны. Всякий объективный следователь должен признать, что при тех условиях, в каких тогда находилась Казань (отсутствие твердых и надежных сил у нас при столкновении с татарами в конечном результате дало бы отрицательные результаты, родив контрреволюцию и надолго оттолкнув от нас татар), это было не преступлением, а заслугой перед революцией, т. к. тов. Ен-

...у тогда действительно удалось предупредить совер-
...но бессмысленное и нужное лишь для контрреволю-
...и кровопролитие.

В дальнейшем я встретился с тов. Енбаевым в работе
... Центральному мусульманскому комиссариату в гор.
...оскве. Тов. Енбаев еще в мае 19 года был включен Мос-
...ским совещанием по татаро-башкирскому вопросу в
...миссию по созыву учредительного съезда Татаро-Баш-
...рской республики и с тех пор непрерывно работал с на-
...и, занимая ряд ответственных должностей...

Лично нападки на тов. Енбаева я объясняю обостре-
...м отношений между татарскими коммунистами в свя-
...с уходом из Татарии тов. Саид-Галиева, когда группа
...идгалиевцев» стала обвинять оставшихся в Татарской
...спублике работников в «предательстве» и «соглашатель-
...е» с русскими «шовинистами» (как известно, тов. Саид-
...алиев, чувствуя свое «падение», перед последней обла-
...ной партконференцией пытался «объединить» татарских
...ммунистов, противопоставляя их русским коммунистам
...обще) и во всяком вновь появившемся в Татарии татар-
...ном работнике усматривала «сторонников Мухтарова».
...ли тов. Енбаев за свои переговоры с нами во время
...зникновения «Забулачной республики» в начале 1918 го-
...а заслуживает исключения из партии, то как историче-
...ая, так и логическая последовательность требуют исклю-
...нения и всех остальных коммунистов и левых эсеров, ко-
...рые не ушли тогда со второго мусульманского военного
...езда вместе с 5-ю отделившимися от него коммуниста-
...и, а тем более тех из них, которые принимали активное
... участие в работе «Забулачной республики»: Салаха Атна-
...лова, Фатиха Сайфи и Нигматуллу Еникеева и др. Сле-
...дя той же исторической последовательности, мы принуж-
...дены будем тогда поставить вопрос об исключении из пар-
...тии и самого тов. Саид-Галиева, т. к. им гораздо позднее,
...именно во время вооруженной ликвидации «Забулачья»
...ыл создан соглашательский татарский ревком в татарской

части города со включением туда правых реакционных элементов «Забулачья» и все санкции на то, как партийного комитета, так и Казанского Совета (Ревком этот протесту татарских коммунистов был тогда распущен Казанским Советом, как самочинно организованный).

Прошу Областную комиссию по проверке и очистке членов партии в Татарской Республике принять мое заявление ввиду сведения при разборе дела тов. А. Енбаева.

За достоверность данных мною сведений ручаюсь.

Член РКП(б) Московской организации: партбилет № 225399. (Ячейка Наркомнаца).

23/Х—1921 г.

М. Султан-Галиев

Подпись т. Султан-Галиева удостоверяю.

Вр. председатель коллегии Представительства ТССР
подпись

ЦПА ИМЛ, ф. 6, оп. 2, д. 3771, л. 1—8.

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Члена РКП М. Султан-Галиева

11-го января с. г. Оргбюро ЦК РКП по докладу тов. Куйбышева вынесло постановление обо мне, состоящее из 3-х пунктов:

1) Обвинения меня в нарушении партдисциплины (шестительное осуждение за допущенное мною якобы вступление в присутствие беспартийных с предложениями идущими вразрез с постановлениями фракции X съезда Советов по вопросу о союзном Совете),

2) Признание нецелесообразности моей работы в Коллегии Наркомнаца и 3) Поручения тов. Сталину проведение этого постановления ЦЕКА через Большую Коллегию РКП.

Не возражая против 2-го и 3-го пунктов постановления ЦК, так как оценка целесообразности или нецелесообразности нахождения того или иного лица в том или ином

дионн
пар
этот
цен
очис
лени
ось
отби
Тал
ТС
МИ
АРТ
али
ти
оящ
и
и
ия
вези
Ко
ден
РК
со
ино

ентральном учреждении и соответствующий из этой оцен-
вывод составляют исключительное право и компетенцию
ЦК, независимо от того, насколько правильна данная
ценка и данный вывод, я решительно возражаю против
этого пункта постановления ЦК, так как нахожу это реше-
ние основанным на односторонней и непроверенной ин-
формации.

Постановление это, очевидно, вызвано письмами в ЦК
Наркома тов. Бройдо. Я не знаю, о чем идет речь в
этом письме и в чем еще я в нем обвиняюсь, так как тов.
Бройдо этого письма мне не показывал, и о существовании
последнего я узнал лишь случайно. И я вынужден по-
пытаться дачей объяснения лишь по поводу моего
выступления на совещании при Наркомнаце по вопросу о
Федеральных Комитетах (делать предложения, идущие
вразрез с постановлением фракции по вопросу о союзном
Совете я мог только при обсуждении этого вопроса).

Выступление мое на означенном Совещании сводилось
следующим трем основным положениям:

а) После создания союзного ЦИКа и при существующей
(еще не измененной) конституции Наркомнаца, когда
последний является органом лишь одной из союзных частей,
было бы нецелесообразно требовать включения хотя бы
«на договорных началах» в Федеральный комитет при
Наркомнаце представителей союзных республик;

б) Также было бы нецелесообразно создание и двух
Федеральных комитетов: одного при Наркомнаце для ав-
тономных республик и другого при союзном ЦИКе для
союзных республик, так как это явилось бы излишним па-
раллелизмом;

в) включение в Федеральные комитеты при Нарком-
наце необъединенных Наркоматов союзных республик при
этих условиях требует превращения Наркомнаца из орга-
на РСФСР в союзный орган с соответствующим измене-
нием его конструкции.

Исходя из изложенного, я предлагал вопрос о Феде-

ральных комитетах разрешить в зависимости от судьбы Наркомнаца: включить в них и представителей союзных республик в случае превращения НКН в союзный орган и не включать их туда, если НКН останется только федеральным органом, работающим в масштабе РСФСР.

Но предложение мое не было поставлено на голосование, так как товарищи находили, что этот вопрос требует отдельного и самостоятельного доклада.

Занимая в этом вопросе указанную позицию, я совершенно искренне был убежден в том, что она нисколько не противоречит постановлению фракции X съезда Советов по следующим соображениям:

1) Фракция X съезда отвергла мысль о непосредственном вхождении в союзный ЦИК автономных республик при том как цельных союзных единиц. В моей же постановке вопроса предусматривается, когда я допускаю возможность преобразования Наркомнаца в общесоюзный орган, вхождение туда лишь необъединенных Наркоматов этих республик и то не непосредственно, а через ряд инстанций: через Союзкомы и союзный Наркомнац.

2) Неясность и неразрешенность вопроса. Мне было известно, что за несколько дней до этого собрания на Совещании Наркомпросов союзных и автономных республик при Наркомпросе РСФСР по вопросу о Федкомпросе, по предложению тов. Луначарского, единогласно принято решение о целесообразности создания вместо Федкомпроса союзного Комитета просвещения при союзном ЦИК с включением туда представителей как автономных, так и союзных Наркомпросов. Тов. Луначарский, тов. Ходоровский и др. ответственные руководители Наркомпроса РСФСР, а также все автономные и союзные Наркомпросы участвовали на X съезде Советов и голосовали на заседании его фракции по вопросу о союзном Совете, если только они там присутствовали, за тезисы ЦК партии. И если эти товарищи на другой или третий день после заседания фракции голосовали за участие в Союзкоме

просвещения при союзном ЦИКе и автономных республик, следовательно, они считали этот вопрос для себя неясным и неразрешенным.

Это первое. Во-вторых, на это указывает с одной стороны самый факт включения этого вопроса в повестку дня совещания при Наркомнаце (правда, повестка эта была составлена до съезда, но ведь тов. Бройдо мог изменить ее, если считал вопрос ясным и разрешенным и тем более если он видел, что на заседании присутствуют беспартийные), а с другой — факт принятия совещанием по предложению туркестанского делегата тов. Паскуцко решения, обязывающего Наркомнац «принять меры к надлежащему представлению интересов автономных республик, в случае создания при союзном ЦИКе органов, регулирующих работу необъединенных Наркоматов союзных республик» (кстати сказать, тов. Бройдо не отказался поставить на голосование это предложение и сам же голосовал за него).

Что же касается обвинения меня в несоблюдении партийной этики, выразившемся в том, что свои взгляды по этому вопросу я высказывал в присутствии беспартийных, то я считаю это недоразумением, так как за несколько дней до выяснения ЦК указанного постановления обо мне в «Известиях ВЦИК» была помещена дискуссионная статья тов. Луначарского (очевидно, вопрос не ясен и для тов. Стеклова, так как он напечатал эту статью), по вопросу о Федкомпросе, где перед всем читающим миром ставился вопрос о необходимости создания при союзном ЦИКе союзного комитета по делам просвещения со включением туда и представителей автономных республик. Полагаю, что ни тов. Луначарский, ни тов. Стеклов за это выступление свое не будут наказаны.

Чем вызвана информация тов. Бройдо о моем неэтичном поведении на совещании, я не знаю. Предполагаю лишь, что она является последствием обстоятельств личного характера, которые могли возникнуть между мной

и тов. Бройдо и о которых я могу сделать отдельный доклад, если ЦК этого потребует.

Я считаю, что, давая обо мне ту или иную информацию, тов. Бройдо, во-первых, должен был предупредить меня об этом как члена Коллегии Наркомнаца, дабы мог выставить свое объяснение перед ЦК, а во-вторых, озаботиться приведением в порядок формальных документов, которые должны были послужить материалами к моему «обвинению», т. е. протоколов Совещений при Наркомнаце с моим выступлением: протоколы же эти по сей день еще им не подписаны и я имею законное основание допускать, что они после создавшегося конфликта могут быть переделаны т. Бройдо в смысле приспособления их к сделанной им же информации в Цека.

В виду всего изложенного прошу ЦК РКП о следующем:

1) Пересмотреть свое решение обо мне от 11-го января с. г. в отношении 1-го пункта, где констатируется нарушение мною партдисциплины и выносятся резкие осуждения моего поведения.

2) Выдать мне копию письма тов. Бройдо обо мне дабы я мог знать, какие обвинения выдвигает против меня тов. Бройдо, и дать на них исчерпывающий ответ.

3) Передать конфликт, возникший между мной и тов. Бройдо на рассмотрение специальной комиссии из нейтральных товарищей или в Центральную Контрольную Комиссию.

Член РКП, партийный билет № 120822. М. Султан-Галиев
21/1—1923 г.

См.: ЦПА ИМЛ, ф. 6, оп. 2, д. 3771.

МАЛОИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА XII СЪЕЗДА ПАРТИИ

В стенографическом отчете XII съезда партии есть упоминание о работе в ходе его заседаний отдельной национальной секции. В ней, кроме делегатов съезда, участвовали специально приглашенные от

енные работники республик. На заседании Политбюро 5 апреля 1923 года был утвержден список национальной секции съезда из 10 человек, включая Султан-Галиева. Однако ход съезда и накал дискуссий на нем отпрокинул предварительные наброски. На секцию пришло более 100 человек, включая таких крупных политиков того времени, как: Луначарский, Киров, Зиновьев, Радек, Скрыпник, Микоян, Орджоникидзе и другие. 29 из них выступили. Материалы этой секции до сих пор не публиковались. Очевидно, были весьма веские причины для их исключения из стенографического отчета. Выступая на съезде с заключительным словом по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве 25 апреля 1923 года, Сталин сделал сообщение и о «работах секции по национальному вопросу». Он подчеркнул, что на ней шла серьезная борьба по вопросам о формах вхождения автономных республик в СССР, принципах формирования второй палаты (национальностей), приоритетах ориентации по национальному вопросу и по другим проблемам. Однако содержание сталинского выступления дает весьма оглаженный вариант того, что происходило на секции. Изучение протоколов секции показывает, что ряд выступавших весьма откровенно критиковал доклад и политическую позицию Сталина. Так, М. Фрунзе назвал ее неопределенной. Б. Мдивани квалифицировал Закавказскую федерацию как искусственное образование и требовал равноправия автономий. Весьма критическим было выступление Х. Раковского, явившего, что после доклада Сталина создается впечатление о том, что «бьем по тени, а не по предмету». Сталинскую позицию поддержали А. Микоян и Ш. Ибрагимов. Но наиболее резким было выступление М. Султан-Галиева. Читателю предоставляется возможность самому проанализировать его. В нем наряду с верными и конструктивными предложениями есть и такие положения, которые не были подтверждены последующей практикой. Выступление отличает стремление найти альтернативные подходы к формированию многонационального государства, наполнить понятие «автономия» суверенным содержанием. Многие из того, что содержится в выступлении М. Султан-Галиева, не потеряли актуальности и сейчас. Об остроте и накале политической атмосферы на секции можно судить и по тому, что Сталин, оправдываясь, заявил, что он «человек подневольный» и делает все по указанию ЦК. Стремясь отвести удар, он сказал также о «забывчивости» Ленина, который одобрял ранее предложения Сталина, добавив «он многое забывал в последнее время». В стенограмме впоследствии этот вывод сталинской рукой был зачеркнут. Все предложения оппонентов Сталиным были отвергнуты, в том числе и две поправки Султан-Галиева. Очевидно, это выступление стало «последней каплей», переполнившей чашу. Процесс углубления конфликта между Генеральным секретарем и председателем Федерального зе-

мельного комитета, начавшийся несколько лет тому назад и прошедший ряд этапов, достиг пика. Через десять дней, 4 мая 1923 года М. Султан-Галиев был вызван в ЦКК, где ему было объявлено об исключении из партии и аресте.

ВЫСТУПЛЕНИЕ СУЛТАН-ГАЛИЕВА НА ЗАСЕДАНИИ СЕКЦИИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

Султан-Галиев. По моему мнению, та постановка вопроса, которая предлагается тов. Сталиным, не разрешает национального вопроса, и мы принуждены будем опять возвращаться к этому вопросу, если не поставим его кардинально. Я это говорю вот почему: потому, что весь вопрос сводится к созданию двух палат. Если мы создадим эту вторую палату, то она разрешит все спорные вопросы национальной политики — это неправильно. Да, вторая палата нужна, но что означает эта вторая палата? Это означает, что в системе управления в Союзе Сов. республик нам надо установить двухпалатную систему, т. е. один орган Союза — ЦИК избирается по принципам пропорционального представительства, так как этот принцип может дать перевес одной более крупной национальности входящей в союз, то для того, чтобы не было этого перевеса, не было уклонения в сторону великодержавности, не было гнета, нужно выдвинуть вторую палату, которая будет строиться по принципу представительства на началах равенства. Этим вопрос не исчерпывается. Не исчерпывается вопрос относительно организационной неразберихи, которая на самом деле существует, на которую правильно указывал тов. Раковский, о которой говорили и другие тт. Группа товарищей выступала на X съезде Советов, указывая на то, что та форма конструкции власти общесоюзной, которая предлагалась тов. Сталиным, ЦК партии, что эта конструкция едва ли разрешит постановку национального вопроса. Мы исходили из следующего: почему образовалась организационная неразбериха в об

ласти взаимоотношений, допустим, советских органов РСФСР и органов автономных республик. Я буду говорить пока только об автономных республиках, потому что так называемые органы РСФСР возникли еще до практического осуществления нашей национальной политики, до возникновения, до образования автономных республик, автономных областей и т. д. У нас происходил процесс выделения из состава бывшей Российской империи, из состава Российской Советской Федерации. У нас федеративных единиц не было, были только губернии. Происходил процесс выделения национального государственного образования. Это означало, что выделялись маленькие государственные образования. Мы и давали ЦИК и Совнаркомы, Наркоматы и т. д. Установлена была система автономных наркоматов и не автономных, централизованных. Автономные, нецентрализованные наркоматы были числом шесть: Земледелия, Просвещения и т. д. Что же у нас получилось? В делах просвещения, в делах земледелия как будто бы эти республики автономны, как будто бы т. Луначарский не имеет права вмешиваться в дела просвещения автономных республик, но на самом деле это было так или нет? На самом деле т. Луначарский, как наркомпрос РСФСР, он называет себя русским наркомом, каковым он и является, тов. Яковенко — является наркомом Наркомзема русской части РСФСР, и Луначарский и Яковенко участвуют в обще-федеральном Совнаркоме, следовательно, принимают участие в выработке, в обсуждении и принятии тех или других декретов, которые касаются и автономии, и не только по вопросам централизованных государственных учреждений, но также и в части вопросов, касающихся нецентрализованных, не объединенных — никого больше нет. Можно ли так относиться к работе? Нельзя. Народы, которые не дошли до феодального развития, которые переживают еще родовой период, — нельзя предъявлять к ним требований настоящих коммунистов XX века. Нужно относиться к этим народам

иначе. Нужно подбирать людей, которые полностью еще не наши, но которые отражают передовые слои этого народа. Это придется сделать не потому, что они белые, — они не белые и не красные, — они просто карачаевцы и черкесы. Весь вопрос сводится к подбору работников. Мы должны автономию проводить через русских большевиков или не через большевиков, но настоящую автономию. Мы должны изменить условия нашего советского быта там, приспособить наши суды. Горец будет всегда врать, если перед ним нет Корана (хотя он и тогда врет, когда и Коран есть). Наш суд по законам Крыленко так судит, что вора оправдывает, а невинного наказывает.

Это, по-моему, совершенно нелогическое рассуждение. Если мы будем так рассуждать, до чего мы дойдем. Относительно федерации, по постановке вопроса тов. Сталиным, эту постановку поддерживают отдельные товарищи, выходит, мы, образуя союз, должны исходить из принципа необходимости сохранения существующей федерации, т. е. российской, с одной стороны, и закавказской — с другой стороны. Хорошо, будем последовательны; мы будем союз организовывать по принципу федерирования внутри отдельных национальных частей этого Союза. Почему тогда говорить, что обязательно является только Закавказская Федерация, почему не Кавказская, или почему рядом с Закавказской не Северо-Кавказская? Мы сейчас бьем грузинских уклонистов за то, что они не соглашались на образование Закавказской федерации и мы в то же время не разрешаем чеченцам и кабардинцам объединиться в одну федерацию (Голос. Они никогда этого не требовали). — Требовали. (Голос. — Нет). Ну, не требовали, так будут требовать и могут требовать. Почему в 1919 году, когда на съезде коммунистов народов Востока, правда, молодые коммунисты, выставили требование объединения Башкирии с Татарией, тогда эта республика не была образована? Я хочу сказать следующее: надо быть логичным до конца, если мы внутри Союза сов.

еспублика сохраняем принцип федерирования отдельных национальных частей этого союза, т. е. допускаем это для Закавказья, почему мы не должны допустить это в отношении других частей, допустим, Туркестана, Киргизии, Башкирии, Бухары и т. д.? Дальше я хочу несколько слов сказать по следующему поводу. Здесь говорили, что бороться с великодержавным шовинизмом, необходимо одновременно бороться с местным национализмом. Это означает, что надо бороться со всяким национализмом, потому что проявление великодержавного шовинизма есть проявление национализма более крупной национальности, прогрессирующей и наступающей. Что же такое местный национализм. Если местный национализм есть проявление борьбы против этого великодержавного шовинизма, это не национализм, а это просто борьба с проявлением великодержавного шовинизма. С национализмом, когда это есть на самом деле, национализмом, который проявляется в виде угнетения более мелких национальностей, необходимо бороться. Но здесь необходимо отчетливо указать, с чем должны бороться, а то на практике борьба с этим национализмом часто принимает самые ненормальные формы. Здесь очень много говорили о Закавказье и ни слова не было сказано о Башкирии. Какое там положение? Тов. Орджоникидзе выставлял цифры и щеголял тем, что в Грузии там-то сидит грузин на руководящем месте. А если взять Башкирию, то вы увидите, что во главе почти всех центральных органов, главным образом, автономных наркоматов — НКЗем, НКЮст, НКВнудел, это очень важные наркоматы для автономного существования Башкирии — во главе этих наркоматов сидят русские молодые товарищи партийцы, некоторые из них во время Колчака были членами Земской управы. Кому там поручить борьбу с национализмом? Если поручим тем товарищам, которые сами заражены великорусским шовинизмом и прикрывают его борьбой с местным национализмом, то, конечно, они будут этот шовинизм проводить. И вместо того, чтобы бить велико-

державный русский шовинизм, они будут бить башкирском коммуниста под видом башкирского национализма. Я хотел бы указать еще на одно, а именно: борьба с местным национализмом может принять ненормальные формы. Нужно сказать, что происходит полное разложение партийных организаций на окраинах. Вот цифры относительно Киргизии. На последнем партийном съезде Киргизии указывается, что за один год было 2296 преступлений партийных, из них 482 — нарушения партийной дисциплины. Кто же совершает преступления? Главным образом ответственные работники, потому что из этих преступлений на ответственных работников падает 1323. И если в этих условиях такой организации поручить борьбу с национализмом, то получится целая вакханалия.

ЦПА ИМЛ, ф. 50, оп. 1, д. 49, л. 34—39.

См.: Известия ЦК КПСС, № 4, 1991.

**ФРАГМЕНТ ПИСЬМА-ИСПОВЕДИ «КТО Я?», НАПИСАННОГО
ВО ВНУТРЕННЕЙ ТЮРЬМЕ ГПУ (ЛУБЯНКА)
НА ИМЯ СТАЛИНА И ТРОЦКОГО
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ МАЯ 1923 ГОДА**

...Я перехожу к последнему вопросу.

Мною ли написано перехваченное по дороге зашифрованное письмо.

Да, мною...

Мною ли написано предложение к т. Адигамову установить связи с Закием Валидовым.

Да, мною...

Почему...

Потому что я хотел войти в сношение с Закием Валидовым и сказать ему, чтобы он вернулся к Советской власти. Почему же я это сделал через Адигамова?

Потому что думал, что, может быть, он связан с ним. Это было мое предположение. Я ждал ответа, который дол-

он был выяснять, имеет он эту связь или нет. Ответа я не получил, т. к. письмо мое оказалось перехваченным.

Из чего же я исходил, думая, что мне удастся уговорить З. Валидова перейти на сторону Советской власти?

Из того, что я надеялся доказать ему, что басмаческое движение есть гибель мусульманского востока, что оно ПРИ ВСЕХ УСЛОВИЯХ приведет к тяжелой и непоправимой катастрофе всю Среднюю Азию, а также Киргизию, Татарию и Башкирию.

Я надеялся доказать, что если даже допустить возможность наибольшего успеха басмаческого движения (и то как интервенционистского), с отделением от Советской России всех восточных ее окраин, то и тогда оно в конце концов привело бы к неизбежной катастрофе, т. к. результатом этого явилось бы восторжествование в России самой черной реакции, а эта последняя неизбежно вызвала бы за антисемитизмом рано или поздно страшнейшую и невиданную в истории резню и истребление татаро-башкир, киргиз и тех же туркестанцев, так как русские реакционеры считают одной из причин своего поражения в борьбе с Советами «предательство» татаро-башкир и других восточных народностей России.

Кроме того, мне было известно о колебаниях З. Валидова и о том, что им подавалось заявление в Средне-Азиатское Бюро ЦК о переходе на сторону Советской власти.

Из чего я исходил в своем предположении, что может быть Адигамов имеет связь с З. Валидовым. Я знал, что связи с З. Валидовым у башкирских коммунистов нет. Неоднократно я пробовал и очень осторожно выяснить, нет ли у них этой связи. В бытность свою в Башкирии в 1921 г. я спрашивал некоторых из них в «случайном разговоре», почему они не возбуждают перед центром вопрос о возвращении в Башкирию З. Валидова, и все они отвечали, что в этом они нисколько не нуждаются, т. к. считают действия З. Валидова неправильными и, как бы угады-

вая мои мысли, говорили: «Уж и Вы не считаете ли нас все еще связанными с Валидовым». То же самое делал т. Адигамов. Адигамов лично оценивал уход З. Валидова к басмачам «непростительной ошибкой», а басмачество рассматривал как самую пагубную для Туркестана вещь. Но я думал, что ПРИ ЖЕЛАНИИ любой из башкирских работников может установить связь с З. Валидовым, т. к. З. Валидов знает почти каждый рядовой Башкирии. Меня могут спросить, а почему же я обратился к Адигамову, а не к кому-нибудь другому, а потому, что из всех башкирских коммунистов я считал его наиболее искренним, выдержанным и твердым и больше знал его, чем всех остальных. Но я перейду к существу вопроса. Какие же психологические мотивы вызвали во мне желание установить связь с Валидовым в этот именно момент.

Эти мотивы были очень сложны.

Записка т. Сталина о том, что судя по моему письму башработникам у меня «имеется организация Валидовского типа», ставящая целью борьбу с партией, и его вопрос о том, что он «еще не совсем уверен» в том, чтобы я «мог так низко опуститься», страшно сильно удручило меня и заставило меня глубоко задуматься над вопросом «кто же такой З. Валидов и какое отношение я имею к нему». Я перебрал в своей голове все факты и пришел к следующему выводу: З. Валидов один из тех «самородков», которые создаются лишь веками, человек без цельного воспитания и законченного образования, он все же сумел во время революции встать во главе национально-освободительного движения целой народности. Он не был коммунистом, но постановка национального вопроса у него в основном его направлении совпадала с нашей, и не случайность, что З. Валидов голосовался в одном списке с коммунистами в Учредительное собрание: в Уфимском «Башкирском списке» З. Валидов и его сторонники фигурировали рядом с татаро-башкирскими коммунистами с Ш. Манатовым, А. Шамигуловым, Нуримановым и др. Список этот боролся с двумя «мусуль-

инскими списками» националистов (Г. Терегулов, З. Кадии, Ахтямов и пр.) и эсеров (Галимджан Ибрагимов, Баимбетов и др.).

Переход на нашу сторону со стороны чехо-словаков у него был безусловно честный и искренний. Переход его в коммунистическую партию также был искренен. Если у него были некоторые «шероховатости» в марксистском мировопонимании и в работе, то их можно было исправить. И я уверен, что если бы мы не оттолкнули его от себя, это был бы один из честнейших работников коммунистической партии на Востоке. К руководителям нашей революции у него было глубокое уважение. Когда у него спросили после первого приема его тов. Сталиным и т. Троцким, какое у него впечатление они оставили, он искренне ответил: «Я увидел, что это действительно великие и честные люди».

Но почему же мы его оттолкнули.

Я перебирал все факты и увидел, что главной причиной этого было увлечение идеей Татаро-Башкирской республики, я закрыл глаза и относился пассивно, а на втором съезде коммунистов народов Востока активно поддержал эту агитацию, которую провели против З. Валидова бывшие левые эсеры (С. Атнагулов, Г. Баимбетов, Гал. Ибрагимов и другие), т. е. идеологи Татаро-Башкирской республики, думая устранить этим одного из главных противников Татаро-Башкирской республики. Агитация эта началась с того момента, как выяснилось, что З. Валидов решительно против Татаро-Башкирской республики (как потом мне удалось выяснить, Галимджан Ибрагимов делал попытки сговориться с Валидовым еще в первое время его перехода к нам, но безуспешно) и когда среди группы татарских коммунистов возникла идея создания Татарской республики, татаро-башкиристам пришлось «работать» на два фронта: против «башкиристов» и против «татаристов». Вернейшим средством агитации явилось, конечно, обвинение и той и другой стороны в «национализме», а З. Валидова в «контрреволюционных намерениях». Организация татаро-башки-

ристов была очень сильна и им действительно удалось различными способами создать благоприятное «настроение» вокруг всего этого вопроса. Помогли нам в этом потом и левые, а в Башкирии вдобавок к этому еще русское кулачество, сопротивлявшееся закреплению «башкирья» (башкиры были у них на положении батраков). Поддерживая эту (конечно, искусственно созданную) агитацию, я думал сломить сопротивление З. Валидова и заставить его согласиться на Татаро-Башкирскую республику, совсем не думая о его снятии из Башкирии. Но я ошибся в своих расчетах, он оказался упрям «как черт».

Да, я потом увидел свою ошибку, особенно когда мне стали ясны задачи «татаро-башкиристов». Но было уже поздно. И когда З. Валидов был уже отозван из Башкирии, я был лишен возможности заступиться за него и высказать перед т. Сталиным свои соображения об ошибочности этого отзыва. К тому же, как было видно, и т. Сталин уже присоединился тогда к мысли т. Преображенского о замене З. Валидова и Х. Юмагулова — А. Шамигуловым.

Но это не все. Мне было известно, что, покидая Москву (он тогда уехал на «Кумыс» в Астраханскую губ. и не говорил о своем намерении скрыться), он уезжал в твердой уверенности, что т. Сталин все равно поймет свою ошибку и вызовет его обратно для работы в Башкирии. Знал я это потому, что когда в Башкирии был совершен «переворот», З. Валидов приходил ко мне перед своим отъездом и спрашивал совета — как ему быть. Он боялся преследования. Я не имел тогда возможности дать ему защиту и мой ответ был краток: «как хочешь».

Мне кажется, моей нравственной обязанностью было сообщить об этом т. Сталину (я видел, что З. Валидов действительно искренно верил в него), но я не мог этого сделать, так как т. Сталин завязал со мной разговор на эту тему (после возвращения своего из Баку зимой 1920 г.), то я замолчал в связи с З. Валидовым, а меня

в этом подозревали и некоторые товарищи даже травили. А был я с ним в связи? Нет...

Если бы я был в связи, то не было бы этого шифрованного письма, написанного мной сегодня, где я предлагаю Адигамову установить с ним связь.

Если бы я был связан с ним, то я бы стоял за его точку зрения о созыве съезда коммунистов народа Востока в Баку в 1920 г. перед 2-м конгрессом Коминтерна. А я этого не сделал.

Напротив, стоял за то, чтобы созвать не съезд, а совещание, и не в Баку, а в Москве и об этом в свое время говорил с тов. Радеком и предупреждал Исполком Коминтерна (но почему-то секретарю Ц/Бюро т. Ш. Ибрагимову нужно было «потерять» потом секретное мое отношение об этом на имя Исполкома Коминтерна и тогда мне в ВЧК нужно было доказать мою непричастность ко всему этому).

Из всего этого, повторяю, я сделал тот вывод, что если З. Валидов находится сейчас в стане наших противников, то в этом есть и значительная вина с моей стороны.

Мог ли я мириться при таких условиях с его нахождением там.

Понятно, нет.

И не только потому, что считал себя одним из «случайных» виновников того, что он оказался выброшенным из нашей среды, но и потому, что его нахождение среди басмачей самым скверным образом отражается на работе отдельных восточных республик, особенно Башкирии, рождая естественное сомнение у русских товарищей по отношению к туземным коммунистам. А нет ли у них связи или сочувствия к движению З. Валидова и вызывая взаимное недоверие и непонимание друг друга со всеми отрицательными последствиями их для нормальной работы на местах.

Тут было и желание ослабить и, если можно, окончательно ликвидировать басмаческое движение. Я опасался

ся, что оно может превратиться в орудие новой интервенции со стороны Зап. европейской буржуазии (английской или японской).

Я думал, в случае выражения З. Валидовым согласия перейти на сторону Сов. власти и искренно раскаяться в своей ошибке, пойти к тов. Сталину и выпросить у него прощение этому заблудившемуся не по своей вине человеку.

Вот те психологические мотивы, которые заставили меня в одну из моих бессонных ночей встать с постели и написать дрожащей рукой... «установи связь с З. Валидовым»... «только осторожно».

Меня спросят, почему же я сразу не рассказал всего этого в ЦКК, потому что, во-первых, меня «застали врасплох», а во-вторых, как мне тогда показалось, к этому вопросу товарищи в ЦКК отнеслись слишком «скоропалительно» и я опасался, что если я сразу выскажу, то мне все равно не поверят. И я хотел немного оттянуть вопрос. Кстати и шифровка была написана... не моей рукой, а рукой моего братишки, которого я попросил «переписать мне эту бумагу». Он, конечно, ничего не знал, не знал содержания бумаги, но так ПЕРЕСТАРАЛСЯ, что действительно некоторые буквы точь-в-точь как мои, но цифры не мои. Двойку, четверку и семерку я никогда так не пишу. Так что эксперты ваши, дорогой тов. Петерс, никуда не годятся ни в Уфе, ни в Москве. Надо их сменить... а то ведь я мог упереться, и тогда было бы трудно доказать, что она написана моей рукой... Но я не хотел этого делать, т. к. потом уже увидел, что когда я говорю искренно, товарищи не верят. И я решил быть искренним во всем.

Еще маленький вопрос. Меня спрашивали — почему я допускал возможность преследования татарских коммунистов и почему по этому вопросу я пошел не к т. Сталину, а к Троцкому.

По первому вопросу я уже дал свое показание. По

порому же вопросу могу сказать лишь то, что я думал, что т. Сталин меня не примет, так как видел, что он на меня сердит, а к т. Троцкому я пошел потому, что не мог же я пойти куда-нибудь в Турецкое или Афганское посольство.

Я сказал все. Я не скрыл ничего, даже и своей личной жизни. Не скрыл и своих мыслей о моем отношении к отдельным вопросам революции. Я старался предстать перед судом таким, каков я есть на самом деле.

Дело Центральной Контрольной Комиссии решить мою дальнейшую судьбу. Я готов принять на себя какое угодно решение ЦКК. Я думаю, оно будет справедливым.

Но я бы просил лишь об одном: принять при решении вопроса обо мне все обстоятельства моей жизни, отразившиеся на ненормальном ее развитии, а также мою революционную работу во время царизма и после октября. Прошу также принять во внимание, что многие из тех товарищей, которые могли бы подтвердить мою работу во время революции и до нее, уже давно умерли (т.т. Шейнкман и М. Н. Вахитов), расстреляны (т. Якубов убит при восстании, т.т. Кадрачев и С. Кайбишев застрелились). Знают меня, но за гораздо поздний период, т. Малютин Д. П., работники НКНаца, Татареспублики и т. Сталин.

Я прошу оставить меня в партии, дать мне трехмесячный отпуск для поправления своего здоровья и разрешить мне потом заняться литературной работой: я хочу вернуться к прежней своей работе и, думаю, буду полезен революции и в этой области...

Когда же партия призовет меня вновь к боевой работе, я по первому зову стану туда, куда мне прикажут.

А главное я прошу к себе доверия.

Когда нет доверия, нельзя работать. Когда имел доверие к себе, я работал хорошо.

М. Султан-Галиев.

19/V—1923 г.

См.: ЦПА ИМЛ, ф. 6, оп. 2, д. 3771.

ИЗ ПИСЬМА М. СУЛТАН-ГАЛИЕВА В ЦКК РКП(б) О ВОССТАНОВЛЕНИИ В ПАРТИИ

...в-3/ Мне казалось, что все мое поведение по исключению меня из партии также дает мне право рассчитывать на это. Как известно, я безоговорочно подчинился решению центральных органов обо мне. Более того: по истечении трех месяцев со дня исключения меня из партии накануне ожидавшихся развернуться германских событий я явился к генеральному секретарю партии — тов. Сталину и заявил ему о своей готовности встать активно на защиту революции, если бы возникла необходимость в этом. Сделал я это тогда совершенно свободно и непринужденно, искренне желая доказать, кому это следует, что я и по исключении меня из партии не чужд революции и революционности и что в случае развертывания вооруженных столкновений между революцией и мировой реакцией я буду и остаюсь на стороне первой.

Если бы я был настроен враждебно по отношению к партии, то ответил бы на акт об исключении меня из партии тем, чем ответили на него Мясников, Леви, Фрассар, Траммель и Хеглунд: я бы занялся организацией агитации против РКП(б) и Коминтерна, связавшись для этого с границей и восточными странами. Но я не сделал этого, несмотря на то, что своими постоянными нападками постоянным третированием и преследованием некоторые товарищи как бы сознательно и умышленно толкали меня к этому (если ЦКК интересуется этим вопросом, то я могу представить более подробные сведения об этом). Да я не сделал этого, и не потому, что не мог, а потому что не хотел.

А не хотел я этого по следующим соображениям:

а) Я увидел, что линия как тактической, так и практической постановки национально-колониального вопроса у партии окончательно определилась и консолидировалась и приняла более четкие формы, чем это было раньше. Плано

верно следя за развитием мысли партии (руководящей части) в этом отношении, а также за практической ее работой в этом направлении (Китай, Туркестанский вопрос и т. д.), я составил себе твердое убеждение в том, что партия в конце концов действительно пришла к правильному решению о том, что колониальный вопрос является одним из важнейших и составных частей социальной революции, как необходимость уничтожения и ликвидации колониальной системы хозяйствования капиталистической Европы, и что партии Коммунистического Интернационала в этом вопросе должны перейти от положения сочувствующих «зрителей» к положению инициаторов и руководителей национальной-освободительными движениями колоний (доклад тов. Мануильского на 5 конгрессе Коминтерна). Прогрессом в моих глазах в этом отношении явилось и вынесение таких пунктов вопроса, как проблема о том, должна ли колониальная революция, т. е. революционное освобождение колоний от ига метрополий, предшествовать социальному перевороту в европейских странах или же наоборот, как ставили его товарищи «ультралевые», она должна последовать — не в форме революции, а в форме всплывчатого «национального самоопределения» — лишь после торжества классовой революции в Европе.

Не мог я пропустить в этом отношении и мысли руководящей части партии, высказанных через члена Политбюро ЦЕКА тов. Троцкого (его доклад в Коммунистическом Центре Трудящихся Востока перед англо-советской конференцией) о том, обязательно ли для социальной революции, чтобы она была совершена непременно пролетариатом высокоразвитых в техническом отношении капиталистических стран Запада или же инициатива в руководстве мировой социальной революцией при известных условиях может перейти и в руки трудящихся и коммунистов Востока, т. е. колониальных и полуколониальных стран. Во всех этих формах постановки национально-колониального вопроса я находил отражение моих собствен-

ных мыслей и взглядов, которыми я руководствовался в своей работе во время революции.

б) Из глубокого анализа социальных основ системы современной капиталистической экономики, колониальной системы хозяйства метрополии и возможных революционных сдвигов международного характера на базе этой экономики в ближайшую эпоху, я пришел к ясному для меня выводу о том, что вопросы классовой революции, имеющей задачей в конечном счете установление коммунистического строя на земле, неизбежно сохраняют свою актуальность и после колониальных революций, преследующих в основном цели экономической и политической эмансипации колоний и полуколоний, независимо от их результатов; т. е. если бы даже колониальные революции в результате освобождения производительных сил колоний и полуколоний от задерживающего их развитие влияния империализма метрополий и создадут базу для рациональной организации мирового хозяйства (средства производства будут приближены к источникам сырья, причем будут втянуты в производство полезных для человечества предметов сотни миллионов «сырых рабочих рук» аборигенов колоний), то все равно вопросы коммунистической революции, как вопросы наивысшего порядка, как реальная жизненная потребность человечества и как историческая необходимость эпохи к обобществлению труда средств производства, останутся и властно будут требовать своего разрешения. Иначе говоря, я проделал так называемую «переоценку ценностей» с точки зрения интересов трудящихся колоний и полуколоний, как я себе их представлял, и увидел, что коммунизм в позднейшей его форме — ленинизм являются не только революционной наукой, возникшей из потребностей и для потребностей трудящихся масс метрополий, но в еще большей степени превращаются исторически в радикально-революционную школу, в конечный революционный идеал и в основное революционное орудие и революционный рычаг социального

освобождения сотен миллионов колониальных рабов и рабынь. В этом понимании коммунизм и ленинизм представлялись мне исторической неизбежностью, призванной спасти от произвола капиталистической анархии и империалистической олигархии не только стонущих в их тисках трудящихся Европы, но и весь остальной эксплуатируемый мир.

Исходя из этих настроений, я еще в прошлом году при посещении мною генерального секретаря партии тов. Сталина обратился к нему с вопросом о том, могу ли я рассчитывать на возможность своего восстановления в партии. Тов. Сталин ответил мне тогда, что можно будет поднимать этот вопрос, но не раньше, как через год.

По истечении указанного срока я обратился к нему повторно, причем не только лишь как к секретарю ЦЕКА, но и как к одному из центральных работников, который знает меня больше чем кто-нибудь другой и получил от него предложение обратиться по вопросу о своем восстановлении в партии в ЦКК РКП(б)...

Каково должно быть при таких условиях положение тех татарских коммунистов, на которых история возложила чрезвычайно ответственную и трудную в то время задачу вовлечения трудящихся восточных народностей в орбиту социальной революции, как активно действующей силы — думаю, понятно и без объяснений.

Положение это усугублялось еще тем, что мы, коммунисты из среды тюрко-татарских народностей, помимо того, что не имели надлежащей революционной закалки подполья, лишены были, сверх того, и элементарных хотя бы начал правильного образования и воспитания. Если нас в детстве калечили «премудростями» арабского средневековья, то впоследствии наши головы забивались «премудростями» русских миссионеров вроде Ильминского, Победоносцевых и др. Не имели мы и школы революционного развития. Революционные школы русского пролетариата, каковыми мы считали с-д (б) и отчасти анархистов и эсеров, в условиях сильнейшей конспирации их ра-

боты были для нас недоступны. Судили мы о них по случайным брошюрам, да случайным речам думских ораторов и по случайным же прокламациям. Газеты их до нас в провинцию, а тем более в деревню, не доходили, т. к. царская власть постоянно их конфисковывала. Лично сам например не мог «достучаться» до с-д (б) даже в Баку, несмотря на то, что работал одно время около полугода в типографии в качестве помощника конторщика. Тем не менее наша партия с-д (б) всегда оставалась в наших глазах и в нашем представлении самой революционной партией. В наших лучших чувствах и стремлениях мы были всегда с ней. Короче говоря, мы представляли из себя сырую, необработанную революционную энергию, которая при внимательном отношении и правильном революционном воспитании могла дать хорошее революционное ядро, хорошую закваску для развития революции на Востоке. Но кто мог заняться этим как следует во время революции, когда некогда было и думать об этом и когда почти каждому из нас приходилось действовать за свой страх и риск?..

Резюмирую свое заявление в ЦКК:

1) Исключение меня из партии за допущенный мною проступок я принял как справедливый акт возмездия партии.

2) Тем не менее я не отказался и не отказываюсь от надежды на восстановление, так как считал и считаю, что при наличии целого ряда обстоятельств объективных и субъективных, которые не могут быть не приняты при повторном разборе моего дела, партия может простить мне этот проступок.

3) Исходя из этой надежды, я и обращаюсь в ЦКК с просьбой пересмотреть вопрос обо мне и восстановить меня в партии со старым моим стажем с 1917 года, предоставив мне одновременно с этим право возбуждения ходатайства перед ЦКК о зачете мне революционного стажа с 1913 года.

4) По восстановлении обещаю быть дисциплинированным членом партии и пойти туда, куда прикажет партия.

г. Москва, 8 сентября 1924 года

М. Султан-Галиев

Адрес: Бол. Татарская ул., д. 24, кв. 1.

Телефон: 3-80-88.

ЦПА ИМЛ, ф. 6, оп. 2, д. 3771, л. 196—199.

ПОКАЗАНИЯ СУЛТАН-ГАЛИЕВА

От 25 июля 1929 года

ПО ПОВОДУ ПРЕДЛОЖЕНИЙ МНЕ СО СТОРОНЫ ЦК ПАРТИИ О ВЫСТУПЛЕНИИ В ПЕЧАТИ С ПРИЗНАНИЕМ СВОИХ ОШИБОК

По поводу этого вопроса я уже давал показания в общей части моих показаний. Должны быть там указания и относительно причин, почему я тогда не выступил. Дополнять мои показания придется лишь в небольшой части, главным образом, о втором предложении ЦК.

О первом предложении ЦК было известно лишь небольшому кругу работников. Сообщил я тогда об этом из ряда работников Москвы тт. Енбаеву и Кашафу Мухтарову. Известно было об этом и Юн. Валидову. Гас. Мансурову я тогда не сообщил об этом, т. к. он в это время был предрасположен ко мне отрицательно. Сабирова в Москве тогда еще не было, но и при встречах с ним в Москве, когда он иногда приезжал из Татарии, я не говорил ему об этом, боясь, что он разболтает об этом. Разболтал это, однако, Юн. Валидов. Через него стало известно об этом казанским работникам, а также работникам Крыма. Товарищам я это сообщил в той форме, что предложение принципиально мною уже принято и что мною уже

начаты переговоры о формах выступления с отделом печати ЦК партии. Товарищи отнеслись к этому вопросу видимым интересом. Я их попросил помочь мне в составлении этого заявления, вернее — в определении основного его направления и главных моментов его содержания. Товарищи согласились и в свою очередь предложили мне заняться составлением проекта моего обращения. При этих разговорах я указывал товарищам, что лично сам думаю придать своему выступлению широкий и принципиальный характер, связав его вообще с национально-колониальным вопросом. Насколько у меня сохранилось в памяти, Кашаф Мухтаров по этому вопросу стоял на той точке зрения, что выступить надо, не задаваясь однако такой чересчур широкой задачей. Тов. Енбаев, наоборот, допускал возможность широкого выступления. Помню его характерное выражение, которое было сказано им мне как-то по этому поводу: Мирсаид, если решишь уж покончить со своим прошлым, так умирай красиво, выступи во всю...

Так что задержки со стороны товарищей Мухтарова и Енбаева в этом вопросе не было. Не возражал против него вначале и Юн. Валидов. Решительно был против выступления Юн. Валидов лишь потом в связи с его процессом. Давления какого-нибудь Юн. Валидов на меня тогда, однако, не делал.

Выступление это мое не состоялось, как я уже сказал, в связи с тем, что, по неизвестным мне тогда причинам, я был дискредитирован во время суда над Валидовым в Москве в Верх. Суде, когда сидя среди публики я услышал при чтении обвинительного акта свою фамилию и фамилии ряда других татарских партийных товарищей, фигурировавших как участники в дележке «украденного» Валидовым сахара (что он дал нам по 5-ть или 10-ть фунтов сахара). На мою психику это подействовало совсем хорошо. Между прочим, я по этому вопросу ни разу никем не был допрошен ни до, ни после этого про-

цесса, и объявление моей фамилии перед широкой публикой («публику» эту сами тат. газеты называли потом «уличной» публикой) в числе «мелких воришек» для меня было полной неожиданностью. Игнорировать этим я не мог, т. к. считал, что момент этот является для меня не только, вернее — не столько субъективным моментом, сколько моментом объективным. Я допускал, что товарищи, допустившие эту нетактичность по отношению ко мне, видимо, не знали, что я в это время был занят решением вопроса о своем выступлении в печати. Но факт оставался фактом, я был публично дискредитирован, как «участник», хотя и «мелкий», в «уголовных деяниях» Юн. Валидова. Но ведь не только этот «мелкий» факт, но и весь этот суд над Валидовым был не чем иным, как дискредитацией «правых», независимо от того, хотели этого или нет те, чьим постановлением решено было произвести все же этот суд.

При таких обстоятельствах выступление мое в печати с принципиальным каким-нибудь положением и с теми или иными жестами явилось бы лишь самым гнусным лицемерием и политическим авантюризмом. Я бы лишь этим еще больше дискредитировал себя в глазах масс и был бы уже бесполезен в партии (я рассчитывал, что выступление мое в печати откроет мне доступ в партию). И я воздержался от этого выступления.

Официального предложения мне со стороны ЦК о выступлении во второй раз не было. Основанием для меня в этом случае явилась моя беседа с тов. Сталиным в связи с моим заявлением на его имя, как к ген. секретарю ЦК, о возможности моего восстановления в партии и условиях этого восстановления. В беседе со мной тов. Сталин заявил мне, что условия возврата в партию для меня остаются прежние, т. е. выступление в печати с открытым и решительным признанием своих ошибок. Я дал слово т. Сталину выступить в печати. Давая это обещание, я внутренне был убежден, что сумею подавить в себе

те разногласия, которые у меня были еще с партией по нацвопросу. И как раз на этом пункте я ошибся.

Атмосфера вокруг этого вопроса была на этот раз несколько другая. Тон т. Мухтарова, например, был уже несколько иной. В общем это можно было формулировать так: «не надо было особенно спешить, время для ведения переговоров выбрано неудачно (уже тогда чувствовалось назревание конфликта в ЦК в связи с новой позицией тт. Каменева и Зиновьева), но раз уже пошел в ЦК, а тем более дал обещание, надо «выступить». В общем, московские товарищи сошлись на том, что мне выступить следует. В разговоре с ними между прочим я указал, что если я не выступлю и на этот раз, то оставаться уже в Сов. России с сохранением моего политического лица мне будет нельзя, и я принужден буду покинуть ее. Этим самым я хотел лишь подчеркнуть в достаточно сильной степени положение о том, что вопрос формулируется «или — или». Или сохраняй старую свою позицию, но тогда незачем болтаться здесь, или же откажись от нее, но откажись решительно. Так что положительный ответ моих товарищей о необходимости выступления одновременно являлся ответом и на другой мой вопрос. Но все же на этот раз мое выступление товарищи рассматривали в общем, как выступление, которое можно бы было и не делать, если бы я не был связан своим обещанием в ЦК. Крымские работники почти все были против выступления. Я хотел узнать тогда по этому вопросу мнение лишь самого ограниченного количества крымских товарищей, в том числе тов. Фирдевса. По болтливости, кажется Вели, об этом в Крыму стало известно, однако, большему числу работников. После разговора со мной Фирдевс встал на точку зрения необходимости выступления, поставил передо мной лишь одно условие, чтобы я согласовал с ним основные положения моего заявления. Он даже в одно время помогал мне в составлении этого заявления. Дерен в этом вопросе занимал противоположную точку зре-

ния, и лишь после приезда своего в Москву и поступления в Ком. Академию, как-то в разговоре со мной упомянул, что, по его мнению, мне не следует выступать в печати. Но я считал, что заявил он об этом слишком поздно, когда уже у меня, как мне тогда казалось, были исчерпаны все пути к такому выступлению.

Так что это двойное настроение большинства близких мне товарищей в известной степени повлияло на мое настроение. Не остались на меня без влияния и кое-какие разговоры, которые исходили тогда из кругов оппозиции и так или иначе доходили до меня. Так, например, мне Гумер Ибрагимов, а также Вели передавали со слов, якобы, т. Бабахана, который состоял тогда секретарем т. Каменева о том, что будто бы созыв IV национального совещания, где разрешался мой вопрос, был произведен по настоянию тт. Каменева и Зиновьева и вопреки желанию тов. Сталина, который будто бы хотел разрешить этот вопрос «слишком упрощенно и скоропалительно». Таким образом, этих двух товарищей, т. е. тт. Зиновьева и Каменева выставляли передо мной как людей, которые спасли меня «от худого конца». В связи с этим выступление мое по национальному вопросу рассматривалось этими товарищами как выступление, которое при тогдашней ситуации внутрипартийной борьбы (как Вам известно, в это время оппозиция готовилась поднять национальный вопрос, хотя мне лично об этом тогда еще не было известно) означало бы фактически выступление против тт. Каменева и Зиновьева, а также Троцкого, который также фигурировал, в представлении этих товарищей, как один из моих «защитников» во время IV нацсовещания. Исходя из этого, эти товарищи находили, что мое выступление в печати при такой ситуации было бы больше, чем обычным выступлением признающего свою ошибку, а имело бы значение определенного поступка, активно направленного против упомянутых уже лиц. В этом смысле моему будущему выступлению заранее приписывался характер неэтичности.

Эта версия о роли тт. Каменева и Зиновьева в моем вопросе в 23 году в одно время была довольно распространена среди тат. работников. Между прочим, об этом должно быть известно еще тт. Фирдевсу и Мухтарову и Сабирову. Знают ли об этом другие товарищи, не знаю. Говорить мне на эту тему с другими работниками не приходилось.

Но все эти обстоятельства не имели бы значения в моих глазах, т. к. вопрос передо мной стоял не в том, кто и какую позицию занимал в моем вопросе в тот или иной момент, а в том, признаю ли я партию и ее правоту в моем вопросе, независимо от того, кто сегодня стоит во главе этой партии, — если бы не было поколеблено мое внутреннее убеждение о правильности или неправильности той линии в нац.-колониальном вопросе, которую я представлял в бытность мою в партии. А это было главным вопросом, вокруг которого вертелось все остальное. Ведь в конце концов окончательное решение вопроса о выступлении зависело от меня, а не от моих товарищей. Я им заявлял неоднократно, что я могу и не считаться с их мнением, а в конечном счете решу этот вопрос самостоятельно. Когда я говорил с тов. Сталиным по своему вопросу, моя совесть говорила мне, что я по нац. вопросу действительно был неправ. По крайней мере в основном это было так. Реально передо мной стоял тогда китайский вопрос. Я видел, что тогдашнее развитие китайских событий говорит в пользу партии. Назвать «левой» тогдашнюю политику партии по кит. вопросу было нельзя. В этот момент она, если не целиком и полностью, то в основных своих контурах соответствовала моему представлению колониального вопроса.

Но в тот момент, когда я должен был засесть за составление заявления уже после того, как я, после всех моих разговоров и бесед с отдельными товарищами, определил форму и содержание своего выступления, положение как раз на этом фронте изменилось. В китайской революции

появились, как мне тогда казалось, ультралевые тенденции (их представлял в своих выступлениях т. Бухарин — в своих заявлениях о необходимости перевода китайской революции на рельсы чисто пролетарской революции), с чем я и мои товарищи связывали поражение этой революции. Так что факт поражения китайской революции поставил снова вверх дном мое миропонимание по колониальному вопросу, укрепив меня в сознании того, что, видимо, позиция, от которой я собираюсь отказаться, была все же правильна. Мог ли я при таком состоянии моего внутреннего сознания выступить с публичным заявлением о своем отказе от той позиции, которую я защищал в бытность в партии. Я решил этот вопрос для себя отрицательно.

Тов. Сталин, видимо, понимал меня больше в этом вопросе, чем сам себя, когда я ему давал обещание о готовности к выступлению, он, помню, несколько раз спросил меня:

— А Вам не трудно будет выступать? Смотрите, подумайте... Мне кажется, вам трудно выступать с признанием своих ошибок.

Мне тогда казалось, что я поборю себя и сумею выступить, а потому ответил ему, что «психологически я подготовлен к этому».

Но в нужный момент, когда я должен был привести в исполнение данное ему обещание и выступить в печати, у меня оказалось недостаточно сил, чтобы побороть самого себя.

А ведь борьба с самим собой — это самая трудная борьба. Тут все идет начистую.

Я думал тогда обратиться со специальным письмом к тов. Сталину и объяснить ему чистосердечно, почему я оказался в положении человека, не сдержавшего своего обещания, но потом раздумал, т. к. полагал, что это уже для дела бесполезно.

Общее совместное обсуждение вопроса о моем выступлении было один раз, на квартире у т. Енбаева, в при-

сутствии тт. Ембаева, Мухтарова, Фирдевса и меня. Кажется, были еще тт. Дерен и Г. Мансуров. Был ли Сабилов, не помню. Когда именно происходило это наше заседание, точно не помню. Во всяком случае до появления в «Правде» статьи т. Икрамова «Оппортунистические вылазки в нацвопросе т. Зиновьева», где он, кстати, заодно «уцпнул» и меня. По какому поводу мы собрались тогда, я уже не помню. Я ознакомил товарищей с проектом своего выступления. Подробностей обсуждения уже не помню. Все товарищи опять повторили, что выступать необходимо и вносить свои замечания по поводу основных положений моего проекта. Общим мнением было то, что заявление должно быть не особенно «громоздко» и распространено. Решено было, что я должен конкретизировать его и представить в виде уже готового проекта-заявления для окончательного суждения о нем.

М. Султан-Галиев.

25/VII—1929 г.

См.: ЦПА ИМЛ, ф. 6, оп. 2, д. 3771.

Что за грифом «секретно»

В этом разделе впервые предстают перед читателем документы, в большинстве своем находившиеся в фондах повышенной секретности. В первую очередь к ним следует отнести фрагменты из выступлений участников 4-го совещания по национальному вопросу, проходившему в Москве с 9 по 12 июня 1923 года. Это совещание, фактически пленум ЦК по составу его участников, было посвящено «делу» Султан-Галиева. Хотя второй вопрос был посвящен партийной политике на местах, его обсуждение проходило под впечатлением только что состоявшегося разгрома «инакомыслия», и это не могло не наложить свой отпечаток на содержание выступлений. Ряд документов вводят читателя в круг сложнейших вопросов, связанных с образованием республик и борьбой различных точек зрения вокруг него. Специально для этой книги сделана выборка фрагментов из документов Политбюро ЦК РКП(б), раскрывающих некоторые закулисные стороны подготовки «дела» Султан-Галиева и различные взгляды на него, существовавшие в то время в высшем эшелоне власти, а также личную заинтересованность Сталина в политической дискредитации «ослушника». Полная их публикация — дело будущего.

Потрясают по силе воздействия два документа, завершающие раздел. Это письмо И. И. Курникова — единственного из заведующих отделами Татарского обкома 1937 года, оставшегося в живых после многих лет тюрем и ссылки, и служебная записка его палача — наркома НКВД Татарии В. Михайлова своему заместителю Шелудченко. Они требуют комментариев. В письме Михайлова есть фраза «взять от них все до капли», относящаяся к Султан-Галиеву и Сагидуллину. Технология этого «взять» хорошо показана в письме И. И. Курникова в ЦК КПСС. Добавим, что Михайлов и Шелудченко, равно и как их шеф Н. И. Ежов и многие другие «костоломы» 30-х годов, были сами уничтожены в 1939—1940 годах. Они сделали свое дело и на них было списано многое. Тактика перевода народного негодования на негодьяв, нарушивших сталинское указание «о бережном отношении к человеку», отработана четко и действовала без сбоев.

КОММЕНТАРИЙ К НИЖЕСЛЕДУЮЩЕМУ

Это совещание знаменовало собой новый этап в национальной политике. На состоявшемся за полтора месяца до него XII съезде партии в основном победила ленинская линия и на словах было признано необходимым придерживаться принципов уважения к самостоя-

тельности республик и учету их особенностей. Это был первый и последний съезд партии, на котором работала секция по национальному вопросу. После съезда ряд деятелей республик начали осуществлять меры по реальному суверенитету, особенно в области экономики. Возникали постоянные конфликты между центральными органами в первую очередь Наркомземом и Наркомфином, и местными органами власти. Политбюро РКП(б) оказалось втянутым в разрешение этих болезненных вопросов. Одной из ключевых фигур в этот период стал М. Султан-Галиев — Председатель Федерального земельного комитета. Его частые обращения в ЦК по поводу неправильных действий Наркомзема, пытавшегося взять под свой контроль все, даже самые мелкие, вопросы распределения земельного фонда на местах, и поддержка требований Башкирии, Татарии, Калмыцкой и Чувашской областей, Туркестана о предоставлении большей самостоятельности раздражали ряд крупных работников СНК и ВЦИК. Еще до этого его выступления на коллегии Наркомнаца, фракции Съезда Советов XII съезде партии и во время поездок в Башкирию и Татарию вызвали негодование Сталина, Преображенского, Крестинского и одного из влиятельных работников ГПУ Петерса своим критическим отношением к существующей практике национального строительства. Две безуспешные попытки удалить Султан-Галиева с занимаемых им постов, предпринятые летом 1922 и начале 1923 года, расценивались Сталиным как серьезный удар по его авторитету. Против снятия Султан-Галиева возражали почти все представители национальных республик при Наркомнаце. Очевидно, в высших эшелонах власти было принято решение использовать «дело» Султан-Галиева и его злополучные записки для «укрощения» лидеров республик. Впоследствии Каменев сетовал на то, что они «выдали» Султан-Галиева и позволили Сталину», «вкусив кровь» видного деятеля, уверовать в свою безнаказанность.

Идея созыва совещания национальных работников возникла через несколько дней после ареста Султан-Галиева. Вначале предполагалось пригласить руководителей только тех республик и областей, где национальные конфликты достигли особой остроты, однако в ходе неоднократного обсуждения на Политбюро и Оргбюро было принято решение созвать работников из всех национальных формирований. Существенно то, что в решении Политбюро намечено пригласить «антиподов», то есть людей, имеющих полярные позиции. Это предложение Сталина, очевидно, должно было затруднить объединение лидеров республик и областей для защиты прав своих народов. Дополнительным постановлением приглашались 15 секретарей обкомов русской национальности. Хотя «дело» Султан-Галиева к концу мая было уже расследовано и, судя по информации В. Менжинского — заместителя председателя ГПУ, отпала необходимость содер-

жания его под арестом, освобождение до начала совещания не состоялось. Есть основания полагать, что это являлось дополнительным фактором устрашения» и психологического давления на участников совещания. Султан-Галиев на Лубянке — прямо или косвенно — влиял на позицию приглашенных «националов».

Совещание открылось вечером 9 июня и завершилось вечером 12 июня. Состоялось семь заседаний, первые два дня были целиком посвящены «делу» Султан-Галиева, да и последующие заседания, на которых рассматривались «Практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции XII съезда партии по национальному вопросу», затрагивали это «дело». На совещание прибыло 58 человек из всех республик и областей, кроме Хивы, в числе участников были также 24 члена и кандидата в члены ЦК, 6 членов ЦКК, работники Наркомнаца и Коминтерна. Показательно и то, что из 11 членов и кандидатов Политбюро на нем присутствовали 9, за исключением больного Ленина и занятого делами СНК Рыкова. Это фактически был полный Правый Пленум ЦК, и его резолюции были включены впоследствии в официальный перечень директивных документов партии.

На Совещании практически выступили все желающие, некоторые даже брали слово по два раза. Всего на трибуну поднималось около 60 человек. Основные доклады по «делу» Султан-Галиева и национальной политике сделали В. Куйбышев и И. Сталин, с речами выступили также члены Политбюро Л. Троцкий и Г. Зиновьев, вел совещание Л. Каменев.

Направление обсуждению было задано В. Куйбышевым, заявившем в докладе, что «оно несет не мир, а меч». При всех его дальнейших оговорках, что сказанное не надо понимать буквально, это библейское изречение вполне соответствовало духу совещания. Все выступавшие отмежевывались от Султан-Галиева. Но некоторые из них (Мухтаров, Халиков, Фирдевс и другие) пытались, отметив заслуги Султан-Галиева в прошлом, вскрыть причины появления болезненных явлений, назвав одной из причин этого наступление великорусского шовинизма. Но, однако, тон задавало большинство, агрессивно настроенное по отношению к самостоятельно мыслящим деятелям (Ибрагимов, Саид-Галиев, Нимвицкий, Орджоникидзе, Мануильский, Шамигулов, Микоян и другие). Так, Председатель СНК Крымской АССР С. Саид-Галиев (снятый летом 1921 года с такого же поста в Татарии и имевший, кроме политических, и личные мотивы неприязни к «опальному») заявил, что надо говорить о «султангалиевщине» как широко распространенном в республиках явлении, чем, конечно же, поддержал позицию Куйбышева и Сталина, стремившихся раздвинуть рамки конфликта за пределы «персонального дела». В политический оборот выступавшими были введены термины «тайный учраспред националистов», «врожденный национализм» и многое дру-

гое, что, по мнению выступавших, должно было зафиксировать усердие в поддержке «центра» и принести политические «дивиденды». В наиболее сложном положении, кроме татарских работников, оказались представители Башкирии, от которых требовали полного признания своих связей с Валидовым и поддержки басмаческого движения. Особенно усердствовал в этом секретарь губкома Нимвицкий. Сталину, да и другим членам Политбюро, было уже известно, что А.-З. Валидов в феврале 1923 года обратился к В. И. Ленину с большим письмом, в котором, весьма уважительно отзываясь о нем и некоторых других деятелях партии, сетовал на шовинизм ряда посланцев ЦК, незнание ими потребностей местного населения и подвергал сомнению основные принципы партийной политики на Востоке. В письме он давал понять, что прекращает политическую деятельность и хочет посвятить жизнь за рубежом научным исследованиям. Завершалось письмо словами: «Будьте осторожны, возможно, у истоков совершенных ошибок стоите Вы сами». Валидов 10 марта покинул советскую территорию¹. Об этом уже было известно ГПУ. Однако на Совещании Валидов представлялся вождем басмачей, чуть ли не готовящимся к походу на Ташкент. Это должно было усугубить «вину» Султан-Галиева в глазах присутствующих.

В ходе Совещания произошли и другие политические схватки и конфликты, в которых участвовали Скрыпник, Мануильский, Троцкий и Фрунзе. Становилась очевидной неэффективность проводимой до сих пор национальной политики не только на Востоке.

Доклад Сталина о национальной политике был в целом выдержан в довольно умеренном тоне, как и другие его выступления на этом Совещании². Он не особенно возражал против упреков некоторых «сверхинтернационалистов» вроде Шамигулова, в том, что он, якобы проявлял мягкость к Валидову, Султан-Галиеву, Алкину и другим. Документы, принятые Совещанием, носили конструктивный характер. Другое дело, как они осуществлялись и толковались. Но это уже особый вопрос. Касаясь самого Султан-Галиева, Сталин особенно подчеркивал элементы личной обиды на его непорядочность и неблагодарность по отношению к себе. Но в отличие от ряда ретивых разоблачителей-«антагонистов» считал излишним наказание его в судебном порядке через трибунал. Создается впечатление, что данное Совещание было первым крупным политическим сражением, тщательно подготовленным и выигранным Сталиным уже в качестве

¹ См.: Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Стамбул, 1969. С. 463. (На русском языке опубликовано в приложении к журналу «Агидель», № 12, 1990.) См. также: Ахмед-Заки Валиди Туган 1890—1990. Материалы к изучению жизни и творчества. Уфа, 1990, с. 8.

² См.: Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 291—340.

енсека. Работая в личном архиве Сталина (ЦПА ИМЛ фонд. 558), автор убедился в том, что принятый Совещанием в качестве резолюции проект платформы по национальному вопросу из восьми разделов был тщательно подготовлен Сталиным. Его страницы носят следы значительных поправок, внесенных им в ходе обсуждения. Поэтому вполне правомерно его включение в состав трудов Сталина.

На местах, в присутствии представителей ЦК, были обсуждены документы Совещания. Такое обсуждение состоялось в Казани в июле. Совещание от имени обкома открыл руководитель местного ГПУ Шварц. Деталь весьма символическая. Его участники, одобрив документы четвертого совещания, обещали непримиримо бороться с «султангалиевщиной». Вскоре начался процесс замены кадров, в результате которого к середине 1924 года почти все члены правительства Татарии были освобождены от занимаемых должностей, а четверо наиболее видных «отозваны» в Москву. Перевели из Татарии и секретаря обкома Д. Живова, не обеспечившего, по мнению работников ЦК, борьбу с национализмом.

Подобные Совещания больше не проводились. Урок был усвоен всеми. Правда, в 1926 году по поручению Калинина состоялось так называемое «рыскуловское совещание», проходившее под руководством заместителя председателя правительства РСФСР Т. Рыскулова. На него были приглашены представители только республик РСФСР. Оно свелось к постановке частных вопросов и общим пожеланиям по улучшению работы с национальными меньшинствами. Единственное принципиальное предложение, внесенное его участниками, о создании «палаты национальностей» во ВЦИКе РСФСР было отклонено Политбюро. Оно дождалось своего часа в наше время.

Публикуемые впервые выступления участников «антагонистов», представлявших Туркестан, Башкирию, Татарию, Крым, дают, на взгляд автора, достаточное представление о накаленной политической атмосфере на Совещании, взаимной непримиримости, стремлении разоблачить оппонентов. Почти все они впоследствии будут репрессированы, шестеро из них погибли в 1937 году. Такая же судьба постигнет и многих других участников четвертого Совещания. Г. Шамигулов и Ш. Ибрагимов уцелеют. Сталин ценил усердие. Но не всегда. Этим двоим просто повезло. Чего не скажешь о Саид-Галиеве, который был расстрелян в 1937 году.

**ИЗ СТЕНОГРАФИЧЕСКОГО ОТЧЕТА ЧЕТВЕРТОГО
СОВЕЩАНИЯ ЦК РКП С ОТВЕТСТВЕННЫМИ РАБОТНИКАМИ
НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК И ОБЛАСТЕЙ В МОСКВЕ
9—12 ИЮНЯ 1923 ГОДА**

Саид-Галиев. Т. т., я вынужден коснуться заявления тов. Рыскулова о том, что якобы для того, чтобы сделать карьеру, необходимо лишь обвинить нескольких товарищей, своих же, в национализме, и таким образом завоевать себе известное положение. С одной стороны, это, конечно, очень легкий способ для того, чтобы благоприятно обставить себя, если действительно есть такое благоприятное обстоятельство. С другой стороны, я назвал бы позором для ЦК, если бы наш ЦК назначал работников только за то, что они обвиняют других в национализме, а себя выставляют левыми. Пресловутый левый эс-эризм... Я вовсе не ставлю так вопрос, как ставит его тов. Рыскулов, — что бывшие левые с.-р. особенно ударяются влево. У нас недавно был съезд рядовых членов партии с. р., которые заявили, что они от своих вождей отказываются и входят членами нашей партии. И никто не обвиняет их за прошлое, тогда как бывших татарских левых с. р., которые перешли 4 года тому назад в нашу партию, обвиняют в их прошлом до сих пор; если мы им не доверяем — нужно исключить их из партии; если доверяем — то о прошлом нечего говорить. Об этом есть даже известный циркуляр ЦК.

Теперь, что предлагается нам в резолюции? В резолюции осуждение, исключение Султан-Галиева из партии. О нем я меньше всего буду говорить, и если упоминаю имя Султан-Галиева, то не как имя собственное, а как имя нарицательное. Кто-то в древности для того, чтобы попасть в историю, сжег ценное здание (ГОЛОС: Герострат). В данном случае Султан-Галиев сделал глупость, по-видимому, для того, чтобы внести себя в историю, — хотел сжечь ценнейшее здание, хотел предать Советскую власть,

о ему это не удалось, и, думаю, не удастся. Поэтому, нужно говорить не о Султан-Галиеве, а о султангалиевщине.

В другой части резолюции говорится о необходимости выращивания действительно коммунистических интернационалистических кадров из местных работников. Здесь есть двоякое упущение в прошлом: во-первых, об этом выращивании только сегодня мы вспомнили, после такого обжога; во-вторых, в этом же зале, под председательством т. Молотова во время IX съезда советов было сообщение секретарей губкомов, где мною было внесено предложение: признать необходимость изучения революционного движения среди народов Востока, для того, чтобы ЦК знал, с кем имеет дело. Почему? — Потому, что у нас в ЦК есть учраспред, а на практике мы видим еще один учраспред — это Татарское представительство, возглавляемое Султан-Галиевым, со своей кассой, со своими характеристиками, своими анкетами и т. д. Должен сказать, что такая инертность ЦК заставила иметь и другой еще, третий Учраспред, учраспред группы интернационалистической. Но разница между этим учраспредом и учраспредом султан-галиевским та, что султан-галиевский учраспред имеет средства, имеет возможность информации, имеет возможность посылать курьеров, а другой учраспред этих средств информации, возможности посылать курьеров не имеет.

Таким образом, должно быть поставлено внимательное изучение работников. Каким образом можно изучить работников, не зная, из какой среды он вышел, что из себя представляет данная народность: узбеки, татары, киргизы, Крым и другие народности? Как можно определить работника, не зная хотя бы поверхностно истории, самого краткого представления о революционном движении соответствующей народности? Но в большинстве случаев (конечно, ЦК было трудно), все делалось ощупью, и в силу этого, кроме официального законного учраспреда тов. Сырцова, существовал нелегальный, неофициальный

учраспред, который собирал даже эмигрантские силы куда-то бежавших от нас, который собирал их и распределял, давал им работу, образуя почти совершенно самостоятельную партию, лишь без вывески.

Теперь о реакции на великорусский шовинизм. Я должен здесь это понятие расшифровать. Многие т. т. говорят об этом говорится и в резолюции, предлагаемой т. Куйбышевым, что уклон к национализму до некоторой степени является реакцией на великорусский шовинизм. Тут нужно внести ясность, товарищи. Есть у нас группа работников, работающих в партийном и советском аппарате, активных работников, а есть масса, рабочая и крестьянская. Кто, откуда и как реагирует на великорусский шовинизм? По ком бьет великодержавный шовинизм? Это нужно разобрать. Если тот или иной работник с той или иной работы снят и нам это предлагают понимать как великодержавное наступление — это один вопрос. Но если определенно снимаются целые волости, целые уезды, целые губернии или целые города, населенные инородцами, сжимаются во всех отношениях великороссами — это будет действительно проявление великодержавия, проявление великодержавного шовинизма. Искоренение этого является задачей всей нашей партии. Что же касается отношения к тому или иному работнику — это дело учраспреда и Оргбюро. Нельзя смешивать ни в коем случае этих двух моментов.

Теперь о левизне. Я категорически возражаю против того, что некоторые т. т. констатируют наличие какой-то левизны. Среди народов Востока левее нашей партии нет никого. (голос: «А Бухарин?») Тов. Бухарин на XII съезде уже встал на общую платформу нашей партии в этом вопросе (смех).

Я заявляю, что могут быть отдельные личности, отдельные т. т. даже в этом зале сидит такой товарищ, который отрицает вообще существование национальных республик и говорит, что это излишне, что это буржуазно. (Го-

нос: Кто это?) — Один из восточных работников. Но это явление единичное. Если взять всю группу восточных работников, я должен заявить, что они нисколько не левее самой партии, они не левее постановлений съезда, они не левее циркуляров ЦК, они ни в коем случае не левее в общем и целом сущности нашей партии. Только в разговорах или письмах приходится пользоваться терминами: «интернационалисты» или «националисты». В данном случае интернационалисты являются лишь действительными членами партии без каких бы то ни было уклонов ни влево, ни вправо — и больше ничего. С другой стороны, мы имеем уклонистов, уклон которых доходит не только до уклона самого допустимого, естественного уклона, может быть, в силу исторических событий или уровня исторического развития данной народности, но уклона, который доходит до связи с басмачеством.

Я должен из практики работы Татарской Республики сказать, что там выполнение 103% продовольственной разверстки было истолковано, как грабеж татарского населения, произведенный так называемыми интернационалистами, «ставленниками Москвитии». Сначала мы думали, что это поповская агитация, но потом мы должны были убедиться в том, что это, к величайшему сожалению, была агитация членов Российской Коммунистической Партии. И вот тут нужно сказать: разве РКП в целом и в частности Великодержавия виноваты в том, что в Татарской Республике татарские деревни голодали? Разве это великодержавный шовинизм? Правильно, что во время проведения продовольственной разверстки неравенство некоторое было. В чем оно выразилось? В том, что русский крестьянин сажал капусту, сажал огурцы, собирал бураки и проч., а татарин, кроме лапши, ежедневно ничего не ест. У него нет огорода. Ежедневно на похлебку он фунт муки взбалтывает и ест, а русский имеет капусту. Разверстка на капусту не падала, а падала только на хлеб. Татарская семья ежедневно должна была тратить по фунту муки, что составляет де-

вать пудов муки в год. Таким образом, если считаться с экономическим уровнем, то с татарина фактически бралося приблизительно по продразверстке не девять пудов с каждой семьи, а больше. Нам скажут: что же вы молчали, что же вы не внесли поправки? Но для вас, присутствующих здесь, ясно яснее всего, что в 1918—1919 г.г. в разгар гражданской войны, в разгар наступления Польши и при том отношении крестьянства, какое было вообще тогда к Советской власти, вносить в две рядом стоящие деревни вопрос о том, что с русского брать столько-то, а с татарина столько-то, т. е. девять пудов оставить татарину на то, чтобы он лапшу варил, — это значит создавать еще одну национальную войну в деревне. Это было тогда недопустимо. Здесь глубокий корень — фактическое неравенство, трудно поддающееся учету в тогдашних условиях гражданской войны, тем более для аппарата Наркомпрода, работники коего почти совершенно не знали национальных отличий. Нельзя было русского крестьянина причислять к разряду кулаков только за то, что он сажает капусту. Но можно ли здесь обвинить кого бы то ни было? Обвинить интернационалистов, обвинить наш Наркомпрод, обвинить всю нашу партию? Ни в коем случае, — это было объективное условие, неизбежное во время такой горячей гражданской войны. Все это со временем пройдет, все это со временем должно возместиться, о чем у нас есть постановление авторитетнейшего органа нашей партии — съезда партии.

В результате мы должны сказать, что если члены нашей партии говорят, что данная продразверстка, проведенная определенным советским аппаратом по директивам партийной организации, толкуется как преступление, то значит в этом преступна вся партия, — мы идем дальше: в этом преступна вся Октябрьская революция, ибо без Октябрьской революции, может быть, не было бы блокады, без блокады не было бы таких страшных последствий голода, без гражданской войны, может быть, транспорт

ак не расшатался бы и мы имели бы возможность в годную семью скорее бросить продовольствие. Таким образом, разрешите констатировать, что все восстание против выполнения продразверстки было антикоммунистично, антиреволюционно, это было контрреволюционное выступление, это был протест против Октябрьской революции.

Ибрагимов. Тов. Саид-Галиев здесь уже довольно широко осветил вопрос о татработниках,—я хочу его немножко дополнить. Дело в следующем: движение, вылившееся в ту форму, о которой говорил здесь т. Куйбышев, выявлялось более или менее исторически. Если посмотреть на те движения, которые существовали среди народов Востока до революции, то мы ярким образом увидим ясно различаемые панисламистское и пантюркистское движение, после 1905 года только зародыши националистического движения и в 1905 году небольшую прослойку революционного движения. Более того: если посмотрим на постановку народного образования среди восточных народностей, то увидим, что учебные заведения возглавляли эти течения. Так, оренбургская школа возглавляла пантюркистское движение, уфимская — панисламистское. Таким образом, вы видите, что даже образование преследовало определенные течения, которые в корне неприемлемы для Советской власти и о которых, кажется, Султан-Галиев отзывается с большой похвалой и обвиняет коммунистическую партию в том, что мы боролись с этим панисламистским и пантюркистским движением.

Т.т., эти движения существовали в то время, как в рядах коммунистической партии после февральского переворота и в начале Октябрьской революции не было коммунистов из восточных народов, за исключением т.т. из Азербайджана (Баку), где были рабочие-коммунисты, которые работали еще в подпольное время, а также грузин и армян. Но среди других народностей — башкир, татар, киргизов — мы коммунистов могли бы пересчитать

по пальцам. И вот после Октябрьского переворота сторонники этих движений вошли и в нашу партию. Я помню первый съезд коммунистов народов Востока в 1919 году в Москве (Голос: это был второй съезд), где я, явившись в первый раз в среду коммунистов из народов Востока, встретил Султан-Галиева. Что он тогда говорил? Султан-Галиев тогда, в 1919 году, выставлял определенную программу организации восточной коммунистической партии, — это т. т. Шамигулов и Саид-Галиев подтверждали. Почему он тогда предлагал организацию восточной коммунистической партии с особой программой и т. д.? Поэтому что он и тогда не доверял Российской компартии, не доверяя тому, что она сможет довести так наз. бывшие угнетенные национальности до того положения, при котором они смогли бы раскрепоститься. Это недоверие было еще в 1919 году. Когда сегодня т. Куйбышев докладывает о том, что Султан-Галиев ведет контрреволюционную, антикоммунистическую политику, этому удивляться нечего. Саид-Галиев немного прав, когда он говорит, что есть прирожденные националисты. Возьмем Султан-Галиева. До революции он — сотрудник бакинской контрреволюционной, монархистского типа, газеты «Каспий». В 1917-м он вступает в партию, и что он делает, начиная с 17-го года? Вы думаете, он проводит политику классовой дифференциации нацменьшинств? Ничего подобного не было. Вы мне ни одной статьи Султан-Галиева не покажете (а он писал много), где бы он ясно и определенно написал, что необходимо постепенно ввести классовое расслоение среди трудящегося населения на окраинах. Этого ярким образом Султан-Галиев не высказывал. Более того — не так давно, когда в 1922 году возник вопрос, что среди татар (я беру татар, потому что они наиболее культурны и в экономическом отношении более обеспечены) необходимо повести классовое расслоение и осуждение привлечения в партию мелкобуржуазного элемента, Султан-Галиев встал на дыбы и категорическим

образом протестовал против этого пункта резолюции, предложенной мною. Почему? Потому что он до последней капли проникся мелкобуржуазной психологией. Эту мелкобуржуазную психологию он внес в нашу партийную среду, он противился классовому расслоению. Это вина Ултан-Галиева. И мы долгое время не могли среди татар, где имеется до 100 тысяч рабочих, которые в экономическом отношении более или менее обеспечены, которые общаются с русским населением, — мы не могли проводить этого классового расслоения. Тов. Рыскулов сегодня говорил: вы — левые коммунисты. Я не говорю того, что сказал выше, о Туркестане, я не говорю, что в Туркестане можно поставить ставку на рабочих. То же самое можно сказать и о Киргизии, — там нет пролетариата, там нужно дифференцировать деревню. Об этом нужно поставить вопрос. Но об этом стали говорить только на XII партийном съезде, а до этого молчали.

Тов. Рыскулов говорит о левых коммунистах, которые бежали к басмачам. Я, тов. Рыскулов, назову вам правых коммунистов, которые тоже проворовались. Возьмите целый ряд лиц, возьмите наркомюста Туркестана Ибрагимова, — эти лица были исключены из партии, и они были правыми коммунистами. О чем идет речь? Речь идет о том, что угнетенные национальности до революции не имели возможности примкнуть к социалистическому движению. Среди угнетенных национальностей до революции были движения антикоммунистические, панисламистское, пантюркистское и маленькая прослойка националистов и социалистов. Среди этих народностей нужно теперь повести работу. Как вы ее поведете? Неужели поведете, ставя ставку на кулака, на мелкую буржуазию? Этого вы не сделаете. Вопрос идет о том, чтобы поставить ставку на бедноту и через нее строить Советскую власть на окраинах. При чем тут левизна? Вы называете мое заявление левым, но об этом же говорят постановления партийного съезда. Если мы и теперь будем стоять на старой точке

зрения, что у нас бедноты нет, как Султан-Галиев говорил, что у нас рабочих нет, то мы должны будем блокироваться со всей мелкой буржуазией. Вот тот лозунг, о котором говорил Султан-Галиев. Мы этого блока признать не можем. Нужно согласиться в одном,— и тов. Рыскулов тоже согласится — если среди татар нужно проводить такую политику, о которой я говорил, то среди мелких национальностей Туркестана эту политику проводить нельзя. Это о чем говорит? Что угнетенные восточные народы, отсталые в культурном и экономическом отношении, отличаются друг от друга, поэтому среди них необходимо вести различную политику,— среди башкир одна, среди туркестанцев другая и т. д.

И когда здесь ставится вопрос о татарах, которые, повторяю, имеют 100 тысяч рабочих, нам говорят: — нельзя этого делать, это «левые» коммунисты.

Теперь, подходя конкретно к деятельности Султан-Галиева, я должен сказать, что здесь все-таки обошли эту деятельность, о ней мало сказали. Я должен сказать, что здесь фигурирует не только Султан-Галиев, если бы он был один, можно было бы не ставить этот вопрос так широко, достаточно было бы трибунала и, если надо, отравили бы в штаб Духонина, но надо сказать, что с Султан-Галиевым многие связаны. Если взять Татарскую республику, то там целая группа работников его поддерживает. За день до его ареста он избирается почетным членом комсомола, его фотографии фигурируют в казанских газетах. Если и в Казани таким образом стоял вопрос о Султан-Галиеве, значит, там есть султангалиевцы, которые его активно поддерживают. И вот о них надо сказать — могут ли они оставаться в рядах партии или нет? Я должен сказать, что тех из них, которые не признают ошибок Султан-Галиева, которые не заявят, что он является контрреволюционером, надо гнать в шею из партии. Нам таких работников не нужно. Не надо спекулировать на том, что у нас мало работников, что каждый ра-

ботник ценен и его из партии исключать нельзя. Нельзя так ставить вопрос. Мы должны привлекать трудящиеся массы молодежи, которая есть и которая дифференцируется.

Результаты работы Султан-Галиева вот какие: шел вопрос о борьбе с религиозными школами среди татаро-башкирского населения. И что же получается? Мы говорим, что татаро-башкирские массы настолько подготовлены, что они могут обойтись без религиозных школ и без преподавания религии в советских школах. Приходит Тарджиманов (член совета мусульманского духовенства) и заявляет: «будет восстание, надо разрешить преподавание». Султан-Галиев и Тарджиманов решают, что тут нужна какая-то особая и особая предосторожность, иначе ничего не сделаешь. В конце концов доходят вот до чего. У меня 25 приговоров, поступивших с мест. Они посылались по директиве из Москвы. Тарджиманов составлял проект резолюции (мы пришли к такому заключению, потому что все 25 приговоров похожи друг на друга), и отсылал его в деревню. В деревне по этому проекту принималась резолюция. Между прочим, из всех приговоров около 20 из Татарской республики, где лидером был Султан-Галиев. Я прочитаю вам требования, выставленные в этих резолюциях:

1. Разрешить преподавание догматов ислама всем возрастам, не ограничивая в летах и в количестве желающих учиться;

2. После новой экономической политики требуют вернуть помещения религиозных школ «народу»;

3. Не ограничивать деятельность Духовного Управления Внутренней России и Сибири, муфтия, казиев, мулл в смысле религиозного обслуживания населения отменить существующий декрет;

4. Отменить патенты на духовных лиц, мечети и т. д.

5. Разрешить учиться детям мусульман и моложе 18-летнего возраста;

6. Полная свобода религии ислама, так как она является основой культурного поднятия мусульман;

7. Создание отдельных религиозных школ (мектебов и медресе), полная свобода вероучения;

8. Предоставление муллам права распоряжаться следующими религиозными обрядами: а) венчание, б) развод, в) распределение наследства умершего;

9. Признание духовенства полноправными гражданами и юридическими лицами;

10. Прекращение всякого рода притеснений со стороны партии и советской власти;

11. Свобода печати — разрешить хотя бы один орган Духовному Управлению;

12. Признать Духовное Управление юридическим лицом.

Вот те маленькие требования, которые население выставляет. На приговорах имеются по 200 подписей; повторяю, больше 20 приговоров из Татареспублики.

Когда я говорю о школах, я думаю, что в Туркестане должна быть одна политика, в Татарии другая. В Татарии не должна преподаваться в школах религия, но говорят, что это «левый коммунизм». Если в этом смысле тов. Рыскулов обвиняет, то я не согласен. Если бы при существовании националистов не было интернационалистов, то может быть это дело было бы крупнее, был бы не один Султан-Галиев, а сотни. Значит, другое движение, левое, которое было направлено против так наз. правой части членов партии из народов Востока, было необходимым явлением.

Заканчивая, я должен попросить включить в резолюцию добавление о пересмотре состава работников окраинных республик. В резолюции это нужно включить. Состав башкирских работников необходимо пересмотреть, точно также и татарских. Персонально с ними нужно поговорить. Если эту дурость, которую развил Султан-Галиев, не выбросят из головы, нужно гнать из партии.

Теперь т.т., относительно речи тов. Рыскулова. Он все вел вот к чему: о Султан-Галиеве ничего не говорил, это движение не осудил, два письма обещал представить и больше ничего. В то же время он развивал очень интересную теорию, с которой отчасти можно согласиться. Он говорит: поскольку существует экономическое неравенство на окраинах, нужно поставить первой задачей это экономическое неравенство уничтожить и как будто бы в это время борьбы с местным национализмом не должно быть. Я с тов. Рыскуловым согласен, что национализм в окончательном виде ликвидируется тогда, когда будет экономическое равенство на окраинах. Но пока этого нет, Советская власть не может ликвидировать это неравенство в полгода, в год,— национализм на окраинах будет существовать. Что мы должны делать? Должны ли говорить, что Ибрагимов левый коммунист, головоотяп, не допускать его на окраины, или Рыскулова, правого, допустить? Должны ли об этом говорить или ничего не делать? Я думаю, что наряду с тем, что предлагает тов. Рыскулов, т. е., в части усиления работы в смысле экономического и культурного улучшения благосостояния окраинных республик необходимо проводить ту работу, о которой говорит и подчеркивает резолюция, предложенная тов. Куйбышевым,— борьбу с великодержавным шовинизмом и с местным национализмом. ЦК может выработать инструкцию, но ни налево, ни направо не пересаливая.

Шамигулов. Товарищи, сегодня вот с этой же трибуны говорили о том, что имеется в настоящей зале противник существующих мелких советских республик, об этом заявляет и Саид-Галиев. Я это слышал с 1917 г. Меня называли бухаринцем (смех). Я тогда выдвигал определенное положение. В то время я указывал тов. Сталину, что в тот момент нельзя было создавать таких республик, которые выдвигались со стороны Центрального Комитета. Это было личное мое мнение, во всяком случае я могу его на

совещании высказать, но я всегда подчиняюсь решению ЦК партии как член партии.

Я основывался на том, что в то время у нас не имелось революционного пролетариата, на который мы могли бы опереться во вновь создаваемых республиках, и мы не имели коммунистической партии, которая могла бы безусловно руководить, не имели таких товарищей среди народов Востока, которые могли бы стать во главе и вести работу. Я опасался в то время уже имевшихся националистов, которые начинали уже свою работу и которые в настоящее время открыты, доказательством чему авантюра Валидова, который немало морочил голову Советской власти.

Здесь со стороны ЦК оглашен материал, который лично мне и многим товарищам, принимавшим участие в этой работе, не представляется новостью. Мы заявляли в 1918 и 1919 гг. о том, что если ЦК будет ориентироваться на тех националистов, которые вышли из буржуазной среды, то, безусловно, он в них ошибется, что они пойдут потом против Советской власти. Я не хочу кого-либо упрекать в том, что взяли их под свое покровительство, но, безусловно, ответственные товарищи, члены ЦК партии как будто желали их перевоспитать, поставить на правильный коммунистический путь, забывая русскую половицу: «горбатого только могила исправит». А из тех националистов, которые существовали и будут существовать, безусловно, коммунистов не сделать.

Здесь был упрек со стороны тов. Рыскулова в том, что ради портфеля как будто кидаются в левизну. Я здесь укажу тов. Рыскулову и, вероятно, он не будет отрицать, что его весьма близкие друзья перешли на сторону белых, как напр., Усман-Ходжаев. В 1920 г. перед бегством башкирских работников, когда ЦК отозвал в советском порядке Валидова и в партийном порядке Юмагулова, были взяты материалы, составленные совместно с Валидовым и Султан-Галиевым на имя тов. Рыскулова и на имя тех чле-

нов правительства, которые должны совершить бегство, указание, куда обратиться в Туркестане, к тому захватить, — это указание было, безусловно, тогда послано Рыскулову. Таких материалов, безусловно, можно найти сколько угодно. До настоящего времени мало прислушивались к голосам, которые звучали здесь всегда на всероссийских партийных съездах, а также на совещаниях работников народов Востока, на них не обращалось внимания и не старались изучать тот материал, который представлялся ЦК о той или другой личности.

Организация, которая сейчас обнаружилась, безусловно, не является организацией, созданной лично Султан-Галиевым. Это, безусловно, имеет исторические данные и существует не с того момента, когда открылось в письме или тому подобных шифровках, посланных отдельным лицам, это существовало с самого начала февральской революции, после Октябрьской революции и до настоящего времени существует. Если мы согласимся с резолюцией ЦКК — дать Султан-Галиеву политическую пощечину, выгнать из партии, то этим мы заставим остальные элементы, бывшие в его группе, углубиться в подполье. Потом трудно будет найти их и вывести на чистую воду. Безусловно, настоящее совещание должно вынести решительную резолюцию: ни в коем случае не останавливаться не только перед тем, чтобы исключить Султан-Галиева из партии, но чтобы привлечь к ответственности остальных лиц, которые принимали в этом деле какое-либо участие. Если мы возьмем развитие нашего революционного движения, то увидим, что работники Востока терпели большой ущерб благодаря тем организациям, которые возглавлялись «коммунистами»-националистами, которые хотели вести работу подпольно, не давали возможности развиваться в коммунистическом направлении работникам народов Востока. Мы здесь можем, безусловно, открыто сказать: у нас очень мало, всего несколько человек только подпольников. Если бы ЦК сразу дал правильное направле-

ние делу коммунистического воспитания вновь вступающих членом трудящихся, татар, башкир и вообще восточных народностей, то, безусловно, подобных дел мы не встретили бы и нам не пришлось бы ему уделять столько внимания, как сейчас. Давно можно было бы изжить. Безусловно, тов. Ибрагимов отчасти прав, говоря, что не только коммунисты, которые вышли из народов Востока, называли нас головотяпами якобы из-за левизны, но даже и ответственные товарищи. Тов. Сталин мне однажды сам заявил: вы занимаетесь там головотыпством, так нельзя вести работу. Нельзя, может быть, по мнению тов. Сталина, вести борьбу с Валидовым и дать возможность ему организовать? Но я, стоя ближе, знал, куда он идет и тов. Сталину несколько раз на это указывал. Безусловно, тов. Сталин потом убедился в этом, когда отозвал Валидова, который спокойным образом скрылся и создает теперь фронты басмачества. Я знаю мнение Оренбургского и Уфимского губкомов, когда они требовали привлечения к строжайшей ответственности Валидова. Вот как раз я делаю сравнение: если мы и с Султан-Галиевым станем на такой же путь, на какой стали с Валидовым, которого вначале гладили по головке, то, безусловно, создадим потом фронт, который будет группироваться вокруг Султан-Галиева. Точка зрения Султан-Галиева — это кадетская точка зрения. Султан-Галиев руководит мусульманскими кадетами, которых выгнала с территории Советской России Красная Армия. К этой группе присоединяется публика, среди которой вы очень мало найдете рабочего класса, а все — интеллигенты, которые хотят быть у власти ради портфеля, а не ради идей коммунизма.

Я думаю, что совещание, безусловно, должно стать на этот путь, учитывая опыт прошлых пяти лет; если же оно станет на путь, который сейчас выдвигается Контрольной Комиссией, я думаю, это будет неправильно и будет сделана большая ошибка. Пора нам учитывать те ошибки, которые до настоящего времени совершаются. Многих пар-

ийных работников здесь упрекали в левизне, в стремлении к портфелю, но те товарищи, которые стоят на нашей точке зрения, на правильном коммунистическом пути и проводящие постановления партийных организаций, никогда не входили в блок с беспартийными, и только правые со всеми обнимаются и целуются, вплоть до контрреволюционеров. Отчасти и здесь есть пункт о том, что Контрольная Комиссия предлагает ЦК и в дальнейшем сделать пересортировку работников. Безусловно, выдвигаемые со стороны тов. Ибрагимова предложения ЦК должен осуществить. Если в дальнейшем нам придется встретиться с таким же положением, то оно примет гораздо более широкий масштаб, может охватить все восточные окраины. Целью организации Султан-Галиева, как это было указано в 1918 и 1919 году, было создание единого мусульманского государства. По дальнейшему обследованию этого дела, когда будет гораздо больше материалов, ЦК в этом убедится. Если Султан-Галиева выпустить сейчас, он гораздо сильнее возьмется за эту работу и те работники, которые до настоящего времени действовали, может быть, пассивно, получая шифр и давая информацию, вели частичную работу, уйдут в подполье и гораздо глубже поведут работу. Я думаю, что совещание не впадет в такую ошибку, какие мы делали до настоящего времени. Я здесь выдвигаю следующее: считаю вообще существование этой организации чисто контрреволюционным и приносящим ущерб развитию нашей коммунистической идеи среди трудящихся народов Востока, предлагаю применить самые суровые меры к Султан-Галиеву и ко всем остальным, принимавшим участие в этой организации. Если мы не будем принимать решительных мер, нам потом, безусловно, придется расхлебывать гораздо худшее.

Енбаев. Прежде всего разрешите представиться: я работник Татарской Республики, о которой такие страхи говорили предыдущие товарищи. Мне кажется, мы горячимся

несколько, подходя к вопросу таким образом, что выхватываем отдельные места, не делаем того, что тов. Куйбышеву хотелось в смысле углубления и изучения этого вопроса. Каждый товарищ старается сказать, что он был глубоко прав в своей прошлой работе, — приблизительно но такое впечатление получается.

Мне кажется, что материалы ЦКК по характеристике контрреволюционности поступка Султан-Галиева достаточны. Надо ли говорить о том, что добавочные материалы трибунального характера в какой-нибудь степени помогут нам в этом вопросе? Как упомянул тов. Куйбышев — вопрос этот весьма интересует и членов ЦК партии и каждого из нас. Но с такими справками из области ориентологии, которые делал тов. Ибрагимов, едва ли можно разрешить этот вопрос. Мы должны поставить вопрос таким образом: можем ли мы в конце концов допустить такое положение, когда партия рассыпалась бы по национальному признаку, стала бы приблизительно на положение австрийской партии? Были ли к этому предпосылки, насколько это было основательно, или этого не могло быть? И в этом случае, безусловно, нам приходится констатировать, что XII съезд предупредил то нервное состояние в среде работников коммунистов, которое мы все-таки наблюдали. Стоит ли вопрос в дальнейшем о такой расхлябанности и угрозе? Мы должны констатировать, что этого нет. Это первая постановка вопроса.

Очевидно, в предшествующих этому условиях и вырос этот одиозный вопрос — относительно Султан-Галиева. Конечно, вопрос развивался постепенно. Условия НЭПа были тревожны и кажущаяся тишина тоже крыла под собою мрачные факты. И то, что один из наших лучших товарищей споткнулся и опрокинулся, как это он сам признает, было именно благодаря этому моменту. В истории нашей партии мы имели такие явления в нередких случаях, именно — в переходные моменты. Возьмем восстание левых эсеров, Брест, Кронштадт. Мы видели, каким образом

очень крепкие товарищи очень быстро и очень шибко опрокидывались. В условиях НЭПа, очевидно, такая опрокидка тоже имеет место. В данном случае ошибка сделана и ошибка признана нашим лучшим товарищем самим же. Это нервное состояние в работе высказывалось у Султан-Галиева еще до этого момента. Мне пришлось беседовать с ним во время обсуждения вопроса о земельном законодательстве. Он показал мне свои стихи. Он писал об индусской песне и песне арабов, и когда он попросил моей рецензии, я сказал ему, что его настроение, безусловно, нехорошее и что оно к добру его не приведет. Я оказался пророком. Это нервное состояние, это покачивание выражалось в этих настроениях и ясно, что ошибка была допущена в такой мере, в какой товарищ в этом и сознается.

Что касается резолюции, то мне кажется, что она носит несколько трибунальный характер, не по существу, а по своей редакции, и, может быть, нам эту часть можно будет до некоторой степени и изменить.

Я хотел возразить некоторым товарищам, которые затрагивали вопросы левизны, правизны, продразверстки и т. д. Мне кажется, что товарищи бьют излишнюю тревогу и этим навлекают только на себя больше подозрений; а может быть, что-нибудь и было.

По части ориентации на тов. Троцкого, — это было сказано с определенным замыслом. В ориентации на тов. Троцкого никто из членов партии не изменял своего мнения.

Халиков. О работе Султан-Галиева, которую он проводил за последнее время, мне стало известно только перед отъездом сюда, но я знал, что он все-таки кое-какие работы ведет в Москве; на это я имел кое-какие основания. Во-первых, в свою бытность у нас во время съезда Советов он намекал, что мы, в частности я, не смело действуем, что мы солидаризируемся с русскими товарищами и т. д. Он предлагал мне быть потверже. Потом я получил от него небольшую записку, где он сооб-

щает, что наше, мол, выступление на X съезде Советов зря не прошло: все-таки ЦК принял решение о создании второй палаты. Кроме этого, там, в записке, особенного ничего не было. Но вместе с этим письмом, с одним и тем же курьером, он прислал письмо длинное, о котором говорил здесь тов. Куйбышев. Курьер, между прочим, сказал мне об этом письме, и мы его прочитали. Это письмо адресовано было другому товарищу. Там было изложено то, о чем докладывал тов. Куйбышев. Я прочитал это письмо и тут же усомнился, насколько правильно он освещает положение в центре; трудно было поверить, потому что он не является членом ЦК, не так близко стоит к нему, и каким образом он мог узнать те подробные прения, которые велись в ЦК. Являлась мысль, какие меры принимать, нужно ли что-либо делать по этому письму? Тут же я сказал, что, во-первых, этому письму доверять нельзя, а во-вторых, что-нибудь предпринимать по поводу этого письма тоже нет оснований. И я запиской ответил, что записку вашу получил, за информацию благодарю, но по этому вопросу конкретного мнения у нас нет, мы приедем на съезд сами и изложим свою точку зрения. Тем, казалось, дело кончилось. Но все-таки письмо имело подозрительный характер. Мы о нем ничего не говорили, потому что оно было очень секретно. Я говорю — эти вещи мне дали основания думать, что он кое-что делает.

Оказывается, после этого было послано шифрованное письмо и предлагалось связаться с беспартийными, создать организацию, потом связаться с Валидовым и т. д. Я не допускал, что дело могло дойти до того, что я потом узнал, а думал, что это отголосок того, что имеется у нас. А у нас зачастую имелись те или иные недовольства на почве проведения тех или иных мероприятий, вернее говоря, на почве нажима со стороны русских товарищей. На такие явления мы реагировали, но не таким путем, как делал Султан-Галиев. Мы писали многочислен-

ные письма в ЦК, писали, ездили и надоедали, и об этом на последней партийной конференции было указано представителем ЦК, что таких писем писать нельзя,— ну, мы и перестали. И я думал, что дело ограничится этим, но, оказывается, оно имеет очень глубокий характер. Это не то недовольство, которое нарождается на почве проявления великодержавного шовинизма, а имеет совершенно другой характер. Что значит связывается с Валидовым, с Духовным Правлением, связывается с Турцией и Персией? Это такие дела, о которых мы никогда не думали, и наше мнение, и мнение областного комитета, которое было принято единогласно, это то, что действия Султан-Галиева должны быть осуждены. В этом не может быть никакого сомнения.

Но здесь все-таки необходимо подчеркнуть то недовольство, которое нарождается на самом деле на почве того или иного нажима, на почве проявления великодержавного шовинизма, потому что при ликвидации этого дела нам нужно будет с этим считаться. Ведь дело не кончится одним только Султан-Галиевым, и здесь я должен сказать, что нельзя подходить к вопросу в плоскости того, что здесь были «правые» и «левые», что правые, мол, теперь попались в лице Султан-Галиева и их нужно крыть.

Не надо упускать то обстоятельство, что в различных республиках, не только в Башкирии, имеется недовольство как раз не на почве организации панисламистских организаций, а на почве того великодержавного шовинизма, который зачастую проявляется. Я не буду касаться тех разногласий и прений, которые велись в областном комитете, но для характеристики должен подчеркнуть, что у нас за последнее время на съезде Советов был представитель ЦК, который на пленуме съезда в присутствии не только беспартийных делегатов, но и беспартийной интеллигенции, которая сидела на задних креслах, заявил, что у вас есть башкирский национализм и башкирские националисты, которые мешают работе. Это можно заявить в

Областном комитете, в партийном кругу, но нельзя заявлять в присутствии беспартийной русской интеллигенции. Какой может быть наш авторитет в работе после такого заявления.

Позвольте отметить другого представителя, который приехал проводить областную конференцию. Он заявил в своей заключительной речи, что здесь, мол, в Башкирии, великодержавного шовинизма нет, здесь существует местный национализм, который мешает работе. Это было заявлено после того, когда секретарь областного комитета т. Нимвицкий говорил, что необходимо бороться с великодержавным шовинизмом и местным национализмом. После этого нельзя отрицать наличия русского шовинизма, которое должно было быть очевидным для представителя ЦК. Такое заявление я считаю неуместным. Но я не допускаю и ни один из наших товарищей не допускает, что такие заявления исходят от самого ЦК. Тов. Петерс это заявлял, конечно, от себя. Он присутствует здесь, он, правда, может внести ту или другую поправку, но когда он 90% стенограммы вычеркнул, тут уже документами не докажешь, а только живыми людьми. Это были выступления отдельных товарищей. В то время имелись у представителя ЦК в кармане тезисы т. Сталина, правда, они были еще напечатаны в черновике и не подписаны т. Сталиным. Но все же в эти тезисы не было внесено существенных изменений, когда они были опубликованы. Тов. Петерс мне показал то место тезисов, где осуждается местный национализм, но предыдущий пункт как раз глубоко осуждал великодержавный шовинизм. Все-таки т. Петерс в своей заключительной речи отвергал существование великорусского шовинизма в Башкирии. Правда, конференция была деловая, выдержанная, хорошая, но это не дает оснований заявлять, что нет русского шовинизма. Это в то время, когда на этой же конференции один товарищ, выступая, говорит, что башкиры не верят своим башкирским работникам, а больше верят русским, а другие в это время заявляют, что башкирам не язык нужен, а хлеб.

то дешевая демагогия. Мы знаем, что хлеб нужен не только башкирскому бедняку, но и русскому рабочему, и рабочему всякой национальности. Так шутить с этим вопросом неуместно.

Какие рецепты здесь предлагаются? Здесь в резолюции т. Куйбышева (которую я целиком одобряю, это, безусловно, резолюция уместная, хорошая) есть пункт о защите интернационалистов. Тут тов. Саид-Галиев расщиповывает. Существуют два учраспреда. У него выходит так, что помимо легального учраспреда ЦК существуют еще два учраспреда — учраспред Султан-Галиева и еще какой-то учраспред левой группы, по-видимому, это учраспред самого Саид-Галиева. Он говорит, что существовала и существует левая группа, которая боролась против правых и которую держали в загоне, называли головотяпами. Теперь он предлагает услуги этой левой группы для борьбы с правыми. Так подходить к вопросу все-таки нельзя. Мы не можем допустить группировок ни слева и ни справа. XII съезд этого нам не позволил.

Что значит создать слева группировку и особый учраспред, чтобы он помимо ЦК нелегально работал и вел борьбу с «правыми» восточными коммунистами? Мы не говорим, что они плохие коммунисты, но нельзя все-таки зачислять в группу националистов того восточного коммуниста, который защищает национальные интересы массы той или другой республики. Это вовсе не значит быть националистом. Этот товарищ может быть самым ярким интернационалистом. Быть интернационалистом не значит отрицать всякие национальности и т. д. Об этом говорил и XII съезд. При ликвидации этого зла мы должны принять это во внимание.

Затем мы должны обратить внимание на следующее явление. Нам тыкают в глаза: «валидовцы» — и больше ничего, тогда как год тому назад мы выпустили воззвание о том, что Валидов является ярким контрреволюционером, не только врагом Советской власти, но и башкирского

народа. (Голос: Это одно и то же). Мы не можем допустить никакой мысли о связи с Валидовым и мы с большим негодованием читали заметку о том, что Средне-Азиатское бюро его все-таки амнистировало. В туркестанских газетах такая заметка была. Какая может быть работа, какой может быть авторитет, если после того, как мы его клеймили контрреволюционером, врагом башкирского народа, Средне-Азиатское бюро его амнистирует и выпускает на территорию Советской власти? Я считаю, что резолюцию тов. Куйбышева надо принять, но не мешало бы соответственно корректировать то место, где говорится о выращивании и т. д., чтобы этот пункт не давал повода к созданию правой или левой группировки.

Фирдевс. Товарищи, я не имел чести никогда высказываться на всероссийских съездах и совещаниях, мое мнение другие товарищи путем информации передавали в ЦК. Я хочу высказаться, с одной стороны, по делу Султан-Галиева, с другой стороны — подчеркнуть общие моменты вопроса.

Товарищи топчутся по вопросу о Султан-Галиеве. Тут может быть две точки зрения. Одна — это дело идет в судебном порядке и тогда нечего было это дело ставить на совещание, и другая точка зрения — что оно идет как внутрипартийное дело — тогда этот вопрос может разбираться на этом совещании. Резолюция ЦКК, а также постановка вопроса ЦК говорят о том, что дело необходимо поставить и направить как внутрипартийное дело, отсюда должны исходить все рассуждения.

Здесь некоторые путали разные моменты из деятельности Султан-Галиева. Первый момент — вопрос о переписке с Валидовым, второй — о переписке с другими работниками. Это два разных вопроса. Султан-Галиев, связанный с Татарской Республикой и Башкирией, мог переписываться по вопросу о Валидове. С другой стороны, тут могла быть другая предпосылка. В свое время был организован переход башкирских частей на сторону Советской власти

путем нелегальной связи, с санкции ЦК партии, и эта работа была проведена через Султан-Галиева. Кроме того, Султан-Галиев личный товарищ по школе Валидова и происходит из Башкирии. Я хочу сказать, что идеологически у него могла быть определенная личная предпосылка к этим действиям, к связи с Валидовым. Насколько они незаконны с советской и партийной точки зрения — это другой вопрос.

Говоря о Султан-Галиеве в отношении его попытки связи с Валидовым, не нужно это распространять на Туркестан, на его переписку с Кавказом и с другими работниками, потому что он мог быть связан с башкирскими работниками по вопросу о Валидове, а с другими по другим вопросам, так что ненормально сваливать это в одну кучу. Я не могу допустить, чтобы он переписывался с Крымом по вопросу о Валидове. Этого быть не может. Вот вопросы, которые необходимо оттенить.

Мне непонятен протест тех товарищей, которые находят резолюцию ЦКК мягкой в отношении Султан-Галиева. Дело вот в чем. ЦКК не сделала абсолютно никакого анализа для подкрепления своей резолюции ни о работе Султан-Галиева, об официальной его работе, совершенно не коснулась также вообще обстановки, при которой султангалиевщина могла развиваться. Другие товарищи, которые выступали, сделали попытку набросать социально-экономический анализ обстановки. Мягкость в отношении Султан-Галиева объясняется отсутствием такого анализа, этим объясняется и выступление других товарищей, которые стремились характеризовать поступки Султан-Галиева, ссылаясь на «правых» или «левых», на «султангалиевщину» или «саидгалиевщину» и пытались дать объяснение тому, что происходит на Востоке. Эта точка зрения неправильна. Я думаю, что т. Халиков правильно говорит о том, что нельзя взять султангалиевщину как какое-то мерило все-российского масштаба. В резолюции ЦКК есть момент,

который вскользь говорит о том, что султангалиевщина могла создаться в связи с проведением национальной политики. А что это означает, ЦКК не расшифровала. Я лично думаю, что у нас вообще было в прошлом много абсурдов, много колебаний, много недоговоренности в отношении национального вопроса в нашей программе, область нашей конкретной работы по проведению политики на окраинах, — эта область, где больше всего сомнений и где труднее всего провести ту или иную выдержанную твердую линию. Если посмотрим в прошлое, то увидим, как в Башкирии, в Татарии, Туркестане, в особенности в Оренбургской губернии была борьба между работниками меньшинств. Была определенная группа работников, которые заявляли, что они «бухаринцы» и вели немилосердную борьбу со всеми остальными под левым флагом.

До XII партийного съезда в политике по национальному вопросу были большие колебания. Была декларативная платформа по этому вопросу и только XII съезд твердо, четко и конкретно подчеркнул наиболее основные моменты проведения национальной политики. До этого даже ответственные работники не имели твердой линии. Приведу следующее. Был момент, когда на верхах был поднят вопрос об упразднении Наркомнаца. По этому вопросу были определенные разногласия, причем вопрос в конце концов был разрешен в том смысле, что не время упразднять Наркомнац, что его можно распустить только тогда, когда будет другая соответствующая форма представительства автономных республик и областей. Сейчас настал момент роспуска Наркомнаца, так как имеется налицо другая форма представительства этих автономных республик. Я это беру как пример отсутствия полной четкости в деле проведения нашей национальной политики.

Я хочу указать еще на то, что подходить к восточным работникам и к развитию пролетарской революции на Востоке с таким трафаретом, как к рабочим Петрограда или

Москвы, не приходится. Я хочу подчеркнуть определенный момент нелогичности деления восточных работников на «левых» или «правых». Это является по временам абсурдом. Товарищи левые, вначале всячески упрекавшие правое крыло за то, что оно сближается с левыми эсерами (тов. Сталину известно, какую огромную борьбу нам пришлось вынести по этому вопросу), считавшие татарских левых эсеров контрреволюционерами, после вступления этих левых с.-р. в партию оказались с ними в союзе. Но где тут идеологическая предпосылка для союза? Конечно, нет никакой предпосылки.

Я еще хочу сказать по поводу выступления тов. Ибрагимова. Тов. Ибрагимов славился среди нас как ярый левый, каких мало на свете. Если рассматривать его происхождение, связь с Москвой и т. д., то это совершенно правильно. Но стоило товарищу Ибрагимову увидеть мираж престола, мираж трона в Крыму, как он изменил свою позицию. Мы знаем такой случай, когда тов. Ибрагимов мне не давал возможности работать ни в центре, ни в Татарской Республике. И вдруг он оказывается со мной в переписке и пишет ни больше, ни меньше как о том, чтобы подготовить почву для свержения бывшего своего сторонника Саид-Галиева, а если для этого нужен союз с беспартийными, то — собирай вокруг себя и создавай ядро. Материал об этом есть, он в ЦКК был в свое время мною передан. Я на это указываю не как на определенное преступление тов. Ибрагимова, а для того, чтобы подчеркнуть, что в этой кажущейся левизне или кажущейся правизне не было исторической логики, не было выдержанности. В один прекрасный момент эти левые оказывались самым капризным образом связанными с правыми и правые самым капризным образом перемешанными с левыми. Исторической выдержанности не было, не было даже выдержанной логичности. Это было возможно только по следующим причинам: национальная политика на Востоке наталкивалась на определенные препятствия. Препятствие было в

подыскании соответствующей формы в каждый отдельный этап революции. Эту форму очень трудно было подыскать. Я помню, как в первый год, когда я был в Крыму и не знал еще ни Султан-Галиева, ни постановки вопроса в центре, мною в Симферополе был создан Мусульманский Комиссариат по образу и подобию созданного в центре и на тех же основах, на каких был создан в Петрограде, в Москве, в Поволжье. Я хочу указать, как эти формы было трудно подыскать. Левые были против создания мусульманского комиссариата и оспаривали его необходимость. Дальше идет период борьбы с Колчаком. Возникает необходимость создания мусульманских частей. Левые отрицали необходимость создания этих частей. Если со стороны товарищей левых была определенная выдержанность, то она заключалась только в нигилизме, в анархизме. Они полагали, что никакого национального вопроса нет, все идет само собой, механически. Это неправильно. Все разногласия сводились к вопросу о том, какие формы соответствуют, какие формы приемлемы и какие неприемлемы.

Я кончаю, товарищи. Я хочу сказать, что выступившие здесь товарищи по вопросу о Султан-Галиеве, главным образом останавливались на его попытке связаться с Валидовым. Нечего распространять его связь с Валидовым на всю территорию Советской Республики, с кем бы только он ни был связан. Султан-Галиев занимал официальное положение, был связан с тов. Сталиным, был связан со многими другими. Я отлично знаю, что тов. Сталин выезжал на Кавказ отсюда, писал Султан-Галиеву письма и т. п. Поэтому связывать вопрос с теми, кто бы только ни приходил в прикосновение с Султан-Галиевым, нельзя. Попытка Султан-Галиева связаться с Валидовым — вопрос криминалистики. Если мы ставим вопрос как внутривластный, то этим исключается постановка вопроса в судебном порядке. Мы ставим вопрос об идеологических моментах, которые необходимо подчеркнуть. И если были идеологи-

ческие ошибки, если был уклон то вправо, то влево, то был уклон и к анархизму — со стороны левых товарищей.

Мухтаров. Товарищи, мне хочется остановить ваше внимание на некоторых моментах обсуждаемого вопроса для того, чтобы не могло создаться хоть тени односторонности под впечатлением речей некоторых товарищей. Ведь задачей совещания, как говорили т. Каменев и т. Куйбышев, является необходимость добиться взаимного понимания. А это понимание может ускользнуть, если удариться в односторонности и особенно если будем говорить не на тему.

Султан-Галиев до последнего времени в татарской среде был известен и популярен, как революционер-большевик. Он работал и в Красной Армии, и во многих пролетарских учреждениях на самых ответственных постах. И не случайно, как думает т. Орджоникидзе, он участвовал в формировании отдельных частей. Он участвовал в широкой работе и в самые критические минуты был вне каких-либо подозрений. Дальнейшая его работа и выдвижение до крупных постов здесь в Москве, где он состоял членом коллегии Наркомнаца и председателем Федкомзема, утверждает нас в убеждении, что не случайно объясняется нахождение его в нашей партии. Если таким образом мы устанавливаем неоднократно выраженное ему в процессе его выдвижения доверие партии, то, согласитесь, могло ли быть странным доверие к нему работников татар, башкир и других? По-моему, в этом ничего странного нет. Если мы категорически отмежевываемся от его контрреволюционного поступка, то все же мы не можем отрицать, что в период революционной его работы мы шли с ним и во многом он помогал революционному развитию среди нас.

Лично я считаю, что его преступление не может являться логическим завершением, как некоторые старались доказать, прирожденного его национализма. Здесь уже говорили, что такой теории и практики нет и не было.

Я думаю, и ЦК может подтвердить, что в прошлой деятельности Султан-Галиева выражений контрреволюции не наблюдалось, и мы, я заявляю, не видели их. Стало быть, момент зарождения преступления есть формация последнего периода и в этом меня убеждает та окружающая обстановка, которая была в период X съезда Советов и почти вплоть до XII съезда партии. Как писал Владимир Ильич, чуждый нам советский аппарат воспринял постановления X съезда Советов как ликвидацию всех самоопределений. А волна таких же чаяний прокатилась и по всей периферии. А в это время проведение вопросов национальных республик здесь не в пример осложнилось и затруднялось. На это много примеров, даже на практике сношений у Татареспублики. Взять хотя бы проведение земельного кодекса. Ведь пришлось апеллировать в Политбюро, чтобы добиться удовлетворения справедливых требований. И не зря тогда говорили, что необходимо на каждые двери Наркомзема приклеить вырезки из программы партии по национальному вопросу. В этот период создалась, таким образом, обстановка возбуждения. И на острие давления оказался, в силу своего положения, Султан-Галиев. И могло быть так, что независимо от логического хода мыслей он мог совратиться и совсем свихнуться с пути. Я это говорю отнюдь не в оправдание хотя на тысячную долю поступка Султан-Галиева. Еще раз заявляю, что его поступок мы резко и категорически осуждаем.

Дальше я должен остановиться на ошибочной оценке Татареспублики, как имеющей наличие националистичности, что связывается с преступлением Султан-Галиева. По-моему, это просто голословно. На чем зиждется это обвинение? На том ли, что Султан-Галиев писал письма татарским работникам (оговариваюсь — никогда ни об одном басмаче он нам не писал)? — на том ли, что Султан-Галиев использовал курьеров Татарпредставительства не по назначению? — или потому, что татарские работники встреча-

пись с ним в прошлой революционной деятельности? Невольно создается впечатление, что обвинение дано слегка, несерьезно. А обвинение очень тяжелое. Особенно, когда годами идешь в ногу в рядах партии, когда в самых трудных условиях налаживаешь не только работу в национальной республике, но и добиваешься дружного и взаимного понимания с русскими товарищами, когда хоть частично достигаешь сознательной поддержки Советской власти отсталыми татарскими крестьянами и, наконец, когда наши же воспитанники двух командных татарских курсов в Казани в полном составе сражаются в Бухаре против басмачей и удостоиваются наград и похвал высшего командования,— в этот момент обвинить в измене революции этих же татарских работников, простите, абсурдно. Тем более ЦК в лице секретарей (это подтвердит и т. Сталин) не раз одобрял нашу линию поведения и всю деятельность. Поэтому думаю, что надо было обследовать в начале нашу деятельность поближе и тогда делать выводы. А некоторые товарищи в своих сопоставлениях идут очень далеко и не к месту используют свое орудие. Они сваливают все в одну кучу,— как здесь, например, вытаскивали вопрос о бывшей борьбе левых и правых и старались спутать его с разбираемым вопросом¹.

Фрагменты документов, ждущих публикации... И комментарии к ним

«ГПУ СОМНЕВАЕТСЯ... СТАЛИН — НАСТАИВАЕТ...»

1) Из строго секретного «Заключения по делу Султан-Галиева», переданного 6 июня 1923 года Сталину лично начальником секретно-оперативного управления ГПУ Р. Мен-

¹ Выступления даются в сокращении.

жинским: «Достоверность некоторых важных сообщений одного из агентов (фамилия нами опущена.— Б. С.) вызвала сомнение. Например: сообщение о планах Султан-Галиева по установлению связей с турецким, персидским и афганским посольствами в Москве, поддержке басмачества и кое-что другое... Считая политически нежелательным расширение этого дела до рамок судебного процесса, а также принимая во внимание то обстоятельство, что в случае своего освобождения Султан-Галиев был бы в значительной степени политически обезврежен ввиду сделанных им компрометирующих признаний, ГПУ отнюдь не усматривает необходимости в продолжении дальнейшего заключения Султан-Галиева под стражей в случае прекращения дела».

Из выступления Сталина на Четвертом совещании через три дня после письма Менжинского: «...Султан-Галиев перешагнул из лагеря коммунистов в лагерь басмачей. С этого времени он перестал существовать для партии. Вот почему турецкий посол оказался для него более приемлемым, чем ЦК нашей партии». (И. В. Сталин, Собр. соч., т. 5, с. 303). Читатель, очевидно, обратит внимание на то, что вызвавшие сомнение начальника секретно-оперативного управления сведения о планах Султан-Галиева по установлению связи с басмачами и послами Сталиным преподнесены на совещании как установленный и бесспорный факт.

2) Из письма Султан-Галиева, направленного Измаилу Фирдевсу с одним из знакомых, едущим в Крым. Письмо было предварительно доставлено тем в Восточный Отдел ГПУ. Его копия поступила из ГПУ Сталину и Зиновьеву: «Недавно в центр в руки Сталину передано, как он мне пишет, одно из моих конспиративных писем... Но там ничего не было такого, из чего можно было бы сделать заключение о существовании в Москве подпольной организации валидовского типа, ставящей целью борьбу с партией... Пленум ЦК рассмотрел вопрос о Грузии. Гру-

инские работники, обиженные Сталиным, пожаловались Ильичу и последний будто бы оставил записку т. Троцкому с поручением защитить Грузию от Сталина. Троцкий выступил на Пленуме. В новый состав ЦК допущены и уклонисты в количестве 20—25 процентов во главе с Махарадзе. Один из уклонистов Мдивани отзывается, но одновременно отзываются и несколько «левых». Стоял вопрос об отзыве Орджоникидзе. Говорят, на этом весьма решительно настаивал Троцкий. Но его пока не тронули. В общем настроение центра довольно сильно изменилось. На съезде будет работать национальная секция. Я тоже получил право участия на съезде с совещательным голосом. Только позавчера получил выписку из постановления ЦК... Во что бы то ни стало постарайся приехать в Москву ко времени съезда. Можно будет пройти на секцию... Был большой бой между Федземкомом (мною) и Наркомземом по вопросу о поправках к Земельному кодексу по автономным республикам и областям. Дело дошло до Политбюро. Политбюро стало на точку зрения Федземкома. Если не приедешь, то пришли хотя бы свои соображения по нацвопросу. Используем... 9 апреля 1923 г. Сожги.»

3) Из письма Султан-Галиева наркому просвещения Башкирии Адигамову, переданного в Восточный отдел ГПУ в изложении по памяти секретным осведомителем. Март 1923 г. Султан-Галиев пишет о себе в третьем лице:

«После выступления Султан-Галиева на фракции X съезда Советов РСФСР на него начались гонения. Сталин во время личного разговора назвал его идиотом. Бройдо сознался, что письмо с предложением вывести Султан-Галиева из состава коллегии Наркомнаца он написал по предложению Сталина. Но Сталин все же задумался и внес проект создания двухпалатной системы... Во второй палате должно быть 69 человек. ЦК заседал шесть часов... Каменев, Калинин, Зиновьев были против второй палаты, боясь вражды между двумя палатами и согласны только на совещательную роль второй палаты. Сапронов против

второй палаты вообще. За это ему (в письме непарламентское пожелание.— Б. С.). Троцкий защищал проект Сталина. Проект принят и решено показать его Ленину. Боятся, что Ленин пойдет еще на большие уступки (В письме энергичное, непарламентское выражение в адрес тех, кто боится уступок Ленину.— Б. С.). Готовьте к съезду партии свое мнение, кладя в основу недопустимое деления на союзные и автономные республики».

За «кулисами» национальной политики

Из материалов Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК РКП(б), касающихся подготовки и рассмотрения вопросов, связанных с «делом» Султан-Галиева

1. 23 июня 1922 г. Оргбюро под председательством Секретаря ЦК В. Куйбышева поддерживает предложение Совещания зав. отделами ЦК о направлении Султан-Галиева на партийную работу в провинцию в числе «1000» мобилизованных коммунистов.

2. 7 июля 1922 г. в ЦК поступает письмо восьми постоянных представителей республик и областей РСФСР в Москве (Татарии, Чувашии, немцев Поволжья, Карачаево-Черкесской области Калмыкии, Башкирии, Туркестанской республики и Марийской области). В нем дается высокая оценка работы Султан-Галиева в качестве члена коллегии Наркомнаца, куда он был выдвинут от Совета национальностей. Выдвигается требование вернуть его на прежнюю работу.

3. 23 августа 1922 г. Оргбюро ЦК по предложению

Сталина утверждает новый состав коллегии Наркомнаца в составе Бройдо, Рыскулова, Султан-Галиева, Павловича, Клингера. 24 августа это решение утверждается Политбюро ЦК РКП(б). 20 сентября Оргбюро отзывает Султан-Галиева из Тифлиса для работы в Москве.

4. 5 января 1923 г. в ЦК поступает письмо замнаркома по делам национальностей Г. Бройдо со ссылкой на мнение Сталина о необходимости освобождения Султан-Галиева от должности члена коллегии. Мотивируется это неправильным выступлением Султан-Галиева на фракции X съезда Советов РСФСР, а также на заседании большой коллегии Наркомнаца в присутствии беспартийных. Это предложение поддержали Дзержинский и Куйбышев. Воздержались Рыков и Андреев. 11 января Оргбюро под председательством Куйбышева принимает решение осудить выступления Султан-Галиева и считать нецелесообразным его работу в Наркомнаце. Выполнение решения Оргбюро поручает Сталину.

5. 7 февраля Бройдо в новом письме со ссылкой на беседу Султан-Галиева со Сталиным просит Оргбюро отменить решение об освобождении Султан-Галиева от работы в Наркомнаце. 15 февраля Оргбюро отменяет свое постановление от 11 января.

6. 28 марта Политбюро ЦК РКП(б) обсудило поправки к земельному кодексу РСФСР и разногласия между Федземкомом Наркомнаца и Наркомземом РСФСР. Предложения Наркомзема ограничивали права автономных республик в распоряжении земельным фондом. В обсуждении вопроса участвовали Смидович, Месяцев, Бройдо и Председатель Федземкома Султан-Галиев. Политбюро поддержало предложения Султан-Галиева о расширении прав республик в использовании земельного фонда на своей территории. На этом заседании Сталин передал Султан-Галиеву записку, в которой упрекал его в нелегальной работе против национальной политики партии и создании организации «типа валидовской».

7. 5 апреля Политбюро утверждает список участников национальной секции предстоящего XII съезда РКП(б). В их числе Султан-Галиев.

8. 4 мая ЦКК исключает, а Оргбюро утверждает решение ЦКК об исключении Султан-Галиева из партии и передаче его в ГПУ. 10 мая это решение утверждает Политбюро. 18 мая Президиум ВЦИК освобождает его от должности Председателя Федерального Земельного Комитета Наркомнаца.

9. 19 мая Политбюро обсуждает дело Султан-Галиева. Принимается решение созвать «недели через две» совещание, на которое пригласить «по два товарища националов» по возможности «антиподов». Обсудить на нем дело Султан-Галиева, использовать совещание для изучения положения дел на окраинах и обратиться с письмом от имени ЦК. Политбюро поручило ЦКК обсудить вопрос об освобождении Султан-Галиева от ареста. На заседании Политбюро отсутствовали Ленин и Сталин. 21 мая Политбюро утверждает список приглашенных на совещание и расширяет его. В первую очередь приглашаются работники из тех республик и областей, «где были трения». На места разосланы материалы о конфликте в марийской партийной организации. Освобождение Султан-Галиева отложить на два дня. 21 мая ЦКК обращается в Политбюро с предложением не освобождать Султан-Галиева и поручает доложить об этом Ярославскому. На Совещании национальных работников по делу Султан-Галиева от ЦКК поручается выступить Куйбышеву.

10. 21 мая Ф. Дзержинский сообщает в ЦК и ЦКК, что отказывается от порученного ему руководства расследованием дела Султан-Галиева и передает его Менжинскому. Мотивирует отказ перегруженностью. Отказ от поручения написан Дзержинским на бланке наркома путей сообщения. Не исключено, что Ф. Дзержинский, только недавно вызвавший гнев Ленина своей «просталинской» позицией в грузинском деле, просто не захотел связываться с но-

вым сомнительным делом «националов». Тем более здоровье Ленина летом 1923 г. улучшалось и становилось вполне реальным его возвращение к политической жизни в полном объеме. В этом случае ряду политических деятелей, и в первую очередь Сталину, Орджоникидзе и Дзержинскому пришлось бы держать ответ за свои ошибочные действия в национальной политике.

11. 22 мая помощник Сталина А. Назаретян направляет всем членам и кандидатам в члены Политбюро письмо-исповедь «Кто Я?», законченное Султан-Галиевым 19 мая во внутренней тюрьме ГПУ на Лубянке. Письмо на 80 страницах адресовано Сталину и Троцкому. Назаретян просит от имени Сталина срочно дать заключение по фактам, изложенным в письме к заседанию Политбюро 24 мая.

12. 24 мая Политбюро вновь обсуждает дело Султан-Галиева и вопросы, связанные с проведением совещания национальных работников. Список приглашенных дополняется 15 секретарями областных партийных организаций русской национальности. Обсуждается линия поведения членов ЦК на совещании. Сталин утверждает докладчиком на совещании. ГПУ дается двухнедельный срок для окончания дела Султан-Галиева с докладом результатов на заседании Политбюро.

13. 14 июня Политбюро заслушивает на своем заседании доклад Менжинского о результатах расследования дела Султан-Галиева. Дело Султан-Галиева, получившее в ОГПУ кодовое название «2-й парламент», позволило собрать «компрометирующий» материал и на ряд других лидеров национальных республик, которые были использованы позднее. Менжинскому поручается ускорить освобождение его из-под ареста. 19 июля Султан-Галиев освобожден из-под ареста.

14. 4 июля Пленум ЦК утверждает по докладу Каменева резолюции 4-го совещания.

15. В начале сентября Сталин принимает Султан-Галиева. Ему рекомендуется подать заявление о восстановлении

в партии через год, а до этого выступить в «Правде» с признанием своих ошибок и критикой национал-уклонизма. Сталин обещает поддержать возвращение Султан-Галиева в партию.

16. Сентябрь 1924 г. Султан-Галиев подает заявление в ЦКК о восстановлении в партии. В деле Султан-Галиева есть записка Ярославского Шкирятову, датированная ноябрем: «Резолюции на отдельных бумажках т. Сталина, который звонил мне перед отпуском, чтобы считал необходимым решить в указанном смысле вопросы об этих товарищах». Из последующего видно, каким было содержание резолюции Сталина и в каком «смысле» он считал необходимым решить вопрос Султан-Галиева.

15 декабря Президиум ЦКК по докладу Петерса принимает постановление: «Ввиду того, что Султан-Галиев за время своего пребывания вне партии ничем не доказал, что он действительно признал свою ошибку и не делал никаких попыток к тому, чтобы эту ошибку публично перед лицом всей партии опровергнуть — отклонить его просьбу о восстановлении его в правах члена РКП(б)». 2 января 1925 года Оргбюро под председательством Кагановича принимает постановление об утверждении решения ЦКК.

16 мая 1923 г.
Сов. секретно.

**Пред. СНК т. Мухтарову
Копия секр. Татобкома РКП тов. Живову**

В ответ на Ваше заявление от 8 мая с/г сообщаем Вам для сведения:

1. Постановлением ЦКК от 4-го мая с. г., с которым ЦК РКП согласился, Султан-Галиев исключен из партии с устраниением от всех ответственных советских постов.

2. Дальнейшее расследование по делу Султан-Галиева передано постановлением ЦКК в ГПУ.

Секретарь ЦК В. Молотов

ПАТР, ф. 15, оп. 1, д. 857а, л. 141.

**Выписка из протокола № 48/6 заседания Президиума ЦКК
от 15 декабря 1924 г.**

Слушали:

**Заявление Султан-
Галиева.
(т. Петерс)
прис. Султан-
Галиев**

Постановили:

Ввиду того, что Султан-Галиев за время своего пребывания вне партии ничем не доказал, что он действительно признал свою ошибку и не сделал никаких попыток к тому, чтобы эту ошибку публично, перед лицом всей партии, опровергнуть — отклонить его просьбу о восстановлении его в правах члена РКП(б).

Секретарь ЦКК

См.: ЦПА ИМЛ, ф. 6, оп. 2, д. 3771.

Справка т. Ярославского об антипартийной и антисоветской деятельности членов РКП(б):

- 1) Мухтарова Кашафа — члена Коллегии Наркомздрава
- 2) Енбаева Арифа — члена Правления «Всекопромсоюз»
- 3) Мансурова Гасыма — проректора Ин-та Этнических культур Востока
- 4) Сабирова Рауфа — зам. зав. п/отд. нацмен ВЦИКа
- 5) Фирдевса Исмаила — инструктора Наробраза
- 6) Дерен-Айерлы Османа — б. пред. СНК Крыма, ныне слушателя курсов марксизма

Материалами ОГПУ по делу Вели Ибрагимова, Крымской к-р. организации «Милли-Фирка», Султан-Галиева и др. устанавливалось наличие в Москве центра в составе: Мухтарова, Енбаева, Мансурова, Сабирова, Фирдевса и Дерен-Айерлы, руководившего антипартийной и антисоветской деятельностью т. н. «правых» коммунистов в Крыму, Татарии и связанной с ними беспартийной интеллигенцией.

По всем вопросам партийно-советской работы в этих нац. районах — Московский центр имел специальные суждения вместе с представителями мест (приложение № 1), выносил определенные решения и в качестве директивы передавал местам, одновременно, путем использования своего служебного положения, принимая меры к надлежащему проведению своих вопросов через высшие партийно-советские инстанции. В круг этих вопросов входили: земельный вопрос в Крыму, вопросы переселения и расселения татар, вопросы землеустройства трудящихся евреев в Крыму, вопросы латинизации тюрко-татарского алфавита, вопросы индустриализации и культурного строительства в тюрко-татарских районах, вопросы внутрипартийной борьбы в Татарии и Крыму и т. д.

Эти решения Московского центра передавались на места, где и проводились в противовес линии партии и Соввласти местными организованными группами сторонников Моск. центра, состоявших из т. н. «правых» таткоммунистов и б/партийных националистов, имевших, как например в Крыму, свою подпольную к-р. организацию «Милли-Фирка», действовавшую по директивам Москв. центра через тех же «правых» коммунистов и работавших в советском аппарате националистов.

Здесь же нужно отметить, что «М-Ф» одновременно со связями с Моск. центром через «правых» имела связи и получала руководство от тюрко-татарской эмиграции в Константинополе, куда посылала соответствующую информацию о положении дел, различные, добываемые через «правых», государственной важности секретные документы и т. д. (приложение № 2). В практике эта антипартийная и антисоветская работа доходила до фактов прямого устройства членами партии, под воздействием миллифирковцев, заведомых шпионов на советскую службу (приложение № 3), укрытия от партии и соответствующих органов разыскиваемых бандитов (приложение № 4), преследований, издевательств и террора над беднотой (дело Вели Ибрагимова, убийство Челека, самосудные комиссии, комиссии «по борьбе с бандитизмом» и пр.).

Кроме этого, наряду с крымской «М-Ф» и руководимыми Моск. центром группами «правых» таткоммунистов — в Татарии, Москве, Астрахани, Мерве и Ташкенте существовали подпольные кружки националист. молодежи, связанные с членом Моск. центра Султан-Галиевым и руководимые им через устроенного другим членом Моск. центра Енбаевым разъездным инструктором во «Всекопромсоюз» Бакиева. Эти кружки в своей к-р. работе дошли до выпуска антисоветских воззваний (приложение № 5), анонимных писем с угрозами террором секретарю Татобкома т. Разумову (приложение № 6), нелегальной

посылки отдельных членов в Турцию (приложение № 7) и т. д.

Во всей этой антипартийной и антисоветской работе Моск. центр исходил из основных установок Султан-Галиева: 1) преобладание великодержавного шовинизма в партийно-советской практике в нац. районах; 2) необходимости отсюда объединения национальных сил для борьбы с великодержавным засилием в виде создания партии восточников (из коммунистов и б/партийных националистов); 3) неизбежности поражения Советского Союза в силу внутренних противоречий или в результате столкновения с капиталистическим миром и необходимости отсюда своевременного оформления и укрепления партии восточников и создания IV колониального интернационала; 4) необходимости всей этой работы по созданию партии восточников и IV колониального интернационала для создания т. н. Туранского буржуазно-демократического государства после распада СССР и организации борьбы колониального Востока против метрополий (Запада и «красного империализма»).

Эта программа Султан-Галиева (приложение № 8), с которой были знакомы Мухтаров, Енбаев, Дерен-Айерлы и др. члены Моск. центра, в своей практической части на сегодняшний день ставила задачей собирание сил под флагом борьбы, стопроцентного проведения решений партии по нац. вопросу, мобилизации общественного мнения нац. районов против великодержавно-шовинистической практики партийно-советской работы в нац. районах, внедрение своих людей в партийно-советский аппарат, использование оппозиции для борьбы с партией (переговоры Сабирова с Бабаханом и Мансурова с Зиновьевым, Сафаровым) и т. д.

В борьбе за проведение этих задач текущей работы Моск. центр и его сторонники на местах доходили не только до создания групп, фракций и разложения партийно-советского аппарата, но даже до проведения специаль-

и
то
ив
р
о
о
бы
с-
в);
лу
с
е-
ов
о-
и-
н.
о-
о-
а-
о-
и
а-
и
г-
е
е
а
и
ы
е
-

ных политических кампаний против мероприятий партии и в масштабе не только одного нацрайона, но и всех тюрко-гатарских республик (кампания за освобождение Муслюмова в Крыму, кампания против переселения трудящихся евреев в Крым, кампания против нового тюркского алфавита и пр.).

На основании этих материалов ОГПУ, Комиссия ЦКК потребовала объяснений от Мухтарова, Енбаева, Мансурова, Сабирова и Дерен-Айерлы, предъявив им, каждому в отдельности, все вопросы сначала в общей форме. (ФИР-ДЕВС вызван из Ростова и пока не явился). На первичные вопросы комиссии только Дерен-Айерлы открыто подтвердил правильность поставленных вопросов, прямо заявил о том, что он вместе с «М-Ф» и в составе ее руководящего ядра, а потом и в составе Моск. центра, вел на протяжении ряда лет к-р. работу, дал и даст подробное изложение этой работы и просит сохранить его в партии с тем, чтобы он на какой угодно работе смог доказать свою преданность партии и исправить прошлые ошибки. Сабиров сначала категорически отрицал все поставленные ему вопросы и лишь под давлением документов принужден был признать достоверность указываемых фактов, давая им соответствующие невинные объяснения. Мухтаров, Енбаев и Мансуров категорически отвергли предъявленные вопросы, отказались признать достоверность предъявленных документов, причем даже сделали прямые намеки об изготовлении их в лабораториях ГПУ и в заключение недвусмысленно указали на то, что их делом должен заниматься Центральный Комитет и вся партия, с участием работников-националов, путем созыва нац. совещания, а не комиссия ЦКК.

Таким образом, несмотря на решения IV нацсовещания ЦК ВКП(б) по вопросу о Султан-Галиеве и султангалиевщине, указанные члены партии не только не порвали с ним связи, но до последнего времени вместе с ним вели подпольную антипартийную и антисоветскую работу и, когда

партия потребовала объяснений, основная тройка — Мухтаров, Енбаев, Мансуров — выступила не только с голым отрицанием, но и организованной группой с обвинениями против самой комиссии ЦКК.

Ярославский

5 августа 1929 г.

Верно: Сухова

См.: ЦПА ИМЛ, ф. 6, оп. 2, д. 3771.

КОММЕНТАРИЙ К НИЖЕСЛЕДУЮЩЕМУ

В декабре 1939 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Мирсаида Султан-Галиева к расстрелу. В последнем слове он заявил, что отрицает свою причастность к шпионажу, террору и диверсиям. На вопрос, почему же он подписал такие показания, подсудимый ответил, что сделал это «после семидневного конвейера в Казани, осенью 1937 года».

Публикуемые ниже письма дают представление не только о «конвейере», но и об атмосфере конца 1937 года, когда «ежовщина» дошла до своего пика и грозила уже «демонтажем» всей системы управления страной. Ведь «Черное озеро», о котором пишет И. И. Курников, имелось в каждом крупном городе, области, республике.

Письмо-инструкция В. Михайлова своему подручному М. Шелудченко — документ уникальный, откровенно и цинично раскрывающий закулисную сторону репрессий, их планирование, методику выбивания «признаний» и даже способы «перевыполнения плана» по арестам. Упоминается в нем и Султан-Галиев и его вечный оппонент Сагидуллин. Оба антагониста оказались в одном застенке.

Несколько слов о судьбе некоторых лиц, упоминаемых в этих письмах. Все названные Курниковым «исчезнувшие» руководители республики были расстреляны. Сам он уцелел чудом. Возможно, потому, что когда в мае 1938 года выездная сессия Военной коллегии в Казани приговорила к смерти большинство из оставшихся еще в живых арестованных ответработников, Курников находился в больнице.

В. Михайлов, М. Шелудченко — нарком и заместитель наркома НКВД Татарии и три начальника отдела Наркомата были арестованы в мае 1939 года. В стране начинался процесс ликвидации «ежовцев», на которых Сталин и новый шеф госбезопасности Берия свалили все злодеяния 1937—1938 годов. Их обвиняли в фальсификации дел. Арестованные оправдывались, ссылаясь на указания вышестоящих инстанций. М. Шелудченко в письме на имя Сталина особо подчеркнул,

то он пытал того самого Султан-Галиева, который был разоблачен
вождем еще в 20-е годы. В феврале 1940 года та же самая Военная
коллегия ВС СССР приговорила Михайлова и Шелудченко к расстре-
лу, а остальных к длительным срокам заключения. Обоих расстреляли
2 февраля, а 4 февраля был казнен и Н. И. Ежов — бывший желез-
ный сталинский нарком. А. Алемасов к ответственности не привле-
кался. Умер персональный пенсионер Союзного значения в начале
70-х.

**Из письма члена КПСС с 1920 года И. И. Курникова
в Центральный Комитет КПСС
товарищу Брежневу Леониду Ильичу**

По существу могу изложить следующие факты, под-
тверждающие антипартийную, контрреволюционную сущ-
ность деяний в практике работы Алемасова в Татарской
партийной организации.

Алемасов А. Ф. прибыл в Татарию на должность нар-
кома внутренних дел что-то в июне-июле мес. 1937 г. на
смену Гарину В. Н.

Находясь на этом посту наркома внутренних дел ТАССР
и не зная кадров нашей республики, Алемасов с первых
же дней своей деятельности приступил к их разгрому и
физическому уничтожению.

В августе месяце 1937 года Алемасов назначается
Центральным Комитетом ВКП(б) первым секретарем Та-
тарского обкома ВКП(б), на котором присутствовал Ма-
ленков. Г. М. Маленков охарактеризовал Алемасова как
верного сына партии, славного чекиста, что уж он-то,
Алемасов, наведет порядки в Татарской партийной ор-
ганизации и выкорчует буржуазно-националистические, пра-
во-троцкистские и бухаринские кадры, свившие себе гнез-
до в Татарской организации. Сколько времени в эту свою
поездку Маленков находился в Казани, не знаю.

Лично я, Курников, пытался объяснить с Маленковым,
как с представителем ЦК ВКП(б), по массовым арестам,
проводившимся уже в то время большими количествами, в

моим представлении не вызывавших сомнения в честности и большевистской преданности людей. Но от какой бы то ни было беседы со мной Маленков отказался. «У Вас новый секретарь, помогайте ему и разберитесь с ним». Маленкова я лично знаю очень давно, как по его работе в аппарате ЦК ВКП(б), так и проживанием с ним в одном доме (площадь Свердлова, 20, дом Советов, 1926—1930 гг.), и о нем у меня остались впечатления как о гимназисте, никогда не бывшем на низовой партийной работе, как интригане. Если потребуются для Вас факты, то смогу о них написать отдельно.

Алемасов, вступив в должность первого секретаря Татарского обкома ВКП(б), начал громить пачками кадры Татарской большевистской организации.

Были арестованы: все до единого члены бюро и кандидаты в члены бюро, все до единого заведующие, заместители, если не все, то почти все инструкторы обкома ВКП(б). поголовно арестован Совнарком со всеми его наркомками и руководителями комиссий Совнаркома. Почти все секретари городских и сельских районных комитетов партии, председатели, заведующие отделами Казанского горисполкома. Большинство директоров фабрик, заводов, совхозов и МТС, комсомольские работники, работники профсоюза, очень много военных. Не обошлось без ареста даже рядовых рабочих коммунистов и беспартийных. Все казанские тюрьмы были уплотнены, без преувеличения, как сельди в бочке, живыми людьми, по оценке многих коммунистов, сидевших в казанских тюрьмах, церквях, приспособленных под тюрьмы, в колониях, превращенных в спецзаки особого назначения, по крайней мере, как оценивали десятки тысяч людей. И всей этой массе, как коммунистам, так и беспартийным, предъявлялись обвинения в контрреволюционной деятельности, на свержение Советской власти и тому подобных ужасных вещах, к которым абсолютное большинство были не причастны.

Я лично, работая в Татарской партийной организации с

ти марта месяца 1935 года по день ареста 26-го сентября
го 1937 года в качестве заведующего промышленно-трансп
портным отделом Татарского обкома ВКП(б), на совме
рабочих, сам рабочий, на партийной и комсомольской ра
ботах находился с 1920 года по день ареста, никаким пар
тийным взысканиям не подвергался, был участником XIV,
XV, XVI, XVII съездов ВКП(б), нескольких Всесоюзных пар
тийных конференций, нескольких съездов ВЛКСМ.

Алемасов был назначен секретарем Татарского обкома
ма, когда уже большинство работников обкома ВКП(б)
были арестованы, я еще продолжал работать в обкоме.
Готовился областной партийный актив, кажется, 19 сеп
тября 1937 года в клубе им. Менжинского. Перед этим
Алемасов несколько раз беседовал со мной, провоцируя
меня на выступление на указанном активе с разоблачи
тельной речью против уже репрессированных работников,
предлагая отмежеваться от них, как от врагов народа,
разоблаченных органами НКВД, бичуя себя в притуплении
большевистской бдительности, как человека, не сумевше
го познать враждебное окружение и тому подобных па
костях. Если с такой речью я выступлю, то я буду сохра
нен на работе в обкоме и даже буду продвинут на боль
шую должность. Я заявил Алемасову, что, безусловно, на
партийном активе я должен выступать и буду выступать
с речью, которую я найду нужной, но не с провокацион
ным выступлением. Он, Алемасов, заявил мне: «ты рабо
чий человек, здесь, в обкоме, окружение все было не ра
бочее, тебя окружала всякая сволочь, которая разоблаче
на наркомом внутренних дел и письменно призналась в
своей контрреволюционной право-троцкистской деятель
ности, что она вела работу, направленную против Совет
ской власти, против народа. Неужели ты подвергаешь
сомнениям действия органов НКВД?»

На партийном активе 19 сентября 1937 года было мне
предоставлено слово руководившим ходом актива Але
масовым, но говорить по существу мне Алемасов не да

вал, перебивая различными репликами: «Расскажи о своих связях с разоблаченным врагом народа начальником Казанской железной дороги Базеевым, немецким шпионом Яковлевым, бывшим начальником ТЭЦ № 2, ныне проживающим в г. Ступино Московской области, ул. Северная, дом № 23/2, кв. 72, националистом Харисом Мратхузидным» и т. п. мерзости.

Заместитель наркома внутренних дел Зедин ничего умного не нашел задать: «Выпиваешь с кем и сколько», и вот такими подобными провокациями мне не дали высказаться по существу, а сам Алемасов обращался неоднократно в аудиторию, что надо прекратить выслушивать эти антипартийные выступления Курникова и поручить бюро разобраться в его партийности. Что и принял актив.

Дня через два или три, т. е. 21 или 22 сентября 1937 года под диктовку Алемасова я был исключен из партии, а 26 сентября 1937 года был арестован и увезен после тщательного обыска на моей квартире во внутреннюю тюрьму НКВД. В камеру я был втолкнут пятым. Трое мне были знакомы, это нарком местной промышленности Ганев А. Г., Беус, редактор газеты «Красная Татария», Атласов, о котором я много слышал, в прошлом правый эсер, член II Государственной думы, и один какой-то немец, по фамилии Шмидт, обвиняющийся в шпионаже.

Вполне понятно, как только я оказался в камере, хотя и было часа 2—3 ночи, меня забросали различными вопросами и сами рассказывали о чинимых в этих застенках злодеяниях против нас, коммунистов, применении физических методов, насилия и пыток. Я с возмущением отвергал и не верил этим рассказам, а утром 27 сентября 1937 года меня подняли на 3 этаж в комнату следователя Царевского Сергея и вот тут-то с первой минуты я познал все приемы фабрикации дел, когда из нас, честных, преданных партии Ленина людей, делали врагов народа, контрреволюционеров, троцкистов, правых и прочих. Сидеть не давалось под физическими воздействиями, пища

и вода запрещена. В камеру меня спустили на пятые сутки уже с одеревеневшими ногами, под утро, числа не помню. И так продолжалось, так называемое следствие по делу право-троцкистской организации. Тогда была шестидневка, и вот с первого дня шестидневки до позднего утра шестого дня упражнялись надо мною следователи: Царевский С., Гришечкин и курсанты школы НКВД, которые при их переутомлении сменяли Царевского и Гришечкина. Пищи нет до очередного выходного дня. Попытка воспользоваться водой приводила к избиениям. Так продолжалось по 4 ноября 1937 года. Ноги, обе конечности, уже не только отекие, но ступни и между пальцев, подошва истрескались, кровоточат. Начался гангренозный процесс обеих ступней ног, сам весь в окровавленных струпьях, мед. помощи никакой до января-февраля 1938 г. и лишь после перевода из внутренней тюрьмы НКВД в плетневскую тюрьму, через месяц-полтора увезли-унесли на носилках в тюремную больницу, пролежал полтора-два месяца.

Гангренозный процесс продолжается, реальна угроза ампутации обеих ног; садист Басин, начальник тюремной больницы, дает заключение, что можно таскать меня на следствие. И в таком виде меня таскали вновь на Черное Озеро, в таком физическом и моральном состоянии мне была устроена очная ставка с секретарем обкома ВКП(б) Мухаметзяновым. Ставку проводил Крохичев, которого я знал и ранее. Все предъявленные мне «обвинения» на очной ставке Мухаметзяновым под диктовку Крохичева я отверг. Я пытался нанести за те оскорбления, которые мне наносил Мухаметзянов, бросок чернильницей в физиономию ему, но Крохичев нанес мне несколько сильных физических ударов, а так как я был не в состоянии стоять на ногах, то упал и получил дополнительно тяжелую рану головы с большой потерей крови.

Очная ставка с Мухаметзяновым провалилась.

Вскоре была организована новая очная ставка с бывшим заведующим культпропом обкома Рахматуллиным, тем же Крохичевым, повторялось все то же, что и во время очной ставки с Мухаметзяновым и с теми же физическими методами против меня.

Крохичевым Мухаметзянов и Рахматуллин изображались людьми разоблачившимися, а вот я, отмежевываясь от всех фабрикаций, прожженный вражина.

Весной 1938 года, находясь на следствии в кабинете Гришечкина, часа в три-четыре утра появились Михайлов и Шелудченко, и так как я неучтиво стоял к ним спиной, Михайлов — это нарком внутренних дел, Шелудченко — его заместитель, схватил меня своей лапшей за правое плечо, повернул к себе и сильно ударил, отчего я упал и головой выбил дверь в книжном шкафу.

Возмутительные методы ведения наших дел не имели своего конца.

Мне известно, т. к. я лежал вместе в больнице с Андерсоном, что он пытался покончить жизнь самоубийством от невыносимых пыток, применявшихся к нему — Андерсону — в ходе следствия. Пролежал он с разбитой грудной клеткой месяца два или больше.

За те длинные несколько суток, проведенных в следственных комнатах на Черном Озере, я убедился, что стоном и душу раздирающими криками наполнены все этажи этого учреждения.

Перед майской выездной сессией Военной коллегии Верховного суда меня вновь положили в тюремную больницу и я пролежал более четырех месяцев. Прикованный к постели, надо мной висела опасность ампутации. Новокаин, морфий, пантопон задержали процесс. Я остался на своих ногах и до сих пор.

За время нахождения в тюремной больнице я наблюдал, как десятками вывозились трупы наших товарищей. А я в общей сложности пробыл в тюремной больнице более 8 месяцев, пока не был этапирован в числе других

в Елабужскую тюрьму и видел не одну тысячу мертвецов, прошедших через мертвецкую тюремной больницы.

Эти факты издевательства над нами, но к чему нужно было издеваться над нашими женами, детьми, родственниками и знакомыми?!

После моего ареста вся моя семья—жена с двумя детьми-малолетками, сыну 8 лет, дочке 4 года были выброшены из квартиры на улицу, скитались как только могли. Затем в первых числах мая арестовывается моя жена—член партии с 1928 года, а дети отправляются в НКВД—колонию малолетних. Вскоре умирает дочь от инфекционной болезни. Сына забрасывают в гор. Уржум.

Не добившись от меня никаких клеветнических показаний, жену освобождают из тюрьмы и вот она узнает об участи детей. Такая судьба постигла не только мою семью, а тысячи семей, мужья или жены которых были арестованы.

Бесследно исчезли: предсовнаркома Киям Абрамов—рабочий, которому Алемасов вывернул единственную руку, об этом говорила вся тюрьма; Лепа А. К.—член ЦК ВКП(б), Пожилов В. К., Байчурин, Мухаметзянов, Андерсон, Ганеев, Баскин, Исаков, Биктагиров, Абдуллин, Башкиров, Магдев, Пинхасик, Усманов, Фомичев, Родионов Мотя, Айвазов Мосес, Мусаелян, Асмаров. Десятки и сотни других людей не вернулись из этих застенков.

Алемасов сам принимал участие в пытках. Мне, кроме Абрамовского факта, известен факт избиения им не раз Искандерова—наркомзема ТАССР.

Писать факты садистских методов ведения следствия по нашим не существующим делам вообще невозможно, но что Алемасов за созданную им невероятную провокацию обязан отвечать, как уголовный преступник, убийца ни в чем не повинных людей.

Как известно, абсолютное большинство товарищей, оставшихся в живых, но и умерших, погибших в тюрьмах и

лагерях, восстановлены в партийном порядке, реабилитированы.

Как же можно, что до сих пор виновники этой провокации не понесли заслуженного наказания. В частности, я, как член партии, считаю одним из главных виновников той провокации и трагедии, которая разыгралась в 1937 году в Казани, бывшего первого секретаря Татарского обкома партии Алемасова. Я думаю, что, наконец, должна восторжествовать справедливость и Алемасов должен быть исключен из партии. Этого требует память многих старых большевиков, в гибели которых виновен Алемасов.

19.02.68 г.

Из архива ЦК КПСС.

ПИСЬМО МИХАЙЛОВА ШЕЛУДЧЕНКО

«т. Шелудченко! Грош цена будет делу, если не получим выход за кордон, в частности — Японию, Германию. Гаяз Исхаков является идейным руководителем контрреволюционной организации «Идель — Урал», финансируемой со стороны Японии. Есть данные, эмиссар организации Курбан-Галеев был у нас в республике, имел встречи. Надо крепко мотать Мухаметзянова на японский, а Лепа — латвийский, германский шпионаж. Требуются факты подготовки к террористической деятельности. Возьми дня на 3—4 в работу Султан-Галиева и Сагидуллина. С этой публикой церемониться не следует. Взять от них все до единой капли. Фриновский не возражает эту публику, в крайнем случае, пустить через особую сессию (не обращайтесь внимания на кляузы Кондратенко). Все внимание — групповым делам с выходом на центр или за кордон. Займись мусульманским духовенством. Оно тесно связано с контрреволюционной организацией панисламистов «Идель — Урал» и т. п. формированиями.

Низовку немедленно изъять, причем увязывай в группу

человек 150—200. Надо вычислить, вылизать все корни татарского национального фашизма. Надо нанести сокрушительный удар. Одиночек брать только в крайнем случае, не стоит последними загружаться.

Передай Железникову — изъять всех до одного польских перебежчиков, эмигрантов, формировать латышей, так как на этом участке мы работали (нецензурное слово.— Б. С.).

3 отдел должен давать дела только групповые с выходом на Запад или Восток. Очень удачен выход на «Ровен»¹, надо это дело развертывать. Развертывать немецкую линию, увеличивая темпы следствия. Всех организаторов и перспективных — на разворот лиц держать в изоляторах при наркомате (почему — сам должен понять).

Взять в работу Музафарова и крепко увязать с контрреволюционной националистической организацией Татарии. Москва ждет Марголина 25.01, но если нет выхода за кордон, а зацепки есть, лучше задержаться дней на 15, а дать дело. Мухаметзянов, Лепа и другие должны дать показания не хуже Разумова. Дай указания начальнику РО немедленно учесть лиц, подлежащих изъятию: татарских националистов-фашистов, контрреволюционное духовенство, карателей, поляков, латышей, повстанцев и повстанческих групп. Я думаю, что по линии только контрреволюционных националистических формирований мы должны взять 2—3 тысячи. Я буду просить 5—8 тысяч человек, так как мы работали слабо и участок еще не начат. Надо залезать в периферийное подполье. Чистопольское дело — гвоздь дня». Займись»².

¹ Очевидно, ошибка прочтения. Имеется в виду РОВС, — эмигрантская белогвардейская организация. Сведения о наличии ее агентов в Татарии не подтвердились.

² Советская Татария, 1990, 24 ноября.

Послесловие

Немного об истории этой книги. Несколько лет тому назад в одной из публикаций в газете «Вечерняя Казань» я коснулся нескольких фактов, свидетельствующих об активной революционной деятельности Мирсаида Султан-Галиева и значительном вкладе в борьбу против белогвардейцев. А вскоре мне позвонил читатель. «Как вы могли,— раздраженно заявил он,— ведь Султан-Галиев матерый контрреволюционер! — После паузы, когда мой собеседник, очевидно, искал сравнения пообидней, раздалось: «Он, как Троцкий, проник в партию для ее подрыва. А теперь вы о нем в положительном плане... Сталина на вас нет!..» Такая вот бурная реакция. Трудно всем нам отходить от былых стереотипов в духе «Краткого курса». Сейчас, конечно, такой разговор уже невозможен.

Султан-Галиеву посвящаются многочисленные публикации. В Казани его именем названа площадь перед Ленинским мемориалом. В этом я тоже вижу символ. При всем скепсисе Султан-Галиева по отношению к вождям Ленин был для него авторитетом. И, пожалуй, единственным. Меня иногда спрашивают, вот восстановили доброе имя Мирсаида, знаем, что он не шпион, не диверсант. Скоро его 100-летие. Наверное, будут конференции, торжественные собрания и все, что сопутствует юбилеям. И все же. Что же оставил он народу, его культуре, да и человечеству, не побоимся этого слова, ибо за рубежом давно уже говорят о нем как о величине мировой. Давайте поразмышляем вместе. Наше время с новой силой ставит перед обществом, казалось, решенные давно вопросы. Один из них о соотношении классового общечеловеческого и национального в жизни общества и отдельно в человеке. Вопросы не надуманные. За ними зловещие контуры Сумгаита и Степанакерта, Баку, Оша, Фергань, а вот теперь и Цхинвали... К сожалению, этот список можно продолжить... Мины замедленного действия, ждавшие своего часа и взрывающиеся сейчас, рушащие, казалось бы, незыблемые и привычные понятия о дружбе народов, закладывались в прошлом. Воз-

...вращаясь к нему, мы хотим узнать: где же истоки тех деформаций, которые вызвали столь мощный всплеск национальных чувств. Думаю, что предлагая свои варианты решения национального вопроса, М. Вахитов, З. Валидов, М. Султан-Галиев, П. Мдивани, Т. Рыскулов, В. Затонский и другие, пытались выработать определенные механизмы, предотвращающие сегодняшние ситуации. При всей разнице взглядов их объединяло главное — стремление к реальному суверенитету республик в составе союза. Большинство этих идей были квалифицированы в то время как политическая ересь. А жаль. Один из оппонентов Вахитова писал в 1918 году Сталину: «Нельзя удостаивать инородцев автономии и самоуправления при социальной революции». Он имел в виду, что это отвлечет людей от идей мировой революции. Время показало правоту Вахитова и несостоятельность его оппонентов и их теперешних наследников, прикрывавших высокими словами об интернационализме обыкновенный национальный нигилизм.

Многое из того, что вменялось в вину Султан-Галиеву, оказалось реальным путем развития народов. Вот и Татарстан принял Декларацию о своем суверенитете, и другие республики не хотят жить в узких рамках автономий. А ведь именно за это элементарное требование «разоблачали» не только Султан-Галиева, но и Мдивани, Халикова, Мухтарова.

Одна из главных идей Султан-Галиева заключалась в трезвом счете реалий Востока, отходе от евроцентризма в политике. Некоторые его предвидения поразительны. Так он говорил о государствах народной демократии, видя в них путь к социализму... Впрочем, многое надо еще изучать и анализировать без предвзятости.

Впереди, очевидно, будет немало новых работ о мятежном национальном комиссаре. Цель предлагаемой читателю книги показать основные вехи его жизни, людей, окружавших его, друзей и врагов, с помощью документов приоткрыть завесу над некоторыми политическими тайнами, сопровождавшими уход из жизни В. И. Ленина и победу нового мышления — сталинского, утвердившегося на многие десятилетия и пережившего физическую смерть вождя. Вот, собственно, и все. Думаю, что «Первая жертва Генсека» — название наиболее приближающееся к содержанию книги. И не только потому, что Султан-Галиева так называли Каменев и Троцкий. С 1922 года начался новый этап жизни Сталина — лидера, строящего грандиозные планы установления личной власти. На этом пути он видел тогда тогда препятствие — независимость и исключительное достоинство народов. И выбор первой жертвы на своем пути — в конечном счете «первая жертва» — это мечта народа о свободе.

Оглавление

Вместо предисловия	..
Мирсайд Султан-Галиев: личность и судьба	..
Первая жертва Генсека	..
Долг памяти	..
Второй президент республики	..
Его путь к правде	..
«Антипод»	..
«Дело» Хади Атласова в контексте политической атмосферы 30-х годов	..
О себе и о времени	..
Что за грифом «секретно»	..
Фрагменты документов, ждущих публикации... И комментарии к ним	..
За «кулисами» национальной политики	..
Послесловие	..

Булат Файзрахманович Султанов

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА ГЕНСЕКА
МИРСАИД СУЛТАН-ГАЛИЕВ
СУДЬБА. ЛЮДИ.

Редактор В. С. Шакирова. Художник Ш. К. Насыров. Художественный редактор Ф. Ш. Хасьянова. Технический редактор М. М. Абитова. Корректор С. М. Сидяева. Сдано в набор 3.04.91. Подписано в печать 23.08.91. Форма бумаги типографская № 2. Гарнитура «Журн.-русл.». Печать печ. л. 9,10. Усл. кр.-отт. 9,37. Уч.-изд. л. 10,15. Тираж 9900 экз. Цена 2 руб. 40 коп. Татарское книжное издательство, 420111, Казань. 19. Производственно-полиграфическое объединение им. Ибрагима Галиева. Цех оперативной полиграфии и печати ТССР. 420111. Казань.